18+

АЛОНА КИТТА

Русский излом

РОМАН В ТРЕХ ЧАСТЯХ

Алона Китта

Русский излом.
Роман в трех частях

«Издательские решения»

Китта А.

Русский излом. Роман в трех частях / А. Китта — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906459-2

Роман «Русский излом» повествует о жизни двух поколений семей Астафьевых, Талановых и Беренбоймов на фоне трагических событий русской истории первой половины двадцатого века — революции, гражданской войны, коллективизации и сталинских репрессий. Члены одной семьи нередко оказываются по разные стороны баррикад, друзья детства становятся врагами, а любовь подвергается жестоким испытаниям.

ISBN 978-5-44-906459-2

© Китта А.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1 6
Решка с двуглавым орлом 7
Глава 1 7
Глава 2 10
Глава 3 13
Глава 4 15
Глава 5 16
Глава 6 19
глава 7 22
Глава 8 24
Глава 9 27
Глава 10 29
Глава 11 32
Глава 12 34
Глава 13 37
Глава 14 39
Глава 15 41
Глава 16 44
Глава 17 47
Глава 18 50
Глава 19 52
Глава 20 54
Глава 21 56
Глава 22 58
Глава 23 60
Глава 24 62
Глава 25 65
Глава 26 68
Глава 27 71
Глава 28 73
Глава 29 75
Глава 30 77
Глава 31 81
Глава 32 83
Глава 33 86
Глава 34 89
Глава 35 92
Глава 36 95
Глава 37 98
Глава 38 102
Глава 39 105
Глава 40 108
Глава 41 110
Конец ознакомительного фрагмента. 112

Русский излом
Роман в трех частях

Алона Китта

© Алона Китта, 2018

ISBN 978-5-4490-6459-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Решка с двуглавым орлом

Глава 1

Март 1909.Песчанск.

Остановить во что бы то ни стало эту ужасную дуэль!

Остановить так, чтобы оба дуэлянта остались живы, чтобы помирились и пожали друг другу руки…

А если примирение не состоится, то пусть разойдутся в разные стороны и живут каждый своей жизнью…

Холодное мартовское утро дышало влагой, солнце уже взошло, и ночной сумрак постепенно исчезал: он прятался в длинные, по-весеннему четкие тени. День обещал быть ясным, и не хотелось думать, что он может стать последним для двух молодых людей, возомнивший себя Ленским и Онегиным.

А, впрочем, слишком много чести, если сравнивать этих забияк с известными литературными героями: они скорее похожи на распетушившихся гимназистов!

Девочка бежала по скользкому тротуару, припорошенному снежком, неуверенно переставляя ноги. Она уже упала несколько раз, но тут же поднималась и продолжала двигаться. Бедняжка задыхалась от бега и влажного воздуха, но никакая одышка не могла задержать ее.

Воображение рисовало картины дуэли- одна страшнее другой! Она жмурилась и отгоняла от себя видение: простреленный офицерский мундир- неважно, чей, брата Мити или Евгения Монакова, и маленькая Маруся спешила вперёд.

О предстоящей дуэли ей сообщила старшая сестра Аня.

Час назад обе девочки, Маруся и Аня Астафьевы, собирались в гимназию: Аня заплетала косу, а ее младшая сестра пила какао в столовой. Она-то и заметила, как кухаркина дочь Лиза неслышно подошла к Ане и что-то горячо зашептал ей на ухо.

Маруся насторожилась: Лиза, служившая горничной в семье Астафьевы, обыкновенно в это время занималась уборкой в другом конце дома, и раз и навсегда установленный порядок никогда не нарушался.

Стало ясно, что случилось нечто, из ряда вон выходящее, недаром слезы так и льются из лизиных глаз, и она не успевает их вытирать краем фартука.

Маруся насторожилась и прислушалась, застыв с отпущенным куском сдобной булочки, но так ничего и не разобрала, кроме имени старшего брата. Но что же такое произошло с Митей?

Сестра Аня оставалась невозмутимой. Ни один мускул не дрогнул в ее лице, пока она слушала Лизу.

– Ты бредишь, -громко произнесла она, отстраняя от себя склонившуюся к ней горничную.– С чего ты взяла? Кто тебе наболтал такие глупости?

– Вот Вам крест, барышня, это все истинная правда, —

зачастила Лиза, широко перекрестившись, – Маменька послали судака купить у рыбаков, а там Симка, сторожиха из

казарм… Ну, она и поведала.

– Симка твоя- дура и сплетница. Она все время врёт, ее весь город знает, а ты повторяет за ней басни. Стыдись, Лиза- ты в приличном доме служишь.

Анна, наконец, заплатила косу и села за стол напротив Маруси.

Она подвинула к себе розетку с «царским"вареньем из крыжовника и принялась намазывать на булку. Лиза плакала, но на Анну это не произвело ни малейшего впечатления.

– Ступай, -коротко приказала она, строго посмотрев на горничную.

– Барышня, Вы уж барыне расскажите, -не унимались Лиза, но тут же наткнулась на непреклонный взгляд Анны.

Горничной ничего не оставалось, как покинуть столовую, бессильно махнув рукой.

Маруся с интересом наблюдала за разговором, и кусок, который она забыла проглотить, выпал из ее рта, но девочка этого даже не заметила.

Анна молчала, а Маруся умирала от любопытства: так ей хотелось узнать, что же такое рассказала горничная?

Она замерзала на стуле и нечаянно подтолкнула чашку, отчего недопитое какао выплеснулось ей на рукав.

– Веди себя прилично, -подала реплику Аня, привыкшая на правах старшей воспитывать Марусю и читать ей нотации по любому поводу, а чаще без повода.

В такие моменты сестрица становилась похожей на классную даму Александру Дмитриевну: не хватало лорнета на серебряной ручке и высокой прически.

Маруся, справедливо считавшая, что ей достаточно в жизни одной классной дамы, обычно начинала пререкаться.

Сегодня ссориться с Аней было нельзя.

– Аня, что у нас случилось? -спросила она без предисловий, искоса посмотрев на нее.

– С чего ты взяла? -Анна продолжала изображать невозмутимость, поэтому даже не подумала оторваться от завтрака.

– А чего Лизка плакала?

– Не"чего», а"что».

– Опять ты со своим воспитанием! -рассердилась Маруся.

– Заканчивай завтрак-в гимназию опоздаешь!

Маруся надулась от обиды, но, вероятно, строгой барышне

хотелось с кем-то поделиться услышанным, поэтому через минуту она задумчиво произнесла:

– Лиза говорит, что наш Митя и Евгений Монаков поехали стреляться на Немецкое кладбище, якобы из-за Ольги.

Ну, подумай сама, станет Митя рисковать службой? Да никогда!

Она произнесла эти слова излишне горячо, словно хотела убедить в первую очередь себя, а не Марусю.

– А вдруг это правда? -воскликнула Маруся.

Она вовсе не была уверена в Митинге рассудительности, тем более для одиннадцатилетней девочки такие понятия, как «служба» и «карьера"являлись абстрактными, а Ольга, ставшая причиной дуэли, реально существовала и, более того, жила по соседству с их имением.

– А вдруг это правда? -повторила Маруся, припомнив, что прошлым летом Митя был влюблен в Ольгу. Кажется, Евгений Монаков тоже.

При мысли о статном красавце, товарище старшего брата, в сердце девочки словно вонзилась тупая игла: неизведанная ранее душевная боль охватила все ее существо.

– Получается, Ольга выбрала Евгения? -спросила она, покраснев до ушей.

– Мало того, они скоро поженятся. Евгений уже и разрешение у командира получил, и венчание через две недели, -подтвердила Анна.-А Митя посчитал это предательством…

Анна запнулась: до нее только сейчас дошло, насколько серьезными могут быть последствия этой выходки.

– Ой, Машка! -воскликнула она и зажала себе рот ладошками

– Маме нельзя говорить: она всю ночь не спала из-за Ваньки, -зашептала Маруся, оглядываясь.

Младший брат, пятилетний Ваня, серьезно заболел, и вот уже трое суток маменька дневала и ночевала у его постели, опасаясь последствий лихорадки.

– Да, маме нельзя, -согласилась Аня, -Как ты думаешь, если я побегу на Немецкое кладбище…

– Это я побегу на Немецкое кладбище, -оборвала ее младшая сестра, -А ты позови папу.

Отец рано утром ушел на склад. Аня бывала там неоднократно, и ей не составит труда разыскать его среди множества упакованных кип льняного волокна.

Через пять минут бега по скользкой дорожке Маруся, наконец, достигла цели и задержалась у кладбищенских ворот. Слева в будке сидел привратник, а справа одетая в черное старушка торговала аляповатыми бумажными цветами, покрытыми неровным слоем парафина.

Кивнув на ходу привратнику, Маруся последовала по главной аллее. Могилы были засыпаны снегом, но кое-где между ними пролегали тропинки, вытоптанные посетителями. Самая широкая тропинка вела к кирхе. Маруся предпочла свернуть в противоположную сторону, предположив, что дуэлянты не посмеют стреляться вблизи церкви. Скорее всего действие развернется на краю кладбища, пока ещё свободном от могил. Это место называлось Грачиная площадк а, так как его издавна облюбовали грачи и охотно строили гнезда в густых кронах старинных вязов.

Глава 2

Маруся издали заметила дуэлянтов: Митя и Евгений, оба без шапок и шинелей, медленно приближались навстречу, целясь на ходу. Морозный пар поднимался над их головами при каждом дыхании, лица разрумянились, а руки без перчаток судорожно сжимали пистолеты. Маруся побежала наперерез, утопая в снегу и задыхаясь.

В голове пульсировало, и стучали тысячи молоточков. Она пыталась кричать, но из горла вырывалось только хриплое сипение.

– Не успею, -подумала девочка.

А противники тем временем остановились и подняли пистолеты. Вот-вот раздастся выстрел, и мартовский снег обагрится кровью.

– Господи, вразуми их, сделай чудо, -взмолилась она, проваливаясь в глубокий сугроб.

Тысячи снежных иголок впились в лицо, забились в нос и не давали дышать. Маруся замерла в отчаянии, боясь пропустить звук выстрела, но вместо этого тишину разорвал женский крик. Это было так неожиданно, что Маруся самостоятельно выбралась из сугроба, подгоняемая любопытством.

Она увидела, как неизвестно откуда появившаяся Ольга рыдает на плече Евгения Монакова. Митя стоял поодаль, вид у него был смущённый и растерянный. Он с грустью взглянул на ненужный теперь пистолет и неожиданно швырнул его на дорогу.

Митя уходил, не оглядываясь, как будто стыдился произошедшего. В самом деле, к чему эти мелодрамы? Да и не собирался он убивать бывшего друга, он готовился выстрелить в воздух… Он на ходу подхватил лежащие в сторонке шинель и фуражку, а его соперник и девушка остались сжимать друг дружку в объятиях. Дуэль не переросла в трагедию, а закончилась возвращением в обыденность.

– Я не собирался стрелять в Митю, -заявил Евгений, наблюдая за удаляющимся Митей., -Я бы выстрелил в воздух.

– А отказаться от дуэли нельзя было?, -поинтересовалась Ольга, отпрянув от его груди.

– Нельзя. Это он меня вызвал, -отрезал ее возлюбленный.

Их губы соединились в нежном поцелуе, и Маруся снова почувствовала непонятную тоску в сердце. Все закончилось, а радости она не ощущала. Может быть, оттого, что ей никогда не стать такой красивой, как Ольга, и Евгений не обратит на нее никакого внимания.

Никем не замеченная Маруся повернула в сторону кирхи и скоро вышла на улицу. Все ее прекрасные порывы пропали напрасно, а за пропуск уроков в гимназии придется оправдываться. А самое обидное, что Евгений остался с Ольгой. Подумав об этом Маруся почувствовала, как разбивается на мелкие осколки ее сердце.

А вечером за ужином в семье Астафьевых говорили об утренней дуэли. Масла в огонь подлила забежавшая по-соседски Ольга Миллер-,она заканчивала фельдшерскую школу в Песчанске и снимала квартиру неподалеку.

Красавица рассказала, что о дуэли ее предупредил запиской Родион Таланов, приятель Мити и Евгения. Бросив все, она немедленно взяла извозчика и поспешила на Немецкое кладбище, место указал ей тот же Родион.

– Я успела вовремя, -смущенно улыбнулась девушка, -Правда, оба заявили, что не собирались убивать, но зачем тогда устраивать спектакль? И вообще это средневековое варварство -выяснять отношения с помощью оружия. Хочется верить, что в просвещенным двадцатом веке люди забудут о насилии.

– Мне становится страшно при мысли, что моему Митеньке угрожала опасность -всхлипнула маменька Анастасия Александровна, или Асенька, как ее называл муж.

Она бросила на бывшую подругу старшего сына колючий взгляд. И как ей совести хватило прийти к ним сегодня в дом после того, что она натворила?!!

И что же все-таки Ольга натворила, Асенька толком и объяснить бы не смогла, но считала красавицу виновницей всех бед.

– А мне, сударыня, стыдно, что мой старший сын к своим двадцати двум годам не набрался ума и повел себя крайне безответственно, – папа Федор Иванович без церемоний оборвал Асенька всхлипы.

– Я не одобряю дуэли, в этом есть что-то нерациональное, -строгим голосом произнесла Анна. Эту интонацию она скопировала у директрисы той самой женской гимназии, где учились они с Марусей.

– После утреннего происшествия они оба упали в моих глазах, -Анна докончила фразу и посмотрела на Марусю, с ловно приглашая ее выговориться, однако младшая сестра не спешила высказать своё отношение. Вместо младшей барышни заговорила горничная Лиза.

– Дуэль-это так романтично, -сказала она, картинно закатывая глаза, -Я и не подозревала, что молодой барин и господин Монаков -романтики.

А сами «романтики» коротали вечер в казарме, на гауптвахте. Они и не подозревали о том, что почти весь Песчанск обсуждает их поступок.

Маруся в течение всего вечера не произнесла ни слова.

Она вяло ковыряла вилкой в тарелке, но к еде почти не притрагивалась. Утреннее напряжение отпустил о ее, но девочка чувствовала себя бессильной и опустошенной.

А на следующий день обнаружилось, что Маруся пылает от жара. Вызванный на дом доктор заподозрил пневмонию, и Маменька переключилась с выздоровевшего Вани на младшую дочь. Теперь она дежурила у постели Маруси, стараясь угадать каждое ее желание и не пропустить момент ухудшения.

Несколько дней больная провела в полудрёме, задыхаясь от пароксизмов кашля. Перелом наступил ночью, когда лихорадка внезапно сменилась слабостью, и Маруся постепенно начала поправляться. Взгляд ее стал живее, дыхание свободнее, а на бледных щеках заиграл румянец. Из-за слабости девочка была вынуждена целыми днями лежать в постели, проводя время в размышлениях и воспоминаниях.

Уважаемый читатель засомневается: какие могут быть воспоминания у столь юной особы? О последних каникулах в деревне? А хотя бы и так- что в этом особенного?

Каждое лето Астафьевы проводили в деревне, в загородном доме, построенном ещё Марусиным дедом. Детям нравилось вольное времяпровождение вдали от городской суеты; нравились игры с деревенскими ребятами, купание в речке, рыбалка, походы в лес. Загорелые до черноты, босые, в выгоревшей одежде, молодые Астафьевы внешне ничем не отличались от крестьянских детей. За лето забывалась муштра в гимназии или кадетском корпусе, но как же тяжело было возвращаться в город в конце августа?

Выезда на дачу ожидали чуть ли не с первых заморозков. Взрослые тоже чувствовали себя свободнее в деревне, менее связанными условностями. К тому же у Астафьевых было много друзей в округе. Поездки в гости, на пикники; скромные, но веселые деревенские праздники; самовар на веранде домашняя наливочка перед обедом-что могло быть лучше.

Здесь необходимо рассказать о самих Астафьевых. Дед, построивший «родовое гнездо», происходил из крепостных барина Баташова. После отмены унизительного рабства он стремительно разбогател. Злые языки поговаривали, что деньги он добыл, ограбив на пару с сыном

темной осенней ночью проезжего купца. Кое-кто предположил, что Астафьеву «дался"клад, зарытый в давние времена местным боярином в страхе перед опричниками Ивана Грозного. Но скорее всего, Астафьеву-деду полученная свобода открыла новые возможности, и он ими удачно воспользовался.

Он начал торговать льном, вытесняя одного за другим соперников, и вскоре прибрал к рукам весь товар в своей, а затем и в соседней волости. Удача способствовала ему, настал день, и Иван Астафьев (так звали деда), открыл магазин в Песчанске, а через год и в Санкт-Петербурге.

В столице он наладил связи с английскими и шведскими купцами, и вот уже изделия из Песчанского льна вышли на европейский рынок. Маленький заводик по переработке волокна давно вырос в большое предприятие, которое давало работу многим жителям Песчанска.

Не умевший расписываться Иван оплатил хорошее образование единственному сыну Федору, для этого он «купил"себе и сыну дворянство,«подмазав"кого нужно, и в губернии, и в столице.

Федор, унаследовавший отцовскую деловую хватку, получил прекрасное образование- он закончил гимназию в Песчанске и коммерческий факультет в Санкт-Петербурге. Вернувшись в деревню обладателем престижного диплома, Федор вознамерился жениться.

Какое огромное разочарование его постигло, когда высилось, что помещичьи дочки не считают его ровней себе и достаточно родовитым. В деревенских же простушках он и сам не был заинтересован.

На помощь пришел отец: он высватал для сына дочь своего бывшего барина Баташова, восемнадцатилетнюю Настеньку. Являлось ли это своеобразной местью крепостного своему господину в прошлом, доподлинно неизвестно, однако, женившись на Баташовой, Федор утер нос брезговавшим им барышням.

Этот брак был выгоден обеим сторонам: Астафьевы приобщились к «голубой крови», а впавшие в нищету Баташовы приподняли голову после того, как Иван оплатил их долги.

Федор покупал драгоценности для юной жены. Настенька же, не будучи мотовкой, попросила мужа не входить в ненужные траты. Она редко выезжала, посвятив свою жизнь детям, а их появилось в семье пятеро. Старший сын Митя, как нам уже известно, получил офицерский чин и служил в Песчанске. Второй сын Илья изучал юриспруденцию в столице и домой приезжал только на каникулы.

С родителями оставались две дочери-пятнадцатилетняя Анна и одиннадцатилетняя Маруся. И ещё самый младший Ванечка.

Дед Иван умер год назад, успев порадоваться на внуков. Федор Иванович продолжал семейное дело, а верная супруга Анастасия Александровна умело вела дом. Шли годы, дети подрастали, счёт в банке увеличивался.

Казалось, так будет всегда под сенью распустившегося крыла двухглавого орла.

Глава 3

Ранним утром экипаж, в котором разместились Астафьевы, тащился по лесной дороге. Капли росы падали с ольховых веток на полусонных пассажиров, вздрагивающий от утренней прохлады.

Молодой мерин Орлик, обычно резвый и игривый, дремал на ходу и едва не свернул на отрезок, ведущий к болоту.

Крупные ягоды лесной земляники соблазнительно краснели на обочинах, иногда в густой траве показывались шапочки грибов, но сегодня это изобилие никого не заинтересовало.

Астафьевы ехали в Залесье, в имение Талановых, на день рождения младшей дочери. Понятно, что обе семьи связывала дружба.

В преддверии праздника каждый из Астафьевых предвкушал приятное времяпровождение. Маруся радовалась поездке больше других, ведь именинница была ее лучшей подругой.

Поскрипывая, экипаж выехал из леса и покатился по полю. Запахло таволгой и цветущей гречихой, а тишину нарушал лишь стук лошадиных копыт и стрекот цикад.

День обещал быть жарким, солнце уже высушило росу, и горячий воздух дрожал, искажая линию горизонта.

Маруся рассеянно смотрела по сторонам, выискивая изменения в знакомом пейзаже. Вот здесь разросся Иван-чай, а в прошлый раз виднелись только зелёные побеги,

Здесь- горка из рыхлой земли, ясно, что накануне покопался крот. А по краю поля высыпало столько васильков, что хватит сплести венок.

Сестрица Аня раскрыла зонтик от солнца- настоящий «взрослый» зонтик, одолженный у мамы. Аня боится загорать: ее белая кожа моментально покрывается веснушками. Марусе на веснушки наплевать, она и так самая красивая девочка в округе. Об этом говорят все мамины знакомые, а таким изысканным дамам, как помещица Вера Павловна Благовидова, проводящая каждую зиму в Италии, можно верить.

Маруся пока не поняла, радоваться своей красоте или печалиться, но похвалы взрослых ей были приятны.

Плохо то, что Анна завидовала ей и даже не пыталась скрыть это. Вот и сейчас она с недовольным видом косится в Марусину сторону, словно сравнивала своё новое платье с Марусиным- чистеньким, но поношенным.

Сколько бы Аня ни выпрашивала у мамы зонтики и перчатки, а порой и «взрослые"шляпки, знакомые всегда обращали внимание на Марусю, как бы та ни была одета, хоть в мешок для угля.

Рядом с Аней сидит Илья. Он несколько дней назад получил аттестат зрелости, закончив гимназию в Песчанске, а с осени начинает учебу в Санкт-Петербурге. Как называется факультет, Маруся не помнила, кажется «юридический», но всем было известно, что брат, вместо учебы, хочет делать какую-то"революцию». Если это доходило до папиных ушей, то тихий и спокойный папочка обычно топал ногами на своего среднего сына.

Илья, добрый и весёлый братец, срывался с катушек, когда, начитавшись непонятных книжек, принимался разъяснять «несправедливость"мира. Обычно папа затыкает уши, когда Илья толкует о самодержавии, парламентаризме, разгоне какой-то Думы и необходимости какой-то конституции. Папа начинает сердиться и говорит, что Илью сошлют в Сибирь за такие разговоры, а Илья требует «демократических"свобод, и в частности, свободы слова.

Жаль, старший брат Митя отсутствует. Он приедет в Залесье, но попозже. Да и как же не приехать, если старший сын Талановых, Родион, был не просто Митиным другом, но и соучеником.

Они оба учились в кадетском корпусе, оба поступили на офицерские курсы и уже распределились на службу в Песчанске.

Маруся редко видела старшего брата: он приходил домой только на воскресенье. Она настолько отвыкла от него, что начинала дичиться при его появлении, отвечала на его вопросы, смущаясь,

В жизни старшего брата все было упорядочено, кроме иностранных языков: ну не давался ему немецкий, хоть плачь! Он, конечно, не думал проливать слезы, тем более, хорошенькая Ольга Миллер согласилась с ним позаниматься.

Занятия плавно перетекли в роман, и теперь каждую свободную минуту Митя проводил у Миллеров.

Маруся удивлялась: и не лень было брату вставать на каникулах спозаранку и ехать верхом десять вёрст до станции Белой, где жили Миллеры.

Отец Ольги, Карл Иванович Миллер, служил земским доктором и безвыездно жил в деревне. После смерти жены он воспитывал двух дочерей. Младшая Лилечка, ровесница Маруси, ещё только поступала в гимназию, а старшая Ольга уже год отучилась в фельдшерской школе в Песчанске.

Родители не одобряли увлечение сына и боялись, что он поторопится с женитьбой и забросит учебу. Ну, ничего удивительного-этого боятся все родители во все времена.

Маруся слышала, как папенька говорил:

– Какая любовь может быть в двадцать лет?

Митя ответил на это:

– Только в двадцать лет и может быть любовь! А чувства в преклонном возрасте смешны.

Родители переглянулись и одновременно засмеялись.

– К нам это не относится: мы ещё не достигли преклонного возраста, -улыбнулась маменька.

Повозка въехала на мост, и колеса равномерно застучали по брёвнам. Проснулся Ваня и стал тереть глазки. На пригорке показалось Залесье-стройные ряды крестьянских изб и огороды. А на окраине-барский дом, окружённый ухоженным яблоневым садом. А на крыльце дома Талановы, родители и дети, машущие руками прибывшим Астафьевым.

Глава 4

3.07.1907.

Пора познакомиться с семьёй Талановых, ведь в жизни Маруси и других Астафьевых они всегда играли важную роль. Родители- Петр Андреевич и Любовь Петровна – представляли собой типичных «Старосветские помещиков».

Вся их жизнь была связана с имением: Петр Андреевич вырастил прекрасный сад, гордость всей губернии!

Он выписывал яблони из любого уголка обширной Российской империи и вывел несколько новых сортов.

Барыня Любовь Петровна занималась вареньями и соленьями, искусно вышивала гладью великолепные панно и неплохо игра́ла на фортепиано.

По старой памяти крестьяне шли к ней со всеми бедами, и добрая барыня помогала им, чем могла.

Она часто ездила в деревню на двуколке, и крестьянские дети, увидев ее рыженькую кобылку, бежали следом, зная, что барыня непременно угостит их семечками или орехами, ландрином или изюмом.

Старшая дочь, двадцатилетняя Надя, не унаследовала ни красоты, ни доброты матери. Проучившись два года на Бестужевских курсах в Санкт Петербурге, она впитала в себя черты пресловутого"синего чулка», что даже на каникулах больше времени посвящала устройству сельской школы, чем собственной судьбы. Казалось, Надя махнула на себя рукой и совершенно не предпринимала никаких усилий для улучшения внешности. Невыразительное серое платье, лорнет на простом шнурке, прямые волосы, стянутые на затылке в узел-вот ее портрет без прикрас.

Родион Таланов, будучи на год моложе сестры, отличался от нее и внешне, и характером. Природа подарила ему стройную фигуру и выразительные карие глаза, что предопределило стойкий успех у девушек. Родион дружил с Митей Астафьевым: они вместе учились и в кадетском корпусе, и на офицерских курсах. Появление в жизни Мити Ольги Миллер не повлияло на их дружбу.

К родительским занятиям Родион относился снисходительно,: он осознанно выбрал карьеру военного. Имение его не интересовало, и он не собирался им заниматься.

Петр Андреевич догадывался об этом и возложил надежды на продолжение семейного дела на младшего сына, тринадцатилетнего Михаила, и, кажется, небезосновательно. Миша больше других детей помогал папе в саду, интересовался его опытами и уже сам делал прививки на дичок. Миша учился в Песчанске, в мужской гимназии на полном пансионе, и по воскресеньям часто навещал Астафьевых в их городском жилье. Он перечитал все книги в домашней библиотеке и постепенно обследовал содержимое книжных полок у Астафьевых.

Последняя – Раечка, ровесница и подружка Маруси, модница и хохотушка. Она представляла собой копию матери в миниатюре – те же черты лица, тот же характер. Раечка единственная из всех детей Талановых сопровождала Любовь Петровну в ее поездках по деревне и, так же, как мать, раздавала угощение крестьянским детям.

В отличие от братьев и старшей сестры Раечка не любила учиться и с большим трудом поступила в гимназию. Ее пугала математика, особенно за дачу про наполняющийся бассейн и поезда, вышедшие со станций А и Б навстречу друг другу.

Она с тихим ужасом взирала на колонки арифметических примеров. И тем не менее Раечка не унывала: она рассчитывала на подругу Марусю-если они окажутся в одном классе, Маруся непременно подскажет или даст списать.

Глава 5

Объятия, поцелуи, стаканчик холодного морса, поданный горничной Кланей, торба с сеном для коня – все это было в первые минуты, а затем хозяева и гости дружно направились в летнюю столовую, где уже был накрыт стол для завтрака. Ветерок проникал внутрь через раскрытые настежь окна, лёгкие занавески надувались парусами, а на полу лежали солнечные блики.

Посреди большого обеденного стола, покрытого льняной скатертью, красовалась ваза с садовыми цветами.

Стол был уставлен пирогами и закусками, а Кланя уже несла из кухни самовар. Все расселись вокруг стола, когда появился Родион, приведя с собой незнакомого молодого человека, одетого в лёгкий летний костюм.

– Знакомьтесь, это мой друг Евгений Монаков, мы вместе учимся на курсах.

Мог бы и не говорить: военную выправку не спрячешь!

Евгений оглядел присутствующих, и Марусе показалось, что земля уходит у нее из-под ног. Она никогда в жизни не встречала такого красивого молодого человека, только на открытках, изображающих влюбленные пары. Сероглазый блондин с правильными чертами лица и угольно-черными бровями и ресницами на бледном лице, он улыбался так приветливо, что вскоре расположил к себе всех без исключения Астафьевых.

Появление Евгения не нарушило общий разговор -наоборот, он ловко вел беседу на любые темы, умело вставлял обороты и незатейливые шутки. Он по достоинству оценил трудолюбие Петра Андреевича и предприимчивость Федора Ивановича, а также обаяние обеих матерей семейства, при этом сделал это ненавязчиво, без намека на подобострастие.

Маруся не сводила глаз с нового знакомого. Она отодвинула блюдце с надкушенным пирогом и замерла, боясь пропустить каждое сказанное им слово.

Сидящая рядом Раечка уминала блины, макая их в сметану, и нисколько не обращала внимания на Евгения.

Глупая Раечка! Она не понимает своего счастья, -подумала Маруся, -Ведь она живёт под одной крышей с «ним».

Если бы Марусе так повезло! Почему Митя не догадался пригласить «его"на лето? Брат учится на тех же курсах, что и Родион, и, наверное, знаком с Евгением.

Внезапно ее охватило беспокойство- а вдруг не только она влюбилась в приезжего?

Раечка не в счет-Маруся давно посвящена в сердечные тайны подруги: вот уже полгода ее кумиром был некий Леня Пригожий, сын священника из Лисьих Гор.

Да, но остаются Надя Таланова, сестрица Аня, наконец!

Маруся покосилась в сторону старшей сестры и сразу успокоилась: та занимала разговорами Мишу Таланова.

А Надя убежала, наскоро выпив чаю: она сказала, что ее ждут в земской школе.

– А чем занимаются Ваши родители, Евгений? -спросила маменька, и Маруся мысленно поблагодарила ее за вопрос.

– У моих родителей имение под Екатеринославом, – ответил он, -Мама хотела, чтобы я занимался делами поместья, но я всегда мечтал о карьере военного.

– Значит, сельское хозяйство Вас не привлекает, -с грустью заметил Петр Андреевич.

– Дай Бог, чтобы Вам повезло на военном поприще, -с улыбкой пожелала Любовь Петровна.

Некоторое время все молчали, продолжив завтрак, пока вошедшая Кланя не объявила о приезде Миллеров.

Через окно Маруся увидела сухонького Карла Ивановича, помогающего выйти из экипажа младшей дочери Лилечке, одетой в платье из голубого батиста. Ольга Миллер приехала верхом в сопровождении Мити Астафьева. Молодые люди передали поводья своих скакунов конюху Талановых и направились в дом.

Ольга задержалась, чтобы сменить дорожный костюм на приведенное с собой нарядное платье. Она появилась, когда Митя, Карл Иванович и Лиля уже сидели за столом.

– Оленька, Вы просто красавица, выглядите прекрасно, – произнесла Любовь Петровна, – Садитесь рядом с Митей и Петром Андреевичем.

Оленька сделала книксен:

– Благодарю Вас, Любовь Петровна. Бывать у вас в Залесье- одно удовольствие. Однако, где же именинница?

Раечка вскочила с места и обняла Ольгу, зарывшись лицом в складках ее нарядного платья. Она как раз находилась в таком возрасте, когда девочки обожают молодых красавиц, ищут и находят в них пример для подражания.

Соседка Миллер стала для девятилетней Раечки таким идеалом: она копировала жесты и словечки Ольги, подражала ее интонациям и тембру голоса. Даже прическа- толстая коса с завитыми локонами вокруг лба- являлась точной копией прически Ольги.

Маруся не разделяла Раечкино увлечение: для нее образцом поведения была утонченная и изысканная Вера Павловна Благовидова.

Ольга погладила именинницу по голове и незаметно вытащила из кармана бархатную коробочку. Увидев ее содержимое, Раечка завизжали от восторга:

– Мама, это же настоящее украшение!

На белой шелковой обивке лежала тоненькая золотая цепочка с кулончиком в виде кудрявой головки ангела с изящными крылышками.

– Я сама заработала деньги на практике в больнице, -похвасталась будущая фельдшерица.

– Не рано ли нашей дочери носить украшения? -засомневался Петр Андреевич, -Не обижайтесь, Ольга Карловна, у Вас прекрасный вкус, но я боюсь, что моя дочь будет думать о своей внешности, а не об учебе.

– Уважаемый сосед, Вам непременно хочется именно сегодня сыграть роль строгого отца, -попенял ему Федор Иванович.

– В самом деле, отец, оставим воспитательные речи на потом. Пусть молодежь повеселится сегодня., -поддержала его Любовь Петровна.

Осыпанная подарками именинница гордо нацепила кулончик.

Евгений Монаков с интересом наблюдал за разыгравшейся сценой. Новая гостья чрезвычайно заинтересовала его.

– Кто эта девушка? – шепотом спросил он у Родиона.

– Дочь местного врача. Ее зовут Ольга. Год назад она закончила гимназию в Песчанске, а сейчас изучает медицину в фельдшерской школе.

– А почему Астафьев сопровождает ее?

– Ну, догадайся! Он влюблен в Ольгу уже два года. Помнишь, как прошлой зимой весь курс потешался над ним, когда случайно нашли его письмо к «златокудрый Лорелее?»

Родион замолчал, а Евгений продолжал рассматривать девушку, словно куклу в витрине. Несомненно, это был тип немецкой принцессы с рождественских или пасхальных открыток. Темное золото волос гармонировало с мраморной белизной кожи и глубиной глаз цвета северного моря, а четкая линия подбородка говорила о самостоятельности и решительности.

Митя Астафьев поначалу не заметил Евгения, уделяя внимание исключительно своей спутнице. Наконец, они встретились взглядами.

– Вот так сюрприз! -воскликнул Митя, -Юнкер Монаков собственной персоной! Что привело тебя в наши Палестины?

В голосе юноши чувствовалась ирония: он недолюбливал Евгения, считая того неискренним и двуличным.

– Да, это я. Родион был так любезен, что пригласил меня погостить у него, -отозвался Монаков.

Их неприязнь была взаимной: Митя казался Евгению заносчивым и «не от мира сего».

– Как же ты не предупредил меня, Родион?, -растерянно спросил Астафьев и, не дожидаясь ответа, снова обратился к Монакову, -Ты здесь надолго?

– На все каникулы, и я уже полторы недели здесь.

– М-да, странно.

Митя посмотрел на Родиона, и тот ощутил неловкость от недоговоренности.

– Ты сам виноват, что до сих пор не соизволил навестить нас в Залесье, -оправдывался он, -Впрочем, я понимаю, ты был поглощен конными прогулками в сторону дома Миллеров?

Послышался осторожный смех, Ольга покраснела и прижала ладони к пылающим щекам.

– Да, но причина, по которой он это не сделал, извиняет все, -закончил Евгений, переводя взгляд на Ольгу.

Она смутилась ещё больше.

– Слишком красив, чтобы быть верным, -подумала она и отвернулась.

Ей не понравились намеки этого типа на ее особые отношения с Митей Астафьевым. Однако воспитанность взяла верх над зародившейся было неприязнью, и вскоре она, как ни в чем не бывало, мило поздоровались с Монаковым.

Евгений отдал поклон и спросил, почтит ли барышня своим присутствием бал, который состоится вечером.

– Несомненно, -подтвердила Ольга с некоторым вызовом в голосе, – Но танцевать я намерена только с Дмитрием Федоровичем.

– А это мы ещё посмотрим, -подумала Монаков и, щёлкнув каблуками по-военному, молча удалился. Он принял вызов Лорелеи.

Глава 6

Ровно в час пополудни Любовь Петровна отправилась в деревню. Раечка, Маруся и Лиля Миллер напросились вместе с нею. Еще с утра барыня приготовила гостинцы для деревенской ребятни и собиралась раздать их в честь Раечкиных именин.

Любовь Петровна сама правила лошадью, сидя на месте возницы, а три девочки теснились в глубине экипажа по соседству с торбами из пестряди.

Солнце вовсю жарило, сливаясь по цвету с раскаленным добела небом. Ни ветерка, ни дуновения – и листья на деревьях, и флюгер на крыше барской беседки погрузились в сонную одурь. Деревенские полканы и жучки ленились лаять, рискуя потерять расположение хозяев. Казалось, деревня вымерла-никто не толпился на пятачке у часовни, никто не копался в огороде. Редкий плач младенцев раздавался из приземистых изб. Он сопровождался разнообразными колыбельными песнями, а кое-где и матюгами.

– Это у Катихиных, -пояснила барыня, -Фрол с женой и старшими ребятами ушли на сенокос, дома только дед-матерщинник. Ишь, сердится, что его, Георгиевского кавалера, оставили в няньках.

Девочки смущённо переглянулись.

– Дед, прекрати ругаться! -крикнула барыня в растворенное окошко.

Оттуда донеслось испуганное:

– О, Господи!

Из избы кубарем выкатился на крыльцо плюгавенький мужичонка с деревянной культей, одетый в роскошные штаны и ставшую мягкой от частых стирок льняную рубаху.

Так же стремительно он приблизился к повозке и, согнувшись в поклоне, поцеловал руку сидящей в экипаже даме.

– Барыня-благодетельница, -лебезил дед, -Дык разве ж это ругательство? Это так, присловье.

– Это присловье твой внук с пелёнок слышит. Кстати, кто у Тани родился?

– Девка, Туды ее… тоись, эта… Убыток один в хозяйстве.

Он обречённо махнул рукой: сидеть с мальчишкой-куда нишло, вырастет, будет кому хозяйство передать. А с писклей женского рода не хотелось-организм протестовал против такой несправедливости.

– А где же вся деревня? -удивилась барыня, оглядываясь на пустую улицу, -Я гостинцы привезла, а никого нет. Неужели все в поле?

На ее нарочитое удивление он ответил таким же деланным удивлением:

– Дык где ж им быть? Которые на работе в поле или на сенокосе. Бабы на огородах, а выпивохи второй день в Межицах на поминках гуляют. А ребятишки тута, в купальне.

Кликнуть, что ли?

– Кликни, кликни, -поторопила барыня.

Через минуту пятилетняя внучка Ариша пулей летела в сторону речки, сверкая пятками в поднятой пыли.

Любовь Петровна вынула из торбы кулёк со сладостями и протянула деду.

– Возьми, дед, для внуков. Младшенькую-то как назвали?

– Настькой, -ответил старик, забирая кулёк.

Из избы снова раздался плач хныксы, и дед поспешил к младенцу, бормоча благодарности.

Раечка, сидевшая в уголке экипажа и наблюдавшая за происходящим, осторожно спросила:

– Мама, а деревенские нас любят за гостинцы или просто так?

– Не знаю, -спокойно ответила Любовь Петровна, -Я привыкла, что так было всегда: и при моей маме, и при бабушке. Раньше, когда крестьяне были крепостными, барин за них отвечал. Если нужно, наказывал, если нужно,,поощрял за хорошее поведение. Залесские уже привыкли, что на праздники или именины барыня угощает детей.

В тот момент, как бы в ответ на ее слова, в отдалении со стороны речки раздался гул детских голосов, смешанных с топотом ног. Вскоре на улице показалась ватага босоногих ребятишек всех возрастов. Они остановились в нескольких шагах от экипаж а. Дети молчали, поглядывая то на барыню, то на девочек, то на заманчивые торбы.

Любовь Петровна с улыбкой рассматривала детвору, но раздавать сладости не спешила. Наконец, терпение ребятишек лопнуло, и один мальчик, похожий на вожака среди них, громко произнес:

– Здравствуйте Вам, барыня.

– Здравствуй, Стёпа. Ты хорошо усвоил прошлый урок, -похвалила барыня и строго посмотрела на остальных.

Со всех сторон послышались нестройные голоса, бормочущие приветствия.

– Очень хорошо. В жизни пригодится быть вежливыми и воспитанными, -учительским тоном продолжала она, -А чему я ещё вас учила?

Дети смущённо потупились.

– Не бойтесь, говорите, -поощрила их Любовь Петровна.

– Слушаться маму и тятеньку- тихо сказала белобрысая девочка.

– Не обижать младших, -похвалила другая, косясь в сторону большого мальчика, исподтишка показывающего ей кулак.

– Быть аккуратным.

– Быть работящим.

– Молиться утром и вечером.

– Ходить в школу и слушаться учителя.

Любовь Петровна знаками показала, что этого достаточно.

– А вы поступает в жизни так же? -на этот раз она слегка повысила голос.

Ответом ей было раскатистое детское"да!»

Барыня осталась довольной.

– Ну, что же, хороших детей нужно наградить, -произнесла она нараспев.-У моей дочери Раечки сегодня именины.

Раздайте гостинцы, барышни.

Дети замерли в ожидании, а три нарядные девочки-Рая, Маруся и Лиля-принялись рассовывать конфеты и семечки в протянутые руки. Барыня захлопала в ладони и скомандовала:

– В очередь, в очередь! Прекратите давку! Кто получил, становитесь в конец.

Маруся машинально раздавала леденцы и «подушечки"и не могла отделаться от неприятного беспокойства, исподволь пробудившегося в ней. Внезапно ей стало стыдно и за себя, и за добрую барыню, и за толкающих мы в очереди за конфетами Залесских детей. Что-то неправильное было во всем происходящем Маруся по молодости лет не могла объяснить эту

неправильность. Она ничего не сказала ни Раечке, ни Любови Петровне, но за всю обратную дорогу не произнесла ни слова.

Раечка же и ее ма́ма, наоборот, болтали без умолку, довольные собой. Лиля держала за щекой завалявшиеся леденец и тоже не мучилась размышлениями.

– Они ведь давно не крепостные, -подумала Маруся, вспомнив рассказы деда Ивана о том времени, -А свободных людей унижать подачками нельзя.

– А кто умер в Межицах? -неожиданно спросила Маруся, отбросив размышления о правильном и неправильном в жизни, -Хромой дед Катихиных сказал, что все Залесские там гуляют на поминках.

– Мария Андреева, царство ей небесное, -перекрестилась Любовь Петровна, умудрившись не выпустить из рук вожжи, -Сгорела от лихорадки в неделю. Добрая была баба, пусть ей земля будет пухом.

– Папенька сказал, что, если бы ее раньше привезли в больницу, она осталась бы в живых, -добавила Лиля.

– Судьба, -вздохнула Любовь Петровна.-Жаль детей. Трое сиротами остались.

– А почему мы не повезли гостинцы сиротам? -удивилась Маруся

– Так они же межицкие, у них свой барин есть, – с некоторым недоумением ответила Рая и покосилась на мать. Та согласно кивнула. Маруся снова вернулась к размышлениям:

– Не думаю, что межицкие барин поддержит в горе сирот и пришлет им конфеты.

глава 7

Миша Таланов убежал от всех и спрятался в мезонине, прихватив с собой том энциклопедии, чтобы не скучать. Он с нетерпением ожидал, когда же,,наконец, закончится этот длинный день, заполненный суетой и пустыми разговорами. От них Миша уставал больше, чем от физической работы в саду.

Приезда Астафьевых он с некоторых пор ожидал с подспудным страхом, и виной тому было повышенное внимание к нему со стороны Анны. Старшая из сестер Астафьевых выбрала его предметом своей влюбленности и принялась за дело столь резво, что бедный мальчик был в полушаге от того, чтобы возненавидеть на всю жизнь прекрасную половину человечества.

Лишь только закончился завтрак, Миша с невежливой поспешностью скрылся в библиотеке. Аня последовала за ним, не отставая ни на шаг. Мальчик не решился закрыть дверь перед носом назойливой гостьи. С лицом христианского мученика он взял первую попавшую ему под руку книгу и уселся за письменный стол. Ему никак не удавалось сосредоточиться на чтении: он невольно следил за Аней, перебиравшей книги в шкафу. Наконец, она вытащила толстый коричневый том и разочарованно произнесла, пробежав глазами название:

– У, это на английском!

– Да, на английском.«История Тома Джонса, найденыша"Филдинга, -отозвался Михаил, не глядя в ее сторону.

– И ты читаешь на английском?

– Благодарю за комплимент, но ты слишком хорошо обо мне думаешь. Свободно по-английски я пока не читаю, а эта книга принадлежит маме. У нее в детстве была бонна-англичанка, поэтому маменька хорошо знает этот язык. А теперь и Родион изучает.

– А какая оценка у тебя по английскому?

– «Хорошо».

– А по французскому?

– «Отлично».

– А по немецкому?

– «Хорошо.«А по латыни и греческому тебя оценки не интересуют?

– Почему же? Меня интересует все, что касается тебя.

– Аня, с чего бы это? -возмутился мальчик, -Ты мне не мама и не старшая сестра! Почему ты так беспокоишься о моих оценках?

Аня сделала вид, что не заметила его выпада и вытащила другую книгу. Это был том"Анны Карениной».

– А мой брат Илья говорит, что Лев Толстой исписался, -громко объявила девочка, и в ее голосе послышалось злорадство.

До Михаила не сразу дошел смысл её заявления.

– Лев Толстой исписался?, -переспросил он.

– Конечно, -тряхнула головой Аня, играя коротенькой косой.-Все, что он написал, это в прошлом, а сейчас пописывает глупые статейки. Кому они нужны? Общество не любит нравоучений, ему подавай сюжет, интригу, а это может быть только в повестях и романах.

– «Глупые статейки "-это слова твои или твоего брата?

– Какая разница! -отмахнулась Аня, -Толстой проповедует христианскую мораль, а в новом век она нам и на грош не нужна!

– Бедный Лев Толстой, он станет классиком при жизни, -притворно вздохнул Михаил, – Кстати, ты слышал а, что его отлучили от церкви? Получается, мнение Синода совпадает с твоим и Илюшиным.

Аня пожала плечами и ничего не ответила. Имея смутное представление о сказанном, она просто процитировала слова брата, чтобы произвести впечатление на Михаила, однако мнение брата оказало противоположное действие.

Мальчик снова углубился в книгу, напустив на себя неприступный вид. Она же, словно не замечая его холодности, вытаскивала книги, одну за другой, отпускала комментарии и задавала глупые вопросы.

– Уйди, уйди, уйди, -мысленно приказывал ей Миша, но назойливая подруга не улавливала его сигналы.

Спасение пришло со стороны Анастасии Александровны, разыскивающий старшую дочь. Аня отложила в сторону раскрытый том и вышла из библиотеки, не пытаясь скрыть недовольство. Недолго думая, Миша бросился на чердак.

Глава 8

Послеобеденный сон спорил всех- и хозяев, и гостей: перед балом нужно было отдохнуть и набраться сил, да и невозможная июльская жара не предрасполагала к прогулкам или активному бодрствованию. Прохлада деревянного дома спасала от жары, а кисейные занавески-от комаров и слепней.

Мужчинам -гостям постелили в бывшей комнате дворни, а женщинам -это в просторном салоне.

Ольга Миллер не спала: она лежала на спине, уставившись в потолок неподвижным взглядом, и размышляла. Неужели она, сильная красивая барышня, на самом деле-бесхарактерная тряпка, глупая пустышка, игрушка в руках кукловода. Появление Евгения Монакова заставило думать о себе подобным образом, да и вообще, вывело из равновесия! Чем зацепил ее новый знакомый, непонятно, но зацепил, это точно!

Сначала его стальной взгляд раздражал: он преследовал ее повсюду, изучал, препарировал и заставлял устраивать маленькие проверки -неожиданно вскидывать взор, чтобы убедиться: он тут, никуда не делся! Она и не заметила, когда попала под завораживающее влияние глаз Евгения, серых, как сталь. Она и уснуть не могла без его обволакивающей чувственности. Воображение рисовало стройную фигуру, ироничную улыбку… Она представила, как объятья молодого человека открываются ей навстречу, и…

Ольга вскочила и уселась в постели, потирая виски.

– Неужели я в него влюбилась? Не может быть! Это нерационально, -она вдруг испугалась нахлынувших на нее чувств.

Они казались ей странными и непонятными, и так же странно и непонятно грозили изменить ее жизнь.

Внезапно кольнула мысль:

– А как же Митя?

Митя Астафьев ей давно нравился, ее отношение к нему было ясным и прозрачны м, словно воды лесного озера в солнечный день. Ничем не омрачаемый роман продолжался уже два года, поддерживаемый одобрением родителей с обеих сторон, и по общему мнению, просто обязан был завершиться свадьбой, как только Митя закончит офицерские курсы и получит чин подпоручика.

Будучи знакомы с детства, они прекрасно изучили характеры друг друг а, что давало некоторую гарантию в избежании неприятных сюрпризов в будущем.

И вдруг это будущее подвергается опасности из-за тревожащих воображение взглядов Евгения Монакова.

Они с Евгением ещё не обменялись и десятком слов, и Ольга не склонна была приписывать новому знакомому ещё не сказанное, но про себя решила: это непреложный факт, что Евгений ей небезразличен, и в нем она заинтересована даже больше, чем в Мите.

– Как же быть? Оказывается, я недостойна доверия, только и всего, -сказала себе Ольга, глотая слезы.

Сколько хорошего связывало их с Митей: совместные прогулки, прочитанные книги, поцелуи при расставании…

Как же возможно предать забвению всё это?

Нет, нет, она не должна быть неблагодарной, поэтому сегодня на балу она будет ласкова с Митей и холодна с Монаковым. А ещё лучше, если она и не взглянет в его сторону!

– В России считается, что, якобы, сердцу не прикажешь. Какая ерунда! Мы, немцы, можем подчинить строгой дисциплине даже сердце, -размышляя подобным образом, красавица упустила из виду, что Миллеры давным-давно обрусели.

Ольга немного успокоилась, решив, как вести себя вечером.

Внезапно она захотела в туалет и на цыпочках осторожно вышла из комнаты, заполненной спящими. А, возвращаясь обратно, неожиданно столкнулась с тем, о ком не переставала думать с первой минуты их встречи -Евгений Монаков выскочил перед ней, как чёрт из табакерки. Была ли эта встреча подстроена и срежиссирована, а, может быть, сама судьба подбросила вверх монетку и дала им шанс объясниться- это уже не имело никакого значения!

Евгений выглядел не менее ошеломлённым, чем Ольга! Некоторое время они стояли неподвижно, как вкопанные, пялились друг на друга и не произносили ни слова. Ольга таяла в присутствии юного рыцаря, будто мороженое на краешке плиты. Бледный Евгений казался ей призраком, готовым увести ее в преисподнюю.

Он так и поступил: развернулся на каблуках и пошел прочь. Ольга двинулась за ним, плохо понимая, что она делает.

Монаков вошёл в кладовку, Ольга последовала туда же.

В тесном помещении, со всех сторон заставленном шкафами со всякой всячиной, они оказались так близко, что их дыхания смешались. Евгений осторожно взял ладонь Ольги в свою и почувствовал толчки крови в кончиках ее пальцев. Он резко притянул девушку к себе и поцеловал.

Вдребезги разбились в тот самый миг рассуждения о немецкой дисциплине, способной заставить подчиниться даже сердце. Это было не то, что с Митей-никакого налета привычки, только страсть, испытанная ею впервые в жизни.

Проходили минуты, а они продолжали обмениваться поцелуями, не в силах оторваться друг от друга.

– Я знал, что ты пойдешь за мной, -вырвалось у молодого человека в одну из коротких пауз, -Вернее, не знал, но так хотел этого.

– Я не должна была…

– Как только ты вошла в столовую, меня словно молния сразила- я сразу понял, что не могу без тебя.

– Ты так смотрел, как будто изучал меня.

– Не изучал, а любовался.

Он немного подумал и добавил:

И все же ты не напрасно пугалась: я решил, что пойду на любые меры, чтобы завоевать тебя.

Он замолчал: Митя Астафьев всегда считался хорошим товарищем. Уводить любимую девушку друга-не самый лучший поступок, но Евгений мысленно отогнал от себя все сожаления по этому поводу. Он искал оправдания и нашел: Ольга сама испытывает к нему нежные чувства. И всё-таки он не был готов сегодня же на балу прилюдно объявить об их обоюдной симпатии.

Евгений вдруг закашлялся и смущённо попросил:

– Давай на балу оставим всё по-старому: ты танцуешь с Митей, а я пока побуду в стороне.

– Согласна, -неожиданно обрадовалась Ольга и, глубоко вздохнув, быстро затараторила, -Мы скажем Мите потом. Сначала нужно его подготовить. Не так ли?

– Ах, Ольга, если бы ты знала, как мне трудно отпускать тебя, даже на один вечер, -прошептал он, целуя ее руку, -Но я здесь гость: Талановы-прекрасные люди, однако меня не покидает ощущение, что приглашение на лето я получил из милости. Именно поэтому я не могу совершить, что будет не по нраву Родиону или его родителям..

В глазах девушки появилось удивление: ее задело слово» из милости». Она попробовала протестовать, но Евгений ее остановил.

– Возможно, ты больше не захочешь меня видеть, услышав мое признание, но ты должна знать все. Нет у нас никакого имения под Екатеринославом, а отец мой-мелкий почтовый служащий в Кременчуге, и ему стоило больших усилий дать мне образование. Я хотел быть, как все, поэтому… лгал.

Он взглянул вопросительно, а Ольга в ответ лукаво улыбнулась:

– Ах, боже мой, какая досада- мой принц, оказывается, не имеет королевства… Что же, в таком случае мы-квиты!

Мой отец- сельский врач, а не хозяин поместья. Наша семья не нуждается, но и не может похвастаться состоянием.

Их губы слились в поцелуе, ведь для любящих молодых людей не так уж важны деньги и происхождение.

Глава 9

Двери и окна парадной комнаты дома Талановых были распахнуты – горели свечи в подсвечниках и большой люстре под потолком. Музыканты настраивали инструменты, а гости постепенно заполняли пространство зала. Дамы рассаживались на стулья, расставленные по периметр. Молодые люди фланировали туда-сюда из угла в угол, периодически выходя в смежную комнату, где за карточным столом уже разыгрывалась партия в вист.

Хозяева дома, Петр Андреевич и Любовь Петровна, встречали у входа прибывающих гостей, поминутно кланяясь и улыбаясь. Именинница вертелась поблизости: ей, да и остальным детям, было разрешено сегодня полюбоваться на танцующих.

Три будущие невесты-Рая, Маруся и Лиля в подготовку к балу вложили душу. По их слезной просьбе добрая маменька Любовь Петровна завила им локоны горячими щипцами, а затем уложила в замысловатые куколи. А роковая красавица Ольга Миллер не досчиталась баночки румян.

Девочки обменялись платьями, справедливо считая, что наряд подруги красивее собственного. За корсажем у девочек были приколоты по свежей белой розе-это садовник расстарался, срезал по случаю праздника.

У каждой девочки на балу имелся свой интерес.

Рая знала, что семейство Пригожих будет в Залесье с минуты на минуту, значит, Леня приедет, а с Леней никогда не бывает скучно.

Полненькая Лиля Миллер вполглаза наблюдала за Родионом, а Маруся осталась на балу из-за Евгения.

Трое будущих офицеров вышли к гостям в военной форме и сразу же овладели общим вниманием. Они и в самом деле выгодно выделялись статью среди располневших местных помещиков и молодой поросли типа Миши Таланова или Лени Пригожего. Барышни и их мамаши при появлении молодых людей в форме немедленно стали прихорашиваться, поправлять прически, обмахиваться веерами. Голоса зазвучали чуть громче, а смех- чуть заливистей.

Последней в зал вошла Ольга. Она на несколько секунд задержалась в дверях, собирая восторженные взгляды. В эту минуту она, как никогда, походила на мифическую Лорелею: золотистые волосы были уложены короной, глаза сияли от счастья, и от ее стройной фигуры веяло молодостью и здоровьем. Ольга кивком поприветствовала троих друзей, стараясь не глядеть в сторону Евгения, и через силу улыбнулась Мите.

В это время музыканты заиграли вальс, и на середину зала стали выходить пары.

Словно само собой разумеющееся, Ольга положила руку в белой перчатке на плечо Мити Астафьева, и они закружились в танце.

Евгений Монаков, соблюдая соглашение с Ольгой, танцевал с хорошенькой барышней из Межиц. Он старался держаться подальше от Мити, чтобы не видеть его безмятежно-счастливое лицо и не мучиться угрызениями совести. Однако, один танец сменялся другим, а скрыться от этой пары ему так и не удалось.

В зале становилось душно, и даже распахнутые настежь двери и окна не помогали. Гул голосов чередовался с веселой музыкой, топотом и стуком каблуков о деревянные полы. Евгений вышел в соседнюю комнату, проследовал мимо карточных столов и очутился на веранде.

Прелестная картина открылась перед ним: три маленькие подружки в компании единственного кавалера, исполненного значительности Лени Пригожего, танцевали все танцы подряд под гремящую на весь дом музыку. Они так заразительно смеялись и топали, подобно стаду слонов, что в конце концов их откровенное веселье передалось Евгению, и его меланхолия превратилась в дым.

– Бон суар, мадемуазель, месье.– произнес он, – Почему вы не танцуете в общем зале?

Дети переглянулись, удивлённые его внезапным появлением, и ответили одновременно.

– Мама не разрешает танцевать в зале, а только смотреть. Она боится, что мы помещаем гостям, -ответил Раечка.

– Здесь много места для танцев, – вздохнула Маруся.

– Там все будут на нас смотреть, а мы стесняется, -изобразила испуг Лиля Миллер.

– Там затопчут, -заметил Леня Пригожий.

Евгений невольно улыбнулся.

– Кстати, у вас на веранде уютнее, чем в зале. Разрешите мне присоединиться к вам на некоторое время?

Он выпрямился и напустил на себя только аристократизма, что девочки невольно, одна за другой, присели в реверансе, а Леня щёлкнул каблуками.

– Вы собираетесь танцевать с нами? -спросила Маруся, почему-то отводя взгляд в сторону.

– Если Вы не будете против, мадемуазель, -объявил он.

Дети снова переглянулись и стали горячо убеждать Евгения в том, что они"не против». Звуки нового вальса прервали их на полуслове, но никто из детей не сдвинулся с места. Видно было, что юные танцоры смущаются.

– Кажется, я все же здесь лишний, -вздохнула Евгений.– Вы не хотите танцевать при мне, не так ли?

– А Вы? – спросил Леня Пригожий, – Покажите пример, а то мы не слишком хорошо умеем танцевать вальс.

И тут Евгений сделал то, о чем Маруся вспоминала долгие годы: он взял ее за руку и вывел на середину веранды.

Сердце девочки затрепетало, когда она осознала, что кружится в танце в ЕГО объятьях и удивительно! -Не сбивается с ритма. Она положила руку на грудь кавалеру и откинула назад голову, подражая вальсирующие взрослым барышням. Маруся поймала на себе завистливые взгляды Раечки и Лили, а также замешательство слегка обалдевшего Лени, и желала только одного, чтобы танец не кончался, как можно дольше.

Евгения же забавлялась эта ситуация: он, будущий офицер, танцует с маленькой девочкой, первой попавшейся из трёх. Он даже не обратил внимание на то, что девочка выделяется красотой и грацией и, возможно, в будущем составит конкуренцию признанной красавице Ольге Миллер.

В мыслях молодой человек вернулся в зал, к оставленной им Ольге. Ему нестерпимо захотелось увидеть ее и, может быть, потанцевать.

К счастью, музыка смолкла, и он покинул веранду, пробормотав извинения.

Глава 10

Светлая летняя ночь наконец-то, за час до полуночи, вступила в свои права. Вечерняя заря ещё не погасла, а на небе уже высыпали мерцающие звёзды. Ни ветерка, ни шороха – на измученной зноем земле воцарились тишина и прохлада. Трава поникла под грузом выступившей росы, а над зеркальной речкой клубился пар.

Праздник у Талановых закончился, гости разъехались, и усталые хозяева разошлись по своим комнатам. Папенька и маменька мгновенно провалились в сон, изнуренные суетой этого бесконечного дня: принимать гостей – нелегкое дело!

Виновница торжества заснула с улыбкой на лице в окружении многочисленных подарков.

В соседней комнате Надя, пропустившая танцы, лениво размышляла о том, что нанятого на общественные деньги учителя Акима Анкудиновича придется уволить: слишком часто он прикладывается к бутылке.

Родион Таланов мечтал о покупке нового жеребца на конезаводе, а его товарищ Евгений Монаков планировал следующую встречу а «прекрасной Лорелеей».

Миша Таланов не спал: его взволновало то, о чем в течение всего вечера говорил Илья Астафьев, собравший вокруг себя немалую группу молодежи.

– …Тыcячелетия своей истории человечество стремилось к построению справедливого общества, и сейчас мы, как никогда, близки к исполнению этой заветной мечты, -говорил Илья с таким видом, словно репетировал монолог из какой-то новомодной пьесы.-Скоро лозунги Великой французской революции-«свобода», «равенство», «братство» -получается своё воплощение в Российской империи. У нас не будет несчастных или голодающих, и мы навсегда покончим с таким позорным явлением, как эксплуатация человека человеком.

Он так громко говорил, что заглушал доносящуюся снизу музыку. Молодежь уютно расположилась на балконе второго этажа, прихватив с собой бутылку наливки из погреба. Все, кроме Миши, курили, а единственная в компании девушка, купеческая дочь Мура Трапезникова, держала в руках темный мундштук с тонкой пахитоской.

– Послушай, Илья, а сам-то ты веришь тому, что говоришь? -спросил старший брат уже знакомого нам Лени Пригожего, Володя, -«Свобода», «равенство», «братство» лозунги в принципе неправильные.

Мура, вальяжно развалившаяся в плетеном кресле, удивленно подняла брови и произнесла нечто непонятное.

– А я докажу! -продолжал Володя, – Человек по природе своей не может быть свободен, он живёт внутри социума, а потому обязан выполнять его законы, чтобы не оказаться изгоем. Даже в первобытном обществе люди группировались в семьи, роды, племена, а там существовала четкая иерархия, позволяющая поддерживать порядок в межличностных отношениях.

– Не будьте смешны, Вольдемар, -переспросил его Мура, -Не выражайтесь слишком изысканно.

– Это не изысканность, Мари, а всего лишь научный термин, -возразил Володя, -И, кроме того, свобода от религии приводит человека в зависимость от порока. Представьте себе, что могут натворить обладатели неокрепших душ, если вдруг решат, что им все позволено!

– Никто и ничто не должно стеснять человеческую свободу, – проговорил Илья, -Я свободен, я атеист, но я не более порочен, чем любой из присутствующих здесь. Я не скрываю свои пороки и недостатки от других, я честен перед обществом и даю понять, чего от меня можно ожидать.

– Вы полагаете, это великое достижение- выставлять напоказ свои пороки? Простите, но для эпатажа большого ума не надо, – скептически заметил ещё один его оппонент, реалист-выпускник Николай Уткин.– Мура, обкуривающая нас с утра до вечера, эпатирует не меньше, но не делает далеко идущие выводы из своего курения!

Мура коротко хихикнула, и обиженный Илья недовольно покосился на нее. Поджав губы, он продолжал:

– Я не ищу заслуг, я лишь хочу свободы и процветания для моего многострадального народа. Посмотрите, как вы живёте? Едите, пьете и прохлаждаетесь в ваших дворянских гнездах? А вы подумали, принадлежит ли вам это по праву?

Миша раскрыл рот и хотел сказать, что Талановы владели Залесьем испокон веков и передавали по наследству от отца к сыну. Илья же, как будто прочитав его мысли, оговорился, что не имеет в виду юридическую, а экономическую сторону вопроса.

– Как это? -округлила и без того круглые глаза Мура. Для полноты впечатления она захлопали ресницами.

– Поколения крестьян бесплатно горбатились на своего барина, чтобы тот сладко ел и пил, отстраивал себе дворцы… А мы восстановим историческую справедливость, и все, что принадлежит народу, поделим поровну.

– В этом что-то есть, – с сомнением произнёс Николай Уткин, -Но как, к примеру, разделить Залесье? Между своими, залесскими? Или межицкие с дубенскими тоже потребуют свой кусок? А барин с барыней? Их отделить так же, как и всех, или дать поболе?

– Поболе, -с таким же сомнением произнесла Мура.

– Нет, как всем, -горячо возразил Илья и даже хлопнул ладонью по маленькому столику, да так сильно, что наливка выплеснулась из наполненных рюмок, -Именно, как всем, иначе нарушается главный принцип революции – «равенство».

– Ну да, если дойдет до революции и дележа, то у Талановых я хотела бы забрать трельяж красного дерева, который стоит в Надиной комнате. А от Вас, Вольдемар, старинную жирандоль из бронзы, -мечтательно произнесла Мура и потянулась за портсигаром.

– Хотеть не вредно, но кто же вам позволит делить чужое имущество? -возмутился молчвший до этого момента Миша Таланов, – Вы находитесь у нас в гостях и строите дикие планы разорения нашего дома-неслыханно! Позволь спросить тебя, Илья, по какому праву ты здесь расплряжаешься? Если тебе не терпится что-либо поделить начни с папиной фабрики! Поделишь склады, ваш дом в Больших Дубах! И не зарься на чужое!

– Да я не зарюсь! И не для себя стараюсь, -Илья невольно начал оправдываться, -Представь, если все будут равны, богаты, свободны! Какая прекрасная жизнь начнется у нас! Не будет ни нищих, ни голодных!

– …Волк возляжет рядом с ягненком, -продолжил Володя не без скепсиса в голосе.

– Да вы просто держитесь за свои дома, деньги, землю и не думаете о судьбах родины, -,Илья так разобиделся, что едва сдержал слезы.

Он с размаху сел рядом с Мурой и залпом выпил рюмку наливки. Девушка немедленно обвила его руками за шею и, нараспев, произнесла:

– Бедный, бедный Илюша! То, что ты придумал, это классно -взять и поделить! Не волнуйся, миленький, Мура тебя понимает, как никто другой.

И она, шутя, поцеловала его в висок, оставив на нем карминно-красный след.

– Только, то, что ты здесь предлагаешь, это полный бред, -сказала Володя, -Причем бред, идущий против человеческой природы. Ты хочешь разбудить в человеке зверя и выбросить на помойку сознания десять христианских заповедей, Представь, какие страсти разгорятся при

вашей дележке! Кстати, Мура, ты не подумала о том, что не ты одна мечтаешь о трельяже красного дерева, а,к примеру, Дуня Митина? Она мечтает так сильно, что готова убить любого, кто к нему приблизится.

– Победит тот, кто выстрелит первым, -ответила Мура с неожиданным равнодушием.

– Таким образом, мы получаем первую кровь из-за трельяжа красного дерева, -закончил свою мысль Володя, – А сколько таких трельяжей во всей огромной Российской империи! Прости, Илья, но твои лозунги, вместо процветания, приведут нас к хаосу и кровопролитию.

Спор продолжался ещё некоторое время, но Миша Таланов ушел в смятении. Он, то соглашался с Володей, то восхищался идеями о всеобщем равенстве, которые так яростно защищал Илья. Он так и не решил, на чьей стороне правда.

Глава 11

После праздника у Талановых жизнь в Больших Дубах, имении Астафьевых, покатилась без особых происшествий, даже скучновато. Из всех событий остатка лета Маруся могла припомнить только появление у них новой кухарки Домны и ее сына Афони, ровесника Ани. Последний заинтересовал девочек больше, чем тихая незаметная мать.

Знакомство состоялось во дворе, где Афоня щипал лучину для растопки. Он пыхтел и старательно отдувался, стоя над огромным чурбаком, и аккуратно обрабатывал ольховое полено.

Увидав остановившихся неподалеку девочек в платьях из светлого маркизета, соломенных шляпках с лентами и с кружевными зонтиками в руках, Афоня построил им такую страшную гримасу, что младшей девочке Марусе захотелось заплакать. Она сдержалась, взглянув на старшую сестру: вежливая и воспитанная Аня построила в ответ точно такую же гримасу и облила наглеца презрением.

Получив отпор, малолетний хулиган был обескуражен, но ненадолго. Он вытащил из кармана рогатку и горсть сухих речных камешков и стал по очереди обстреливать обеих сестер.

От чувствительного удара в голень Аня вскрикнула и, схватив первое попавшееся полено, бросилась в атаку на обидчика, а Маруся громко завопила.

На крики сбежались домашние. Домна тоже оторвалась от плиты и заголосила, наблюдая, как два рослых конюха растаскивают драчунов в разные стороны.

– Аня, отдай полено, -уговаривал Митя, но сестра остервенело прижимала его к себе и глядела на всех безумными глазами.

Маруся продолжала вопить, уткнувшись в колени матери.

– Ну и что здесь произошло? -строгим спросил Илья, обращаясь к загнанному в угол Афоне.

– А я почему знаю, -ответил тот, набычившись, – Я колол лучину, а тут пришли ваши барышни и стали меня бить.

От удивления Маруся прекратила вопли и оторвалась от материнских колен. Аня же громко запротестовала:

– Неправда. Это он начал стрелять в нас из рогатки и попал мне в ногу.

Она с гордостью показала ушиб на голени и дырку на чулке в месте попадания камнем.

– Врет! -воскликнул Афоня, покраснев до корней волос, -Это она сама упала!

– Упала назад? -спросила Митя, осмотрев ушиб.

– Ну да, -подтвердил наглец и тоже посмотрел на ушиб.

– Интересно, как она могла упасть назад, если не порвала и не запачкала платье на спине? -усмехнулся Илья.

Как будущий юрист, он уже готовился уличить преступника и восстановить справедливость.

– Скорее всего, врёт не она, а ты, -последовало заключение, но Афоня не испугался Ильи.

– А ты докажи, -пробормотал он.

– Мама, как раз этот мальчик нас пугал и кидался камнями, -пожаловалась Маруся, прижимаясь к матери, -А мы ничего не делали, а просто защищались.

– Защищались так, что побили мальчика поленом, -грустно заметила мать.

– А Вы, маменька, предпочитаете, чтобы он нас избивал, издевался над нами? А мы бы отмалчивалась? Так вот, этого не будет! -дерзко сверкнув глазами, возразила Аня.

– Я бы хотела, чтобы мои дочери вели себя, как истинные леди, и не опускались до уличных драк.

Афоня, внезапно почуявший защиту со стороны барыни, стал охать и кряхтеть, потирая ушибленное место, но стоящий рядом Митя тряхнул его за воротник, и он стушевался.

– Мама, о воспитании сестер мы поговорим потом, а пока нам надо решить, как наказать этого Малютку Скуратова, -предложил старший сын.

– За что наказывать? -взвыл Афоня, освобождаясь из его цепких объятий.

– Да, Господи, были бы силы, сама б затряхнула варнака, – всхлипнула Домна, -Которую службу теряю из-за тебя, постен ты этакий! И нигде ужиться не можешь. Отец у него тоже был такой: пил и дрался со всеми без разбора, пока цыгане не уходили лопатами, когда он у них жеребца украл.

– Домна, я вовсе не собиралась тебя прогонять, несмотря на инцидент, -заявила барыня, -Сделаем так, попробуем подружить Афоню и девочек.

Аня и Маруся переглянулись, обиженные; им вовсе не улыбалось продолжить это неприятное знакомство, но Илья неожиданно поддержал идею матери и согласился «помочь в воспитании Афони».

Митя же, напротив, был настроен скептически.

– Папенька, из волчонка не вырастет кролик, как ни корми его капустой… А, впрочем, поступай, как знаешь.

К сожалению, опасения Мити полностью подтвердились: Афоня, изображая в присутствии барыни ходячую добродетель, продолжал тайком терроризировать девочек. Упаси боже, он больше не вступал с ними в открытую схватку, а нападал исподтишка, стреляя из рогатки или бросая комки грязи из-за угла, и тут же стремительно убегал.

Однажды он пребольно ударил Марусю палкой по спине, и она не посмела пожаловаться из опасения, что маменька ей не поверит.

Положение стало окончательно нестерпимым, когда распоясавшиеся негодяй подкараулил Аню, одиноко сидевшую в беседке с книгой, и поцеловал ее.

Бедную девочку чуть не вырвало! Не о таком первом поцелуе она мечтала. Начитавшись Тургенева, она твердо усвоила аксиому: «Умри, но не давай поцелуя без любви».

И что же? Вместо благородных тургеневских героев в сюртуках и галстуках, причёсанных и гладко выбритых – липкие губы кухаркиного сына. И пахнет от него позавчерашнего сметаной, и одет он в синюю линялую рубаху из китайки и холщовые штаны. И смеётся он дико, и угрожает всерьез:

– Посмей только кому рассказать- хуже будет.

Аня долго мыла лицо с душистым мылом, стараясь оттереть ненавистный Афонин привкус. Она не пожаловалась матери, полагая, что та сочтет ее порочной. И только Марусе она поведала обо всем, обливаясь слезами и заставляя давать клятвы, что сестра никому не проболтается.

Младшая горячо сочувствовала старшей, но помочь не могла.

А положение становилось хуже день тот дня. Почувствовав свою безнаказанность, Афоня дошел до того, что стал требовать от Ани деньги за молчание.

– Иначе расскажу твоим, что ты меня целовала в губы, -не унимался он, – А губы сладенькие, что твой ландрин. Плати, барышня, и не вздумай шутить!

Глава 12

Бедной Ане было не до шуток. Ожидая от Афони следующей подлости, она закрылась в своей комнате и перестала выходить даже к обеду, сказавшись больной.

Но окончательно избавиться от терзающей ее докуки не удалось: Афоня все свободное время крутился под ее окном, орал и пытался заглянуть внутрь, подтянувшись на руках. Он цеплялся за подоконник и громко смеялся. Аня в ужасе забивалась в угол комнаты и подумывала о самоубийстве.

Маруся сразу догадалась о причине внезапного заболевания сестры, а вид прыгающего на одной ножке обидчика, да ещё и распевающего гадкие песни, вызвал в ней сильное возмущение.

В добавок к нахлынувшим на нее чувствам, Афоня приспустил штаны и на мгновение обнажил перед спрятавшихся за занавесками сестрами, круглую задницу,

Маруся резко задернула полуторки на окне и решительно покинула дом.

– Хватит терпеть выходки этого придурка, -возмутилась она по дороге в Большие Дубы.- Разыщу Митю и попрошу его побить Афоньку.

Она знала, что Митя и Илья в компании с братьями Талановыми с утра ушли на рыбалку: в речке Дубенке, как раз напротив деревенских домов, водились крупные щуки и налимы.

– При маме и папе этот наглец и не смотрит в нашу сторону, только улыбается и кланяется. Мама верит этим улыбкам и не замечает, что внутри он смеётся над нами.

Маруся заметила с дороги крупную землянику в сочной зелёной траве и машинально сорвала ягоду.Руки запахом сладким мылом. Маруся, немного поколебавшись, сорвала ещё одну ягоду и мигом проглотила.

Стараясь не отвлекаться, она далее заменила по тропинке и вскоре выбежала на заливной луг, расположенный в пойме реки Дубенки.

Кое-где траву уже выскочили, и она сохла в валках. Берега речки и многочисленных прудов оставались заросшими осокой, таволгой и кипреем. Эти пруды на местном наречии назывались мочила оттого, что крестьяне мочили в них лен.

Маруся припустила к речке, где из-за кустов доносились веселые молодые голоса: братья Астафьевы и братья Талановы ловили под камнями налимов.

Вдруг девочка остановилась, как вкопанная: ей пришло в голову, что неприлично смотреть на братьев, одетых только в мокрые подштанники, покрытые зелёными нитями тины от частого ныряния.

То, что они рассердятся, это полбеды, а захотят ли после этого помочь им с Аней?

Пока она размышляла таким образом, на луг из-за кустов выскочил Миша Таланов. Очевидно, его послали за ведром для улова. Он заметил Марусю в трёх шагах от того места, где рыбаки соизволили сложить свою одежду, ойкнул и, не выпуская из рук ведро, бросился назад.

– Миша, -жалобно позвала его Маруся, – Выйди пожалуйста!

Из кустов показалась недовольная физиономия мальчика.

– Что ты здесь делаешь? -сурово спросил он.

– Надо, – содержательно ответила она и уставилась на край своих туфелек.

– Отвернись, -попросил мальчик, вздохнув.

Маруся подчинилась, а, когда Таланов-младший предстал перед ней в сером летнем костюме, неожиданно зарыдала.

– Марусь, ты что? Случилось что-нибудь? Тебя обидели?, -растерялся Миша.

И Маруся, подчинившись внутреннему импульсу, рассказала Михаилу все без прикрас и утайки.

– Почему ты так долго молчала? -возмутился он, когда печальные Марусиным откровения подошли к концу.-Не говори, что мама на его стороне – ты же после вашей драки во дворе не пыталась ее переубедить?

– Я думала, она нас не любит, -вздохнула девочка.

– Как ты можешь так говорить о матери? Если этот подлец запорошил ей глаза и влез в душу, то это вовсе не означает, что она вас не любит.

– Я хотела попросить Митю нам помочь, -Маруся замялась и кивнула в сторону речки.

Она вопросительно посмотрела на Мишу, догадываясь, что оторвать брата от рыбалки будет нелегко.

– Сами справимся, -заявил он, -Слишком много чести для такого подонка, если им займётся Митя. Вот что, пусть Аня согласится передать ему деньги, ну скажем за дровяным сараем. Кстати, сколько он с нее требует?

– Пять рублей, -уныло произнесла Маруся.

Миша присвистнул от удивления: в то время это была довольно приличная сумма.

А через два часа с Афоней все было закончено. По просьбе Михаила Аня встретилась со своим мучителем в дровяном сарае, якобы, для передачи денег. В назначенном месте на Афоню внезапно напал Миша Таланов и хорошенько отдубасил! Застигнутый врасплох, юный лицемер был совершенно деморализован, к тому же Миша применил к нему несколько болезненных приемов джиу-джитсу. В конце концов Афоня сдался и запросил пощады, размазывая по лицу злые слезы.

– Не приближайся к девочкам, -напутствовал его Михаил, – И не смей требовать с них деньги за своё враньё, иначе мы представим свою версию, и, будь уверен, тебе мало не покажется.

Целый месяц Афоня сторонился девочек, а затем уехал в Песчанск учиться на путевого обходчика.

После этого случая сестры Астафьевы подружились с Мишей, но, если у Ани преобладал элемент влюбленности, то Маруся приобрела верного друга и советчика. Говоря взрослым языком, он стал для нее авторитетом, почти таким же, как отец и мать. Или старшие братья.

Уезжали сразу же после яблочного Спаса. На платформе станции Вязовка собралось столько народа, что наглым голубям не осталось места для неспешных прогулок в поисках зёрен.

Будущие офицеры и Илья Астафьев накануне уже отбыли в столицу. Миша и Рая Талановы уезжали в Песчанск вместе с Астафьевыми. Рядом в ожидании поезда стояла Ольга Миллер: ей предстояло учиться ещё два года.

Маруся оглядывалась по сторонам и вдруг с удивлением заметила элегантную даму Веру Павловну Благовидову в шелковом плаще цвета маренго и такой же шляпке. Чуть поодаль стоял ее муж, действительный статский советник, возле багажа прогуливалась молоденькая горничная Благовидовой с маленькой девочкой, одетой в вязаный капор и красное пальто.

– Что это за девочка у Благовидовой? -спросила Маруся у мамы, – У них же только мальчики в семье.

– Добрая барыня Вера Павловна облагодетельствовала детей Андреевой Марии из Межиц, упокой, Господи, ее душу., -ответил ей, вместо матери, Кланя, кухарка Талановых, –

Филю забирают в приют при монастыре, Федя послужит в казачках у купца Чудеева, а младшую Агашу Вера Павловна хочет удочерить.

Неподалеку от девочки Маруся увидела двух мальчиков крестьянского вида, стриженых «под горшок», крепеньких, лобастых. Они сидели, сложив руки на коленях, словно перед фотографом, и молча наблюдали за суетой на перроне.

– Грустно, -подумала Маруся, – Возможно, братьев и сестру разлучают навек.

В носу щекотало, хотелось плакать, но в этот момент к перрону подошёл поезд, и девочка поспешила на посадку.

Глава 13

Маруся и Рая поступили в первый класс Мариинской женской гимназии. Там уже четыре года училась Аня. Рая была пансионеркой и ночевала в дортуаре при школе, где жили несколько иногородних девочек. Она с трудом привыкала к городской жизни и сильно скучала по Залесью. Уличная суета ее раздражала, учеба не нравилась и, если бы не поддержка брата Миши и подруги Маруси, Раечка охотно сбежала бы домой под мамино крыло.

Но постепенно и она втянулась в новую жизнь и даже радовалась тому, что не нужно разлучаться с Марусей, – можно ходить на городской каток или прогуливаться по Кахановскому бульвару, а иногда в сопровождении кого-нибудь из взрослых посещать синематограф.

Горожанка по рождению и образу жизни, Маруся легко приспособилась к новым обстоятельствам. Ей же не пришлось покидать родной дом, оставить родителей и привычное окружение. Маруся любила учиться, и даже классная дама Александра Дмитриевна, перед которой трепетало не одно поколение учениц, не мешала ей. Девочка привыкла не обращать внимание на окрики и придирки классной дамы – это означало всего лишь досадную помеху в получении новых знаний. В конце концов Марусина оппонентка отстала от нее, заметив полное равнодушие последней.

Между тем осень и зима в Песчанске выдались неспокойными: маленький губернский город бурлил, взбудораженный отшумевшей недавно в столице революцией, а также слухами о том, что многие бунтовщики бежали из Санкт Петербурга, чтобы осесть на некоторое время в нашей тишайшей провинции.

Астафьев-старший старался не думать об этом, пропадая целыми днями на фабрике и в складах. Мать, Анастасия Александровна, не интересовалась происходящим в столице. Правда, ей невольно приходилось выслушивать новости, принесенные кухаркой с базара. Так же ей подробно рассказывали о политике Зимнего Дворца молочница, мясник и торговцы вразнос.

Но, если хозяйка дома частенько ругала непрошенную вестницу и просила не повторять глупости, то в лице барышень кухарка находила благодарных слушательниц.

А слухи доносились, один интереснее другого.

Пропали лекарства из общественной больницы -нет никаких сомнений, что их похитили бунтовщики. Кроме всего прочего, недоставало бутыли со спиртом. И ничего, что больничный сторож Михалыч, как говорится,«не просыхал» со дня предполагаемой кражи, все равно, виноваты бунтовщики.

На Сергиевской улице возле губернского банка появился новый нищий, якобы, инвалид Японской войны. Все вроде бы так, но уж больно смуглый и чернявый, не иначе шпион с Кавказа. К тому же не пьет – очень подозрительный тип.

В доходном доме Ланцовых на Спасской улице поселился какой-то нерусский, говорят, итальянец, художник. Он приехал в Песчанск преподавать в местной художественно-промышленной школе. Странный тип!

Фёкла, служанка Ланцовых, рассказывала, что первым долгом приезжий побежал в музей – ну разве это не подозрительно? За входной билет целый гривенник заплатил! А чего там, в музее, смотреть-то? Жилец этот говорит, картины. Вон Ванька-разносчик за три копейки какие хош картинки продаст. И с продолжением!

На зимние каникулы домой из Петербурга приехал Илья. Он не хвастался своими успехами в изучении юриспруденции, а, напротив, заявил домашним, что продолжать карьеру на этом поприще не собирается, а диплом юридического факультета важнее для отца, чем для него самого.

Федор Иванович злился, пытался спорить, а Илюша в ответ погружался в рассуждения о будущем России, о благе человечества. Иногда главной темой становилась тема революции, которая, как очищающий ливень, сметет всю мерзость с лица́ земли.

Отец злился ещё больше, говорил, что Илья в столице совсем разум потерял, и, вместо серьезной учебы, водит дружбу с болтунами. Такие словесные перепалки случались каждый вечер, и Марусе казалось, что это понарошку, и, когда папе и Илюше надоест разыгрывать одну и ту же пьесу, они рассмеются и поклонятся перед зрителями, совсем как артисты в городском театре. Но дни шли за днями, а репертуар не менялся. Более того, их спор продолжался и в папином кабинете за закрытыми дверями.

Маруся и Аня сгорали от любопытства: если разговор шел только о судьбе России, то зачем запираться? Мы уже слышали и об «очищающее ливне», и о грядущей революции.

В конце каникул отец накричал на Илью, и тот уехал, не попрощавшись.

Вечером Марусе не спалось. Она была обескуражена отъездом Ильи, и какое-то непонятное чувство тоски не давало ей уснуть.

Помочь в данном случае мог хороший бутерброд с черным хлебом и тминным сыром. Маруся выскользнула из постели и в одних шерстяных носках зашлепала по коридору в кухню.

Там горел свет – это кухарка припозднилась с уборкой и приготовлением теста для пирожков. Ее дочь Лиза помогала ей по мелочам.

– Как страшно Федор Иванович кричали на молодого барина, -произнесла Лиза, занятая сметанием пыли с большого стола.

– Молодой барин заслуживает порки, а он ещё легко отделался, -отозвалась ее мать, – Полгода живёт в столице, а совсем, как чужой. Подумать только, такой бред несёт, прости, Господи. А ведь образованный!

– Да что ж он такое совершил? -всплеснув руками, воскликнула дочь, -Болтает себе чудное, а так тихий.

– И, милая, иной раз болтовня страшнее ножа и пистолета.

Отец работает день и ночь, фабрику на себе тащит, старается семью обеспечить, образование дать, а Илья не постеснялся, предложил семейные деньги отдать на революцию.

– Да ты что! -ахнула Лиза.

Подошедшая к двери Маруся замерла, услышав эти слова. О чем идёт речь? О каких деньгах? Если о тех золотых десятках, что лежат у маменьки в шкатулке, то ими распоряжаются родители. Мама говорит, что это"на черный день».

– Помнишь, позапрошлом зимой народ бунтовал? Ещё базар был закрыт, да трамваи не ходили? Так это и была революция, -пояснила кухарка.

– Господи, да зачем же на бунтовщиков деньги давать? -удивилась Лиза.

– И я о том же! -похвалила ее мать, -Только, мне кажется, бунтовщики пропьют и прогуляют нажитое, а молодой барин этого не понимают. А ведь деньги-то не только Илюшины, но и Дмитрия Федоровича, и Анны Федоровны, и Марусеньки с Ванечкой. Ну и барынины, конечно. Барин пригрозили, что не заплатят за университет. Ничему хорошему там все равно не учут только бражничать и безобразничать. А раз так, зачем за это платить?

Глава 14

Через неделю после этого разговора случилось происшествие, потрясшее весь тишайший Песчанск. Пропала Таня Воскобойникова, ученица выпускного класса женской Мариинской гимназии, младшая дочь губернатора.

Пропала, и в течение нескольких дней полиция и добровольцы не могли отыскать никаких следов исчезнувшей девушки.

Накануне ее видели идущей по Ивановской улице. Кажется, потом она свернула в сторону Кахановского бульвара. На Танечке было надето красное пальто с белым меховым воротником, белая шапочка и такая же муфта. Пальто было единственным в своём роде – его сшила портниха Гербер (салон"Версаль», Сергиевская улица), страшно популярная среди Песчанске высшего общества, но жутко дорогая.

Но на Кахановмком бульваре никто не видел ни саму Танечку, ни ее заметное пальто. В городе бродили слухи, один невероятнее другого.

Кто-то видел Танечку в бричке, несущейся по снежной дороге в сторону Елизаровская монастыря. Понятное дело, рядом с ней сидел красавец – офицер.

,. -Не иначе, венчаться тайком то родителей-,решили обыватели.

Полиция проверяла причастность местного криминального элемента к похищению дочери губернатора, но вызванные на беседу, либо захваченные во время облавы урки клялись, что"век свободы не видать», если кто-то из них посмел покуситься на губернаторское дитя.

Подозревали даже местных цыган, коротавших зиму на окраине Песчанска. Часть из них продолжали жить по старинке, в кибитках и занимались торговлей лошадьми, а другая часть пела в хоре в ресторане при гостинице"Парадиз». Чтобы отвести от себя нелепые подозрения, руководитель хора Илья Тараканов лично явился в участок, где уверял представителей власти в кристальной честности своей и своих подопечных, послушании и уважении закона.

Несчастный отец выдвинул предположение, что дочь похищена с целью выкупа, однако никто не требовал у него денег за освобождение Тани.

У Астафьевых за вечерним чаем тоже обсуждали происшествие, и родители предположили, что девочка, возможно, связалась с бомбистами.

– В этом отношении губернаторское семейство имеет печальный опыт, -вздохнула Федор Иванович.

Он имел в виду громкое дело почти тридцатилетней давности по обвинению в терроре группы народовольцев, В этом деле оказалась замешана племянница тогдашнего губернатора. Пятеро несчастных, и она в том числе, были казнены через повешение, а губернатор едва не лишился должности.

Аня отрицательно покачала головой: она слишком хорошо знала Таню, чтобы согласиться с предположением отца Миловидная легкомысленная Танечка, любительница танцев и развлечений, жила осознанием своей красоты и папиного статуса. Мысли о неравенстве в обществе никогда не посещали ее хорошенькую головку, а потому легче было согласиться с версией о бегстве в бричке с офицером, чем о бомбистах.

Маруся же едва вспомнила, кто такая пропавшая Таня: гимназистки старших классов кажутся первоклашкам чуть ли не небожительницами.

Между тем, за столом у Астафьевых присутствовал человек, который мог бы дать нить расследования в руки полиции и, возможно, пролить свет на участь Тани, но этот невольный свидетель предпочитал молчать.

Миша Таланов видел, как в тот роковой для себя день Таня свернула за угол во двор доходного дома Синякиных на Кахановском бульваре, где ее поджидал Илья Астафьев.

Молодые люди сели в крытый возок и уехали в сторону Михайловского посада в компании троих парней, по виду студентов.

Мишу раздирали противоречия: он не знал, как поступить?

Пойти и рассказать обо всем в полиции, означало, выдать Илью, а доносить на ближнего Мища считал недостойным делом. Кроме того, наслышанный о ссоре между отцом и сыном, об отъезде последнего в Санкт Петербург, мальчик допускал возможность ошибки. Он вполне мог обознаться, потому что видел Илью со спины, к тому же с противоположной стороны улицы.

А, если не ходить в полицию и оставить все, как есть, то не отразится ли это на судьбе Тани? Возможно, девушке грозит опасность, и его трусливое молчание доведет ее до смерти?

Миша рассеянно слушал речи за столом и невпопад кивал головой. Обладавший хорошим аппетитом, как все подростки, сегодня он почти ни к чему не прикоснулся, вызвав недоумение хозяев.

Федор Иванович заметил, что с мальчиком творится что-то неладное, и решил поговорить начистоту. Он позвал Михаила в библиотеку под предлогом показа новых приобретений. За закрытой дверью начался трудный разговор.

Михаил доверился соседу, полагая, что Федор Иванович расставит все по местам. Кроме того, он считал Астафьева лицом заинтересованным, ведь Илья его сын.

Выслушав мальчика, Федор Иванович задумался: теперь дилемму Михаила предстояло решать ему. Ах, Илья, Илья…

Понесла тебя нелегкая в политику! И чего тебе не хватало в жизни? Разве, птичьего молока, да и то, за деньги все можно достать… Сколько неимущих даже мечтать об университете не смеют, а ты за первый же семестр сумел обрасти «хвостами»! Мог бы от них избавиться до каникул, а ты тайком вернулся в Песчанск!

А что тебя связывало с дочерью губернатора? Куда вы собирались вместе уехать? Предположение о романе не выдерживает критики: не ты ли называл ее отца кровопийцей и эксплуататором, а его детей – «паразитским отродьем»? Не ты ли восхищался палачами -вождями Великой французской революции, и говорил, что настанет час, и наша плутократия поднимется на эшафот! Не ты ли высмеивал наряды Тани, ее походку, манеру разговаривать?

Скорее всего, легкомысленная девушка сама прибилась к вашей организации и тоже стала мечтать об обществе справедливости. Что-что, а задурить голову кому угодно, вы умеете! Наверняка обхаживали ее с целью получения денег для вашей треклятый революции! После того, как Илюша имел наглость требовать у меня пожертвовать деньги на революцию, я поверю во что угодно.

Глава 15

Встревоженный Федор Иванович попросил Мишу Таланова не предпринимать никаких шагов, по крайней мере, в течение трёх ближайших дней. Сам же он отправил телеграмму сыну в Петербург:

«Беспокоит молчание».

В тот же вечер от Ильи пришел ответ:

«Много занимаюсь здоров пришли деньги».

Федор Иванович вздохнул с облегчением и решил, что Миша Таланов ошибся и принял за Илью другого человека. Значит, его сын не имеет никакого отношения к этому делу. Он почувствовал, как отпускает напряжение, охватившее его во время разговора с Мишей. Он осторожно потирал рукой грудину и глубоко вздохнул. Может быть, сын возьмётся за ум, закончит курс в университете и преуспеет в карьере адвоката.

Он так и не придумал, что сказать Мише. То, что он ошибся? Что Илья не покидал столицу, и мальчик спокойно может свидетельствовать в полиции? Астафьев готов сопровождать туда нечаянного свидетеля.

В полиции к рассказу Михаила отнеслись более, чем серьезно. В участке подробно записали его показания в протокол, дали почитать и подписать. Естественно, мальчик ни словом не упомянул об Илье Астафьеве

Тем временем наступил пасмурный март. Морозы, надоевшие всем с конца октября, сменились серой оттепелью. Ноздреватый снег постепенно таял, и вскоре потоки воды устремились к реке, подламывая под ней лёд. Начавшийся ледоход решил загадку с исчезновением Танечки: ее тело вынесло разливом в речную пойму, и там оно зацепились за кусты краснотала. Приметное пальто отсутствовало, вероятно, смытое водой. Из одежды на теле девушки было форменное коричневое платье и фартук с вышитой на нем буквой"м» -эмблемой Мариинской гимназии.

Опознали ее по одежде и обуви: пребывание в воде сказалось на состоянии трупа, а установить причину смерти предполагалось после вскрытия.

Версия об утоплении отпала незамедлительно, как только прозектор местной больницы обнаружил на шее покойной следы удавки. В полиции открыли дело по факту убийства девицы Татьяны Антоновны Воскобойниковой, семнадцати лет от роду, дворянки. Следователь принялся за показания гимназиста Михаила Таланова.

Его заинтересовало упоминание о дворе доходного дома Синякиных. Свидетель утверждал, что видел потерпевшую, она свернула за угол с Кахановского бульвара и вошла в этот двор. Там ее ожидал возок и трое молодых людей. Очевидно, Татьяна была с ними хорошо знакома, иначе она не поехала бы с ними.

Стоп! А откуда гимназисту известно, что речь шла именно о Тане Воскобойниковой? Могли ли они быть знакомы? Образ жизни гимназистки можно назвать замкнутым: дом, гимназия, прогулки с подругами, летом-дача. Познакомились в гимназии? Влюбленность? Навряд ли выпускница обратит внимание на тринадцатилетнего подростка!

Что-то не то в показаниях мальчика, Не то! И не на пальто он обратил внимание-мужчины не берут в голову такие глупости, как одежда и украшени. Нет, скорее всего среди этих троих был кто-то знакомый мальчику. Именно за ним он наблюдал, а девушка очутилась в поле зрения случайно.

Следователь пометил у себя в блокноте: повторная беседа с М.Т.

Предыдущее дознание провели бездарно, словно исчезла не дочь губернатора, а городская сумасшедшая Улита.

Если возок наемный, то необходимо порасспросить в транспортных конторах: там обязаны регистрировать данные нанимателя, а это непременно даст ниточку к продолжению следствия. Кроме того, подворные обходы, которые ещё никто не отменял, могут стать полезными в отношении новых свидетельств.

Возможно, кто-нибудь из жильцов дома видел этих молодых людей и сможет узнать одного-двоих, ведь, согласно показаниям гимназиста, они довольно долго поджидали Татьяну, околачивались во дворе. Праздно шатающиеся неизвестные вызывают любопытство жильцов.

К сожалению, начало следствия, а именно, беседа с гимназистом Талановым ни к чему не привела: мальчишка упорно отказывался признавать, что среди этих троих был кто-то знакомый. Он настаивал на том, что заметил именно Таню-«на ее приметное пальто нельзя не обратить внимание». На вопрос, был ли он знаком с Таней, ответил отрицательно, добавив, что несколько раз видел ее на катке в окружении подруг.

– А о том, что она-дочь губернатора, известно всему Песчанску, -парировал Таланов.

Следователю ничего не оставалось, как принять объяснения мальчика и отпустить его с миром.

Более результативным оказалось обращение в транспортные контор ы.К концу первого же дня выяснилось, что накануне исчезновения Тани у извозчика Черниченко угнали лошадь с повозкой, которую, правда, к вечеру вернули. Именно поэтому пострадавший посчитал излишним обращение в полицию. На вопрос следователя, каким образом злоумышленникам удалось провернуть авантюру, извозчик сначала замялся, бубня про себя нечто нечленораздельное, а потом, махнув рукой, признался, что пил в это время в трактире на Новгородской улице возле рынка, предварительно привязав лошадь у ворот.

– Вы что, пьяница? -сурово спросил следователь.

– ,Та ни, я вообще не пью, я деньги экономлю, а в тот день бес попутал, -вздохнула извозчик.

– И всё-таки факт распития спиртных напитков имел место? -не унимался следователь.

– Имел, -виновато произнёс Черниченко и повторно вздохнул, а потом горячо возразил, -Но, господин следователь, я же не на свои пил, меня добрые люди угостили.

– И какие же это добрые люди?

Извозчик снова замялся, а потом признался, что подвозил молодого человека с Больничной улицы на Новгородскую, разговорились в дороге, и в результате пассажир пригласил его пропустить по стаканчику в трактире. Там к ним присоединились ещё двое в студенческих фуражках с собранными кокардами. Молодые люди любезно подливали ему водку и сами заплатили за угощение. В конце концов, Черниченко так наклюкался, что очнулся через несколько часов в чулане, лёжа на ларе с мукой. Выйдя на улицу, он немедленно обнаружил пропажу повозки.

Извозчик затруднялся дать описание неожиданных благодетелей, сказал только, что пассажир был высокий, худой,«цыганистый».

Наитие ли сыграло роль, или профессиональный опыт, но следователю пришло в голову показать любителю выпить на дармовщину фотографии лиц, состоящих под надзором полиции. И в первом же альбоме обнаружился таинственный благодетель – извозчик уверенно показал на некоего Ксаверия Стоцкого, недоучившегося студента, мещанина, уроженца Белостока члена организации социалистов-революционеров. Стоцкий был выслан из Москвы, где изучал медицину, после покушения на Великого Князя Сергея Александровича. В Песчанске сей юноша служил санитаром в морге городской больницы и проживал неподалеку на съемной квартире.

– Похоже, дело политическое, а не уголовное, раз уж тут замешан эсэр.-подумал следователь, закончив допрос извозчика. -Это дело, конечно, отберёт охранка и, уж будьте уверены, прошерстит все и всех.

Следователь не ошибся: дело передали в охранное отделение, но эсэр Ксаверий Стойкий скрылся, не дожидаясь ареста.

Глава 16

1909год.

Постепенно забывалась дуэль, взволновавшая семью Астафьевых. Маруся выздоровела, дуэлянтов освободили из-под ареста, а на Красную Горку сыграли скромную свадьбу Ольги и Евгения.

– Весь Песчанск насмешили своей дуэлью, -иронично заметила Аня, – Это для великих поэтов дуэль, как правило, заканчивалась смертью, а наши мальчики помахали перед носом пугачами и поставили на уши весь город.

Лето, как обычно, провели в и́мении Большие Дубы, только Митя оставался на службе. Осенью вернулись в Песчанск.

Новый учебный год в обеих гимназиях, мужской и женской, был ознаменован неприятными происшествиями: кто-то разбросал в рекреациях листовки, отпечатанные на гектографе.

«Гимназисты и гимназистки! Долой эксплуататоров-педагогов! Долой порочную систему учебы за оценки!

Да здравствует революция в образовании – без оценок, без домашних заданий и записей в дневниках!»

Как назло, мужскую гимназию посетил школьный инспектор, впавший в ярость после ознакомления с содержанием листовок. Струхнувший директор гимназии поспешил обратиться в полицию, и местные сыщики рьяно взялись за дело.

Прежде всего допросили учащихся старших классов, затем вызвали сторожа и воспитателей, но ни одна деталь не позволила выявить виновного. Складывалось впечатление, что листовки залетели в школьное здание через раскрытое окно.

Вечером в просторной гостиной Астафьевых девочки обменивались впечатлениями с Мишей Талановым. Он рассказал о приезде полиции, а девочки наперебой повествовали об истерике, которую закатила директриса прямо на школьной линейке.

Федор Иванович делал вид, что читает «Песчанские новости», но в действительности прислушивался к ребячьим разговорам. Он с легким сердцем мог бы предположить, что эти листовки – глупая выходка некоего лоботряса-гимназиста, исключённого за неуспеваемость, если бы не одно обстоятельство: листовки отпечатанные на гектографе!

Илюша упоминал, что в их организации используют гектограф. Неужели «революционеры"не гнушаются распространением своих идей в гимназической среде? Воистину нет границ человеческому бесстыдству!

Он снова потёр рукой грудь, почувствовав, как перехватило дыхание, и железные обручи сдавили ребра. Ах, сынок, знал бы ты, сколько тревоги ты мне приносишь! Слава Богу, не бросаешь университет!

Через некоторое время боль отпустила, и Федор Иванович успокоился. В самом деле, зачем так волноваться? Илья в Петербурге, он не причастен к этим безобразным выходкам и, скорее всего, это действительно дело рук записного двоечника.

Между прочим, был один человек, хорошо знакомый Астафьевым, который определенно указал бы на виновного.

Афоня Храмов, сын кухарки Домны, учился в Песчанске на путевого обходчика, одновременно совмещая учебу с революционной деятельностью в группе деповской молодежи, и последняя удавалась ему гораздо лучше.

За два года жизни в Песчанске подросток не преуспел в освоении профессией, и в депо его держали на черных работах. Мастер Ломов напрасно старался вложить науку в упрямую

Афонину голову, напрасно рисовал радужные картины уважаемой работы, приличного жалования, гордости от принадлежности к службе железных дорог. Молодому человеку хотелось всего и сразу, а денег столько, чтобы хватило и на ипподром, и на рестораны -Афоня имел возможность наблюдать купеческие кутежи в вокзальном обеденном зале.

В действительности же ученических денег хватало на съем угла в Кузнецкой слободе, скромные обеды в деповской столовой и еду всухомятку по вечерам.

Тянулись тоскливые серые дни, заполненные бесконечным стуком молотка по железным костылями, проверкой стрелок и семафоров, невкусной едой и одиночеством. Афоня скучал по матери, по беззаботной деревенской жизни, но сознавал, что возврата к старому нет.

Однажды весной, когда они с мастером Ломовым делали проверку только что прибывшего состава, внимание Афони привлекла группа пассажиров, вышедшая из вагона первого класса. Это была семья – респектабельный отец, дородная ухоженная мать и две симпатичные девочки в одинаковых шляпках и элегантных пальто. Отец семейства жестом подозвал носильщика, мать равнодушно наблюдала, как здоровяк в брезентовом фартуке ставит чемоданы на тележку, а девочки с интересом озирались вокруг. Одна из них случайно встретилась взглядами с Афоней, скорчила гримасу и отвернулась.

– Вот так цаца, -вырвалось у мальчика, – И что она так важничает?

Мастер Ломов, не оборачиваясь, объяснил:

– Баренбоймы вернулись из Варшавы. Ездили сыночка проведать, он у них там в университете. Богатые -жуть!

Афоне показалась странной необычная фамилия, и он спросил:

– А кто они, дядя Митя?

– Он сахаром торгует, купец. Евреи они.

Афоня задумался: евреев в городе было не так много. Песчанск находился по ту сторону черты оседлости, и жить в нем разрешалось не всем, а только богатым.

Торговец Баренбойм принадлежал к первой гильдии. Он поселился в Песчанске, благодаря его близости к столице. Кроме того, железная дорога разветвлялась в сторону Прибалтики, Польши, а также на юг, в Белоруссию и на Украину, а оттуда в Румынию, Болгарию, Югославию. Дом торговца на тихой Казанской улице выделялся новизной и стильностью, и даже забор представлял собой произведение искусства -хитрое сплетение металлических прутьев, розочек и полосок. Баренбойм прекрасно прижился в тихой русской губернии, его дело процветало, а нарядное ухоженные семейство дразнило своим видом обывателей.

После той мимолётной встречи на перроне Афоне неоднократно удавалось увидеть мельком девочек, таких же элегантных и надменных. Он поймал себя на том, что, с одной стороны восхищается ими, а с другой – и они сами, их наряды, поведение, даже сам факт их существования ужасно его раздражал. И сколько раз ему хотелось швырнуть помойной грязью в светлые шелковые платья сестер, отобрать у них школьные ранцы, вывернуть в лужу их содержимое и топтать, топтать, топтать чистенькие тетрадки с аккуратными пятерками.

Позже он узнал, что старшая из сестер Баренбойм, Рашель, преподает в вечерней школе для взрослых, организованной при депо.

Злые языки утверждали, что молодая учительница рассорилась с семьёй, отвергнув выбранного для нее жениха, и начала самостоятельную жизнь. Она поступила на службу и сняла квартиру в районе вокзала. Родители девушки пришли в ужас от того, что их старшенькая, красавица и умница Рахилечка, общается с новыми и не соблюдает еврейский образ жизни. Более того, дочка шокировала их высказываниями, явно с чужого голоса, о"всеобщем равенстве и благоденствии», «исторической роли России в преобразовании мира» и о том, что"террор – это благо».

Впрочем, учительское жалование оказалось настолько мало, что после оплаты счетов у беглянки на руках осталась сумма, которую в школьные годы Рашель получала от папы «на булавки». Пристыженная, она вернулась назад под родительское крыло, оговорив себе возможность продолжать работу и свободно выходить из дома.

Афоня загорелся мыслью взглянуть на учительницу-миллионершу и поспешил записаться в вечернюю школу. Не понадобились и убеждения мастера Ломова.

Глава 17

Никто не обратил внимание на подростка, который, сутулясь и озираясь, вошёл в класс. Это была обычная, жарко натопленная комната с тесно продвинутыми друг к другу столами.

Вошедший вслед за Афоней молодой машинист резко сорвал картуз с головы мальчика и буркнул в ответ на его удивление:

– Имей уважение, это школа, а не кабак.

Афоня спрятал картуз в карман пиджака и сел на крайнее свободное место.

Урок ещё не начался, и от нечего делать мальчик рассматривал присутствующих. Большинство лиц были ему знакомы: машинисты и обходчики, деповские слесари и грузчики. Женщин было немного, только четыре, в одной из них Афоня узнал пожилую Анисью, уборщицу зала ожидания.

Отработавшие смену, невыспавшиеся и усталые, они тем не менее строили из себя прилежных гимназисток: громко бубнили, повторяя урок, сверяли ответы задач и повторяли вслух стихи.

«Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром…» —
шептала Анисья, раскачиваясь всем телом.

– Да знаю я это, выучила, -вздохнула ее товарка, -А понять, не понимаю.

Она вышла на середину и прочитала перед всем классом:
«…ветреная Геба,
Кормя зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.»

– Че? Как?, -послышались голоса.

– Рашель Львовна стих учить задали для развития памяти, -принялась за объяснения Анисья, – Книжки принесли, сказали, выбирайте. Мы с Дуней выбрали это, думали, все знакомое – про весну, про грозу, ну, и стали зубрить сдуру. А последний куплет нам, ну никак не даётся! Вроде и по-русски написано, а ничего не понять.

– Так выучи другое., -подала голос Афоня и осекся: гул в классе стих, и все уставились на него.

– Ты, паря, здесь новенький, неученый ещё, -солидно произнёс машинист Долгов, -Не знаешь, как она, наука-то даётся! Особливо после работы.

– Да, -с обидой заявила Дуня, – Мы с Анисья полстиха выучили, нешто зря старались?

– Нет, конечно, не зря, -раздался голос только что вошедшей в класс учительницы. Она невольно услышала реплику своей ученицы за дверью.

Всё дружно, как по команде, встали с места. Афоня тоже поднялся и… замер с раскрытым ртом. Рашель Баренбойм была удивительно красива, очевидно, такой была ветхозаветная Батшева, жена военачальника Урии, сразившая наповал своей дивной красотой храброго царя Давида. Ее слегка растрепанные рыжие кудри в тусклом свете слабой лампы накаливания сияли нимбом вокруг головы. Голубые, слегка навыкате, глаза смотрели поверх, словно видели нечто неведомое остальным. Губы, яркие без всякой помады, растянулись в приветливой улыбке. Точеная фигура учительницы казалась неуместной в этой запущенной комнате, и Афоня подумал, насколько ярче была бы эта красота в подобающем для нее месте. В ресторане"Парадиз», например. На другое его воображения не хватало.

Сзади Афоню дёрнули за рукав, и он плюхнулся на своё место. Он не сводил с учительницы глаз и даже, кажется, позабыл закрыть рот, слушая ее объяснения о том, кто такие Зевс, Геба и «зевесов орёл».

После того, как Дуня с Анисьей продекламировал Тютчева и получили заслуженные отметки"отлично», класс занялся решением задач. В голове Афони после обучения в церковноприходской школе задержались кое-какие знания, но и ему поначалу было трудновато.

Постепенно из глубин его памяти всплывали все четыре арифметических действия и даже таблица умножения, за которую учитель Анкудиныч неоднократно ставил «неуд» и пребольно щёлкал линейкой по голове.

Афоня невольно заинтересовался задачами, включился в их решение и осмелился выкрикивать что-то с места, стараясь обратить на себя внимание Рашель Львовны.

Он возвращался домой совершенно счастливым: учительница не только отметила его старание, но и поставила другим в пример.

Так Афоня начал учиться в вечерней школе. Он из кожи вон лез, чтобы не ударить в грязь лицом перед девушкой, он спал по три часа в сутки, просиживая ночное время за школьными заданиями. Ради Рашель он был готов совершить все, что угодно. Он даже стихи учил наизусть, и не такие коротенькие, как Дуня с Анисьей. Особенно хорошо запоминался Лермонтов, а"Воздушный корабль» он читал перед всем классом на оценку и не сбился ни разу.

Рашель снисходительно слушала его неумелую декларацию, но поставила «отлично». И тут же перешла к задачам.

Афоня почувствовал разочарование: ему было мало отличной оценки. Ему хотелось, чтобы Рашель Львовна похвалила его, поставила в пример другим и, возможно, погладила бы по голове. Этим она выделила бы его из всего класса, а так он остался для нее одним из многих. И снова в душе у мальчика шевельнулось что-то темное.,словно случайно брошенный камень в подернутую пленкой лужу поднял с ее грязного дна страшное зловоние.

Ему захотелось унизить Рашель, причинить ей боль, посмеяться над ней прилюдно. Она была слишком чужой и слишком красивой, чтобы Афоня мог с этим смириться.

Ни одно из промелькнувших чувств не отразилось на его лице – со стороны оно казалось спокойным и даже одухотворенным.

Рашель же, обманутая его мнимой одухотворенностью, посчитала Афоню чуть ли не за родственную душу. Она подумала, что столь романтичная натура не может остаться равнодушной к стонам эксплуатируемого народа и не верить в революцию.

На перемене осторожно, чтобы никто не услышал, она предложила Афоне прийти в кружок в пятницу. Так Афоня Храмов появился в нелегальном кружке, где деповские под руководством той же Рашель Львовны изучали Маркса.

Кружок был зарегистрирован, как"общество по изучению немецкого языка“, поэтому на столах, рядом с „Капиталом"Маркса всегда лежали немецкие словари и учебники. Начальство разрешило учить язык по просьбе рабочих, дескать, половина вывесок на железной дороге и вокзалах в Прибалтике и Польше выполнено по-немецки, и без знания его основ машинистам затруднительно..

По правде говоря, немецкий нужен был машинистам, как собаке пятая нога, а надписи"vorsicht“, „Eingang“, „nicht rauchen"они понимали без перевода.

Солидные тома «Капитала», изданные за границей на тонкой папиросной бумаге, уже несколько похудели за время обучения: незадачливые «марксисты"вырывали листы из книг для скручивания цигарок.

Учительница рассказывала про прибавочную стоимость, производительные силы и производственные о́тношения, и вскоре Афоня понял, что в депо его нещадно эксплуатировали. По словам учительницы выходило, что 90%прибавочной стоимости от всех перевозок посту-

пало в карман хозяину, и лишь жалкие 10%– на оплату труда мастера Ломова, Анисьи с Дуней, самого Афони и всем деповским. Возмущенный до глубины души мальчик спросил у Рашель Львовны, что нужно делать для восстановления справедливости, и она, четко выделяя каждое слово, ответила:

– Нужно отнять несправедливо накопленные богатства у правящего класса и поделить среди обездоленных.

И Афоня мысленно с ней согласился. Решение оказалось таким простым, что он удивился, как это он сам не додумался! Отнять и поделить – гениально!

И Афоня принялся» перераспределять"богатства путем банального воровства. Он навострился чистить карманы фланирующих по набережной богатеев, резал сумочки кухарок на рынке, а однажды стянул миниатюрные часы-кулон у Рашели Львовны.

Она ни на минуту не заподозрила Афоню, посчитав, что часы потерялись из-за перетершейся цепочки. Наоборот, он удостоился ее доверия и получил первое задание – разбросать листовки в обеих гимназиях. Афоня ловко выполнил поручение, а попутно покопался в шкафу, где висели пальто пансионеров, откуда добыл мелочь: ею он тоже не брезговал.

Глава 18

1911,18 октября.

Рыжеволосая девушкам дела на скамейке возле памятника"защитникам Песчанска от польских войск короля Стефана Батория», поставленного на народные деньги. Она никуда не спешила, спокойно любовалась буйством красок октябрьского листопада, и лишь изредка подрагивала от пронизывающего холода, но не делала попыток подняться. Вдоль длинной аллеи вязов гуляли люди. Педагог из реального училища вывел на экскурсию младших мальчиков, и они, построившись парами, поднялись на горку к памятнику. На соседней скамейке пристроилась бонна, прогуливающая двух малышей и болонку. Бонна вынула из ридикюля книгу и погрузилась в чтение, а дети, предоставленные сами себе, собирали разноцветные осенние листья. Болонка же обнюхала знакомый фонарный столб и принялась лениво тяфкать на воробьев.

Поглощённая чтением бонна смахнула слезу изящным кружевным платком.

«Jane Eyre» – девушка прочитала название романа и усмехнулась: вероятно, придуманная история юной гувернантки задела за живое пожилую некрасивую бонну. А, может быть, она сама переживает в настоящий момент нечто похожее? Однако, книга книгой, а забывать о своих обязанностях негоже: шумная маленькая болонка погналась за нахальным воробьем и в азарте выскочила на Георгиевскую улицу через проход, именуемый проломом. История гласит, что он образовался от взрыва, организованного жителями города во время обороны от поляков.

Дети заметили маневр любимой собачки и, побросав листья, погнались за ней. И только сейчас бонна вернулась в реальный мир.

– Мон дье, Поль, Сашá, вернитесь!, -воскликнула она, -Мими, назад!

Ее рыжая соседка решила, что «Поль"и"Сашá"-это воспитанники, а"Мими» -несносная болонка.

– Медам, месье, держите детей! -крикнула бонна, обращаясь к группе гуляющих, но те лишь недоуменно пожимали плечами.

– Чем книжки читать, лучше бы за детьми глядела, курица, -вмешался неизвестно откуда появившийся дворник. Он как раз направлялся к памятнику, и вид золотисто-красного ковра из листьев подпортил ему настроение: тут за час не управишься, а ему через час позарез нужно быть дома. Дело в том, что Г-н адвокат, квартирующий в их доме, приедут на обед, и, если дворник самолично откроет ему дверь и поухаживает за его лошадьми, то дело закончится хорошими чаевыми.

Бонна не снизошла до свары с дворником, а быстро перешла на французский и затараторила, оправдываясь перед невольными слушателями, что и отвлеклась же она всего лишь на секунду.

Тем временем из-за пролома показались дети и бросились к бонне. Следом за ними молодой офицер вел на поводке разочарованную Мими: она уже забыла про воробья, обнаружив на незнакомой улице очаровательную помойку. А этот невоспитанный человек грубо оторвал ее от увлекательнейшего занятия. Мими хотела в отместку куснуть этого типа, но ботинки, обутые на нем, были такие грубые, не то, что домашние туфли хозяина. Болонка вздохнула и покорилась судьбе, решив, что эта прогулка не последняя, и не сегодня-завтра она пошурует на найденной помойке.

– Это Ваша собачка, мадам? -спросил офицер у бонны.

Та прервала на полуслове своё французское тарахтение и кивнула головой, а потом горячо поблагодарила «мсье"за «любезность.»

– Не стоит благодарности, -улыбнулась молодой человек, -Я не мог допустить, чтобы Мими потерялась.

И объяснил в ответ на ее недоумение:

– Вы ведь служите у доктора Стасова, не так ли? Мне приходилось бывать у него по средам. Господин доктор – университетский друг моего отца.

– Ваш отец – мсье Астафьев?, -догадалась бонна.

– Совершенно верно, А я – Дмитрий Астафьев, -он улыбнулся, – Так что Мими мне некоторым образом знакома.

Девушка с интересом наблюдала за сценой.

– Дмитрий Астафьев… Не брат ли он Илюши Астафьева? – повторило она вслух.

Илья теперь в Петербурге продолжает революционную деятельность, а про старшего брата он как-то сказал, что тот «непробиваемый».

Впрочем, ей дела нет до братьев Астафьевых. У нее свои жизненные коллизии, и вот из-за одной из них она мёрзнет уже полчаса возле памятника. Скоро полиция заинтересуется и потребует документы.

Кто же этот тип, заинтриговавший ее, отправив записку без подписи? Он назначил ей встречу в полдень у памятника.

Уже без двадцати час, а никого нет! Если это чей-то глупый розыгрыш, то она все силы положит, чтобы узнать автора.

Между тем, с противоположной стороны на горку поднялись три монаха из соседнего монастыря. Рассказывали, что они всегда заглядывают сюда, возвращаясь из города, чтобы поклониться мужественным защитникам православной веры. Монахи простояли у обелиска, перекрестились и прошли мимо скамейки к другой лестнице.

Девушка решила, что ее терпение небеспредельно, и как только уйдут монахи, она встанет со скамейки и тоже покинет городской сад.

Один из монахов задержался, заглянув ей прямо в лицо, и она уже готова была возмутиться, но попристальней посмотрев на инока, моментально узнала того.

– Добрый день, Рашель, -сказал инок.-Спасибо, что пришла. Ты меня узнала, правда?

Рашель испуганно кивнула: это был он, ее романтический герой, эсэр Ксаверий Стоцкий.

Глава 19

Песчанские эсэры стали опекать Рашель ещё в гимназии ну как же, дочь сахарного короля Баренбойма была лакомым кусочком для организации, вечно нуждающейся в деньгах.

Рассчет был на то, что часть семейного состояния так или иначе достанется дочери, и следовало только убедить наследницу пожертвовать капиталы на благое дело установления справедливого общества. А запорошить мозги юной восторженной девушке – это дело техники.

Неожиданно для Рашель ее дружбы стала добиваться некая старшеклассница, уже вовлечения в организацию: якобы, случайные встречи, разговоры с незаметным переходом на темы о «благе народном», запрещённые книги – Чернышевский, Степняк-Кравчинский. Стран но, история двух замужества Веры Павловны произвела на Рашель более сильное впечатление, чем революционная деятельность народовольца Андрея Кожухова. Девушка позавидовала внутренней свободе мадам Лопуховой-Кирсановой: и как это ей все легко удалось? И из семейной клетки вырвалась, и мужа завела, и любовника, да ещё и подружила их. К тому же удачно вложила деньги в швейное производство и не прогорела.

По сравнению с жизнью эмансипированной Веры Павловны существование Рашели казалось абсолютно беспросветным.

После окончания гимназии отец выдаст ее замуж за Меира Канторовича – и все! Рашель, подобно другим замужним еврейским женщинам спрячет свои роскошные волосы под парик, будет вести дом мужа и рожать ему детей. И так до смерти. Рашель Баренбойма перестанет существовать, как личность, а превратится в приложение к мужу и детям.

Новые знакомые подсказывали выход из беспросветного тупика. Эсэры ратовали за борьбу за всеобщие свободы, в том числе за свободу выбора. И Рашель прибилась к эсэрам, надеясь на перемены в своей судьбе.

И они не замедлили появиться: на одном из собраний восторженный юноша обратил на нее внимание. Ксаверий Стоцкий рассказывал о революционной борьбе, о баррикадах, схватках с полицией. Он уверял, что счастлив умереть за народ, и неожиданно предложил Рашель разделить с ним его жизненный путь. Поцелуй, добавленный к словам, явился весомым аргументом, и девушка согласилась.

Однако эсэры просчитались: сто́ило восторженной дщери только заикнуться о возможном замужестве с нееврем, как папа Баренбойм взял дело в свои руки и сказал категорическое"нет», пригрозив в противном случае лишить ее наследства.

Рашель уже вовсю разыгрывала роль романтической героини и, пересказывая возлюбленному папины слова, примеряла на себя жизнь в «честной бедности и любви». Каково же было ее разочарование, когда выяснилось, что ни для Ксаверия, ни для организации она не представляет никакого интереса без денег.

Рашель тяжело пережила случившееся, но нашла в себе силы закончить гимназию и поступить на службу в школу для взрослых. А дальше – знакомство с большевистской ячейкой и активное участие в ее делах.

Ксаверий напомнил о себе, попав под подозрение в нашумевшем убийстве дочери губернатора. Однажды он подкараулил Рашель возле ее дома и умолял помочь спрятаться от полиции. Он клялся, что невиновен в гибели Тани, а полиция ищет любого, на кого можно повесить это дело.

Рашель, отпустившая извозчика, очутилась один на один с Ксаверием на пустынной улице. Она была напугана его неожиданным появлением, кроме того, слухи в маленьком Песчанске распространялись с быстротой молнии, поэтому о неприятностях Ксаверия она уже была осведомлена.

Поверила ли Рашель в его невиновность? Скажем так, ей хотелось в это верить, иначе сама она в истории со своей первой влюбленностью выглядит полнейшей дурой: не раскусила подлеца, охотника за приданым, и не для себя, а для своей дурацкой организации!

Пусть же сохранятся иллюзии, что Ксаверий – не такой, что в нем сохранились остатки порядочности, и к убийству губернаторской дочки он не имеет никакого отношения.

Но, если сердце Рашель готово было принять эту версию со всеми поправками и оговорками, то трезвый ум противился этому. Рашель предположила, что Ксаверий «влюбил» в себя Таню,«обаял», обещал жениться, чтобы немалое приданое девушки внести в общую кассу эсэров.

Но Таня, разобравшись, что к чему, отказалась от подобного варианта. И тогда эсэры убили ее.

Возможно, руки самого Ксаверия не запачканы в крови, но факт, что он служил приманкой для наивных восторженных дурочек, не является оправданием.

Тем не менее, ее лицо во время разговора с Ксаверием оставалось безмятежным. Желание избавиться от него было столь острым, что она, ни минуты не раздумывая, отдала ему только что полученное жалование. Бывший жених поблагодарил, даже руку поцеловал на прощанье, а затем направился в сторону лодочной пристани. Вероятно, он собирался покинуть город по реке.

И вот по прошествии двух лет Стоцкий снова напомнил о себе: сначала записка без подписи, а затем и он сам в одеянии инока.

– Я встречу тебя вечером, когда ты закончишь занятия, -утвердительно сказал Ксаверий и, опустив на лицо клобук, поспешил вслед за товарищами.

Глава 20

Афоня Храпов знал, что жизнь во всем ее течении разделена на полосы – светлые и темные, и рассвет наступает сразу после самой глубокой ночной тьмы. В последнее время его черная полоса затянулась настолько, что он уже отчаялся увидеть свет.

Началось с того, что заболел мастер Ломов, и Афоню поставили в пару с Ильёй Степановым, а этого Илью никто из деповской терпеть не мог из-за его вечного брюзжания по любому поводу. После двух дней совместной работы с новым напарником Афоня, неистово крестясь, дал клятву никогда не пререкаться с Ломовым и по возможности сдувать с него пылинки.

Вторая напасть оказалась более серьезной: Афоня просто-напросто попался во время кражи. Его схватили за руку в очереди за билетами в «Синематограф», когда он, улучив момент, вынимал кошелёк из сумочки зазевавшейся барышни. Хорошо, что он догадался разжать пальцы и выпустить из рук добычу.

Кошелёк остался лежать на полу, поэтому следователю, несмотря на показания множества свидетелей, было трудно запихнуть воришку в тюрьму. Прямых улик нет, а косвенные любой адвокат разделается под орех на судебном заседании. Афоня во время задержания клялся и божился, брызгая во все стороны слезами и умоляя поверить, что никакого кошелька он не крал. Это сделал кто-то другой, а свидетели на него наговаривают потому, что он пытался без очереди пролезть за билетами.

Дежурный полицейский чин, оформлявший протокол задержания, готов был поверить Афоне, но не из-за того, что его затронули слезы наглого воришки, а просто не хотелось возиться с этим неперспективным делом, да и до окончания дежурства осталось каких-то полчаса…

Может быть, все и обошлось бы, но на несчастье Афони в комнате дежурного находился ещё один человек, имевший отношение к охранному отделению. Его присутствие было связано со сбором неких данных, поэтому агент листал уголовное дело из архива и делал пометки в блокноте. Он сидел поодаль, но невольно прислушивался к происходящему.

Сначала агент – его звали Мухин – пропускал мимо ушей разговор дежурного полицейского с задержанным, но, узнав, что последний учится в деповской вечерней школе, насторожился.

Эта школа раздражала его, словно бельмо в глазу: многие факты указывали на то, что в стенах этого учебного заведения пышным цветом расцвела большевистская пропаганда. Ниточки тянулись туда, но разузнать подробности не представлялось возможным, а также не удавалось запихнуть в школу своего агента или завербовать кого-нибудь из учащихся.

Задержание Афони явилось подарком судьбы для Мухина: пойманного на воровстве подростка нетрудно будет держать на крючке и сделать из него соглядатая.

Сделав знак дежурному выйти, Мухин взял инициативу в свои руки. Для начала он напугал начавшего было успокаиваться Афоню, пригрозив тюрьмой, Сибирью и долгим судебным разбирательством. Незнакомый с юридическими тонкостями подросток струхнул: он понятия не имел о презумпции невиновности, о том, что на суде грозному прокурору будет противостоять защитник, а за такую мелочь, как карманная кража, в Сибирь не ссылают.

Больше всего его испугала возможность огласки: он только представил, как будут судачить деревенские и стыдить его мать Домну, узнав, что ее сынок промышляет воровством. Афоня оторопел от ужаса и слушал Мухина,

не перебивая.

Мухин почувствовал, что «клиент"созрел, и тут же смягчил тон.

– Бывает, люди сбиваются с пути, наделают ошибок по молодости лет, но это не значит, что они должны расплачиваться за это до конца жизни, -произнес он многозначительно и замолчал.

Опытный вербовщик дал время своему собеседнику для осмысления услышанного, и Афоня, почувствовав в его словах намек на благоприятный исход, взглянул на Мухина заинтересованно. В глазах мальчика читалась готовность пойти на все, чтобы не избежать расплаты за содеянное. Все или даже больше.

Предложение Мухина докладывать о происходящем в кружке, а также по возможности следить за учительницей, кажется, не стало неожиданностью. Нечто подобное Афоня предполагал. Совесть, если она и была, подала свой слабенький голос, но быстро умолкла, когда Мухин, кроме изъятия дела из полицейского участка, пообещал ещё и гонорар за добытые сведения.

И Афоня подписал подсунутую Мухиным бумагу, по которой он становился агентом охранки.

С тех пор прошел месяц. Неизвестно, насколько оказались полезными сведения приносимые Афоней, но юный шпион остался доволен денежным вознаграждением, поэтому он был готов утроить старания.

Ему показалось странным, что учительница против обыкновения не вышла после занятий вместе с учениками, а, выпроводив всех, тянула время, словно ожидала кого-то. Это настолько не вязалось с ее привычками, что Афоня решил проверить, в чем дело. Он затаился за углом, невидимый в тени, и наблюдал, как она гасит свет в школе и вешает на дверь замок.

Темная мужская фигура вынырнула из-за складов, очутившись за спиной у перепуганной девушки. Рашель даже вскрикнула от неожиданности.

– Не бойся, это я. Пришел, как договаривались, -сказал неизвестный и взял учительницу за руку

Глава 21

– Что с тобой, Ксаверий? – произнесла Рашель с вызовом и высвободила руку, – Твоё амикошонство граничит с наглостью.

– Кто бы говорил? Разве не ты целовалась со мной на набережной?, -усмехнулся он, состроив гримасу, выражавшую крайнюю степень снисходительности.

– Я жалею об этом, -вздохнула она, -Впрочем, довольно воспоминаний! Ты хотел поговорить со мной о каком-то деле?

– Я хочу понять, как ты когда мне относишься…

Неужели ты все забыла, Рашель? Неужели наша любовь осталась в прошлом? И нас ничего не связывает, кроме печальных воспоминаний?

– Любовь? Это с моей стороны была любовь, а с твоей -один денежный интерес. Давай не будем сотрясать воздух воспоминаниями.

– А ты изменилась, Рашель, огрубела среди своих машинистов и обходчиков. Где нежность и загадочность романтичной барышни, тоже в прошлом?

– Ты меня утомил, Ксаверий. Если тебе ничего не нужно, то нам лучше разойтись.

Рашель сделала вид, что уходит, но Стоцкий остановил ее.

– Помоги мне, Рашель, -выдохнул он- Хотя бы в память тех дней, когда мы были счастливы, помоги.

– Какая помощь тебе нужна, -помедлив, спросила она, – Мне казалось, если ты два года успешно скрывается от полиции, то…

– Это ничего не значит, -быстро произнёс Ксаверий, – Пойми, они использовали меня и… предали.

Видно и в самом деле он чувствовал себя загнанным в угол, если решился попросить помощи у бывшей возлюбленной – такая мысль промелькнула у Афони, ставшего невольным слушателем душевных излияний лица, находящегося в розыске.

Он поведал, что, как только полиция заинтересовалась им в связи с убийством Тани, ни один эсэр не захотел протянуть ему руку помощи.

– На твои деньги я рассчитывал доехать до Санкт Петербурга и там затеряться, но заболел в дороге, и меня сняли с поезда. Я не хотел в земскую больницу: там непременно спросили бы паспорт. Я пошел, куда глаза глядят, и упал на дороге. Очнулся в окружении монахов. Мне потом разъяснили, что ссадили меня на Озёрной, а там недалеко до Елизаровского монастыря. Выздоровев, я остался послушником.

Рашель недоверчиво хмыкнула:

– Ты пытаешься меня убедить, что православные монахи приняли у себя католика?

– А кто спрашивал у меня документы? – ответил Ксаверий вопросом на вопрос.– То есть, конечно, спросили, как мое имя, и я сказал"Василий Смирнов,».

– Ну, Василий Смирнов звучит почти так же, как Иван Иванов. Не думаю, что они тебе поверили.

– Однако оставили у себя. Я много размышлял, Рашель, почему так случилось? Вероятно, сам Бог привел меня в монастырь, и я затаился. Возврат к прошлому уже был невозможен.

– Ты раскаялся?

– Я затаился.

– Значит, ты богохульствуешь, если пользуешься приютом у монастырской братии, -скептически произнесла Рашель, -А сам не веришь ни в бога, ни в черта, а лишь в террор. А теперь ты вынужден ломать комедию, якобы молясь.

– Якобы?, -повысил голос Стоцкий и тут же перешёл на яростный шепот, – Если хочешь знать, я молюсь искренне, ведь, как ни крути, Таня… Я хотел только попугать, а потом понял, что она не дышит.

– Ради бога, без подробностей, -Рашель резко остановила его, -Ты не на исповеди, а я не твой духовник. Что тебе от меня надо? Денег?

Ксаверий молчал, а Рашель чувствовала, как в ней закипает злость на него и на саму себя. Ну надо же быть такой дурой, чтобы, получив записку от анонима, пойти на встречу. Романтики захотелось? Приключений? Полагала, у памятника тебя будет ждать неизвестный возлюбленный, принц крови, а это оказался Кешка Стоцкий. И он тоже считает тебя дурой, иначе не посмел бы появиться с просьбой о помощи. Да и россказни его не заслуживают доверия: чтобы Кешка проводил дни в постах и молитвах? Невозможно! Кстати, если этот тип – инок, то почему он в цивильном?

– Почему ты не в рясе? – спросила она, – Откуда ты взял эту одежду?

– ,Это мои вещи, -ответил Ксаверий.– Все это время я хранил их в келье. Монастырь – не тюрьма, Рашель, игумену в голову не приходит устраивать шмон.

Она скривилась, услышав слово из воровского лексикона, а он продолжил:

– Эта жизнь не для меня, Рашель. Я не могу провести всю жизнь, скрываясь за монастырскими стенами. Мне душно там, я хочу уехать за границу начать все сначала, но мне нужны деньги.

Рашель усмехнулся: этого и следовало ожидать! Зачем он вспомнил о ней? Только ли ради денег? А все эти разговоры о любви – не более, чем прощупывание почвы. И, хотя ее самолюбие ранено, но, для того, чтобы избавиться от Ксаверия, она готова заплатить ему.

Пусть провалится в тартарары ее прошлое в лице красивого поляка, вот бог – а вот порог! Она долго, задумчиво смотрела на него, а потом промолвила:

– Я достану деньги. Завтра. Здесь же, в это же время.

Она отчеканили каждое слово и ушла, не оглядываясь. Через минуту за нею последовал Стоцкий.

И только, когда они скрылись из вида, Афоня покинул своё убежище. Он находился в возбуждённом состоянии оттого, что наконец-то появился материал, который непременно заинтересует Мухина.

Глава 22

На другой вечер Стоцкого арестовали, как только он проник на территорию депо. Е го взяли без шума, и Рашель, ожидавшая Ксаверия после уроков, одна, в пустом классе, недоумевала, куда он мог подаваться. Через час она вышла на улицам и сразу же увидела отца.

Лев Абрамович стоял в нескольких шагах от входа в школьное здание и смотрел на дверь. Он был одет в английское пальто из чистой шерсти и дорогую шляпу, в руках держал трость.

Появление отца в депо стало для Рашель сюрпризом по разным причинам: во-первых, совпала с исчезновением Ксаверия, во-вторых, шло вразрез с договоренностью о невмешательстве родителей в ее личную жизнь, и в-третьих, отец соблюдал субботу, вечер пятницы проводил в семье и нарушить это правило могла разве что угроза банкротства. Кроме всего прочего, отец был зол: это читалось в его отяжелевшем напряжённом взгляде и сжатых в ниточку губах.

Рашель удивилась, чем же она прогневила папеньку? Если предположить, что он узнал про Ксаверия и про деньги, то эта сторона дела не должна его касаться. Она взяла некоторую сумму из собственных накоплений. Допустим, он догадывается, что Ксаверий никогда в жизни не вернёт ей долг, но пусть это будут ее потери, а не папины. Нет, видно дело не в деньгах, то гда в чем?

И вдруг Рашель осенило:,что-то случилось дома, иначе отец не приехал бы за ней!

– Папа!, -воскликнула она и стремительно подбежала к нему. – Скажи, дома все в порядке? Ничего не случилось?

Она замолчала и заглянула в его глаза. Через секунду поняла, что ошиблась.

– Домна ничего не случилось, -подтвердил Лев Абрамович, -Я заехал за тобой, Рахилечка.

Он оглянулся по сторонам и продолжал:

– Я бы не хотел разговаривать о серьезных вещах на улице. Давай выясним все дома, а пока – поторопись: возле выхода на перрон нас ждут. Я вызвал экипаж.

Напрасно Рашель пыталась разговорить отца по дороге: он упорно молчал, сделав вид, что дремлет. Дома же он дал волю гневу.

– Негодная! – кричал отец, -Если тебе наплевать на фамильную честь Баренбойм но, вспомни хотя бы о моём торговом деле. Никто не захочет даже приблизиться к семье арестантки!

– Папа, я не понимаю тебя. Что я сделала? И о какой фамильной чести ты говоришь, мы же не дворяне? – лепетала дочь, втянув голову в плечи, словно ожидая удара.

Лев Абрамович не унизился до рукоприкладства, хотя, честно говоря, Рашель заслуживала хорошей порки.

– О, значит, ты не представляешь, что такое фамильная честь? Тебе не все равно, что имя Баренбоймов будут трепать по всем углам из-за того, что ты связалась с уголовником? С этим эсэришкой, бомбистом! Допрыгалась, голубушка, ведь, если бы не я, ты бы уже сегодня сидела в кутузке!

– Лева, не травмируя Рахилечку, – заступилась вдруг мама, и это тоже было странно: во всех домашних спорах именно отец выступал в роли адвоката старшей дочери, – При чем тут фамильная честь? Мы же не какие-нибудь князья Полоцкие или Радзивиллы.

– Молчи уж, если ничего не понимаешь, – отмахнулся от нее рассерженный Баренбойм, -Я двадцать лет в торговле, и моя репутация такова, что люди доверяют мне большие деньги без расписки под честное слово. И я ни разу никого не подвёл. А кто доверит деньги отцу арестантки? Гевалт!

И раскрасневшийся Лев Абрамович поведал семье, что утром в контору явился некий Мухин из охранки и сообщил, что из донесений агентов ему стало известно, что в городе обретается Ксаверий Стоцкий, предполагаемый убийца губернаторской дочери, успешно скрывавшийся от правосудия в течение двух лет.

– И, между прочим, хороший знакомый Вашей дочери Рашель, -добавил Мухин, многозначительно глядя на Льва Абрамовича.

Баренбойм не стал бы миллионером, если бы не умел в доли секунды принимать решения. Он моментально вынул из ящика толстую пачку денег и положил перед агентом.

– Не соблаговолите ли просмотреть документы, которые доказывают, что между этим, как его, Стоцким, и членами моей семьи нет ничего общего, -произнес он.

Мухин тоже умел принимать решения без долгих размышлений. Быстрым жестом он смахнул деньги в карман плаща.

– Похоже, Вы меня убедили, – согласился он, -Полагаю, будет лучше отправить Вашу старшую дочь куда-нибудь на курорт, пока идёт следствие. Стоцкого мы поймаем вечером, он придет к Вашей дочери за деньгами. Я могу арестовать его, как только он вступит на территорию депо, но я не могу заткнуть ему рот, если он начнет давать показания против Рашель Львовны.

Баренбойм похолодел внутри.

– Она… тоже причастна к убийству? – с трудом выдавил он из себя, чувствуя, как в горле у него пересохло.

– Да ну, что Вы, конечно, нет, -морщась, проговорил Мухин, -Но, согласитесь, добропорядочные граждане должны помогать ловить врагов Империи, а не наоборот!

Лев Абрамович понял с полуслова и выписал чек на кругленькую сумму,«чтобы наша полиция имела все необходимое для поимки преступивших закон.»

Заручившись словом Мухина, что имя его дочери не будет упомянуто в полицейских протоколах, он немедленно поехал за нею в школу при депо. Он оставил экипаж на привокзальной площади, а сам через дырку в заборе пробрался на охраняемую территорию. Слава Б-гу, его никто не видел, иначе не избежать вопросов, а что же делает господин в дорогом пальто среди складов и пакгаузов?

Лев Абрамович стал невольным свидетелем ареста Ксаверия Стоцкого: он наблюдал за происходящим, притаившись у старого сарая

И лишь только полицейские увезли задержанного, напряжение этого трудного дня отпустило его. И тогда он решил последовать совету Мухина и отослать Рашель, куда подальше, но не на курорт.

– Поедешь в Барановичи к тете Фесе, – отчеканил отец, обращаясь к дочери, -И выйдешь замуж за Метра Канторовича, он давно положил на тебя глаз, к тому же, сложив наши капиталы, мы займём весь рынок на северо-западе.

И, не давая ей возразить, добавил:

– Собирайся! Утро дадим телеграмму, а в пять вечера уедешь Львовским поездом. И не надо возражать – я так решил!

Глава 23

Ранние осенние сумерки спустились над Песчанском. Тьма после ясного солнечного дня казалась особенно зловещей, а свет газовых фонарей придавал лицам прохожих бледности.

Львовский поезд, прибывший из столицы, появился внезапно, возникнув из чернильного мрака – темной полосы леса на горизонте. Он сразу заполнил собой все пространство, оглушил всех стуком колес, а от его светящихся окон на перроне стало светло, почти, как днём.

Лев Баренбойм провожал Рашель в Барановичи. Мать и сестры остались дома, он не позволил им поехать на вокзал. Рашель, находившаяся под впечатлением прощания с ними, хмурилась, чтобы сдержать слезы. Умом она понимала поступки отца и даже оправдывала его, но, видит Б-г, как ей не хотелось уезжать, а тем более выходить замуж за Меира Канторовича. Неужели все закончилось – работа, ученики, революционный кружок? Отныне ее жизнь будет ограничена домом и наполнена заботами о семье.

Для некоторых это единственно возможный путь, но Рашель всеми силами пыталась избежать этóго – поступить в университет, работать, стать независимой. Теперь об этом нечего и мечтать: замужняя женщина зависима, а в семейной иерархии занимает последнее место, пропустив вперёд мужа, детей, свёкра, свекровь и даже домашнюю скотину. И ладно, если бы она любила Меира, он ей не противен, но не более того. Как только пассажиры, ехавшие до Песчанска, покинули вагоны, Рашель коротко поцеловала отца и поспешила внутрь. Она не хотела дольше оставаться с отцом, боясь, что он замучает ее наставлениями и поучениями.

Проводник взял ее билет и багаж и посадил на место. Естественно, Рашель ехала в первом классе. Девушка опустилась на мягкий, подбитый плюшем, диван, и огляделась. В купе было чисто и уютно – крахмальные полушторки на окне, розовый колпак настольной лампы, под цвет ему салфетка с продернутой по краю мережкой. Замерзшие в модных сапожках ноги утонули в ворсе коврика и начали отогреваться..

– Хоть за это спасибо, -подумала Рашель, – Отправил меня с удобствами и прямо на казнь.

Она внезапно подумала, что отец, вероятно, ещё не ушел и ожидает увидеть ее в окне, ведь они расстаются надолго. А она тут разглядывает салфеточки и занавесочки!

Рашель покраснела от досады на себя и бросила взгляд в окно. В этот момент послышался звон станционного колокола – сигнал отправления поезда. Люди на перроне засуетились: пассажиры, вышедшие «на минутку» из вагона, побежали обратно, а провожающие сновали возле окон, пытаясь разглядеть"своих"в последние мгновения перед отправкой.

Рашель поискала отца, но на том месте, где они расстались, теперь возвышалась полная дама в шляпе размером с блюдо под целого поросёнка. Поезд тронулся, оставляя за собой перронную суету.

И в тот момент, когда поезд начал набирать скорость, Рашель увидела его, красивого молодого офицера, лицо которого показалось ей знакомым. Он стоял немного поодаль от всех и печально наблюдал, как вагоны, один за другим, ныряют во тьму.

Зелёные глаза Рашель на мгновенье встретились с его голубыми глазами и, казалось, зажгли в их глубине искру интереса. Молодой человек провожал взглядом Рашель, пока поезд не увез ее.

Девушку осенило: сцена у памятника, болонка Мими, гувернантка, офицер – она видела его не далее, как три дня назад! Память подсказала случайно услышанное имя – Дмитрий Астафьев.

Загипнотизированная взглядом молодого человека, Рашель вернулась на своё место.

– Почему так получилось? Мы жили в одном городе, я знакома с его братом Ильёй, а встретились в момент моего отъезда., -размышляя она, – А если бы наша встреча произошла раньше?

Её охватило ощущение непоправимости происшедшего: она отчётливо поняла, что большая красивая любовь уже не состоится в ее жизни, что с каждым километром она удаляется от единственного на целом свете, кого могла бы полюбить. Сожаление о том, что рыцарь ее грёз все время находился неподалеку, можно сказать, жил по соседству, приводило ее в отчаяние, а предстоящий брак с Меиром Канторовичем казался ещё более невыносимым.

Дмитрий провожал глазами девушку в вагонном окне отъезжающего поезда и думал, что он мог никогда не не увидеть, если бы не пришел на вокзал встретить с поезда Илюшу. Он немного опоздал, и пассажиры уже вышли из вагонов, а кое-кто покинул платформу. Митя переходил от одного вагона к другому, всматривался в группы людей на перроне, но Ильи не было видно. Возможно, брат наплевал на обещания, данные родителям, и не приехал. Впрочем, он мог до митиного прихода взять извозчика на привокзальной площади и уже едет домой.

Досадуя на себя за опоздание, он ещё раз прошел вдоль состава и вдруг услышал сигнал к отправлению поезда. Львовский медленно набирал скорость, вагоны плыли мимо платформы, оставляя за собой Песчанск.

Митя уже никого не разыскивал, а бесцельно пялился в светящиеся окна.

Эта девушка промелькнула перед ним и скрылась вдали. Сколько времени это заняло? Секунда? Минута? Митя чувствовал, что время сжимается, и раскручивается в спираль по мере ускорения поезда.

Он растерянно смотрел вслед уходящему поезду и не понимал, что произошло? Была ли незнакомка из крови и плоти, как все люди, а, может быть, она явилась из Иномирья? Слишком утонченным было ее лицо, взгляд одухотворенным, а рыжие волосы сияли вокруг головы, словно нимб. Не верилось, что она жила где-то рядом, бродила по улицам Песчанска, дышала с ним одним воздухом…

Феи не живут в домах с деревянным верхним этажом, а таковых в Песчанске большинство. Может быть, она покупала бублик на базаре у чокнутой Улиты? Невероятно!

Внезапно Митя понял, что он отыщет эту девушку, чего бы это ему ни стоило! Он отыщет ее и… Тут воображение молодого офицера дало сбой: у него не имелось опыта общения с феями.

Он не сможет ни есть, ни спать, если лишится надежды когда-нибудь заключить в объятья прекрасную незнакомку, чье лицо растаяло во тьме за покрытым дорожной пылью вагонным окном.

Глава 24

Лето1913.

Маруся шла в Залесье повидать Раечку. На днях Любовь Петровна вернулась из Ревеля, куда она ездила навестить брата. Рассказывали, что чемоданы барыни еле поместились в повозке, столько всего она накупила в поездке! Раечка не замедлила пригласить подругу посмотреть покупки, на что Маруся откликнулась с удовольствием! Кто сказал, что разглядывание обновление – пустая трата времени? Да это одно из самых увлекательных занятий, особенно на каникулах, проводимых в деревенской глуши!

Приглашали и маму, и Аню, но Анастасия Александровна приболела и не смогла прийти, а старшая дочь осталась с ней. Для Ани не являлось жертвой провести вечер дома: Миша Таланов отсутствовал, а на других членов семьи соседей она достаточно налюбовалась прежде!

Миша к этому времени успел закончить гимназию и поступить в Петербургский университет. На каникулы он теперь приезжал позднее гимназистов.

Аня тоже закончила гимназическую программу и занималась обучением крестьянских детей грамоте вместе с Надей Талановой, старшей сестрой Миши.

Мама с неодобрением относилась к этому: она боялась, что старшая дочь распространит свою жизнь на чужих детей и останется старой девой. Надя – тому пример, Любовь Петровна уже не надеется на ее замужество.

С некоторых пор в их дом в Песчанске и сюда в имение зачастили с визитами молодые люди – потенциальные Анины женихи, как правильно догадалась Маруся.

Они были разными – молодые, старые, богатые и не очень, стеснительные и бойкие: любая барышня могла бы выбрать из них спутника жизни, однако Анюта выказывала по отношению к ним полнейшее равнодушие. После отъезда Миши Таланова в ее голове появилась мысль последовать за ним в столицу и поступить там на Бестужевских курсы.

Сначала маменька и слышать не хотела ни о каком отъезде: в семье Баташовых женщины посвящали себя дому и детям, а не учили непонятные отвлеченные науки. Новый двадцатый век принес с собой новые веяния, и работающая женщина уже не вызывала удивления в обществе, и замужество не было помехой работе. Оленька Миллер, например, служит фельдшерицей, ведёт дом и воспитывает чудную малышку Ниночку. Правда, после развода с Евгением Монаковым у бедняжки не оставалось выбора, кроме, как самой обеспечивать дочь, отца и сестру. Карл Иванович ещё практиковал, но силы уже были не те, и основную работу в местной больнице вела Ольга.

Всё это так, но почему Аня выбрала для себя эту нелегкую участь? С приданым, которое обязуется выплатить отец, и она, и ее муж смогут жить безбедно на банковские проценты, так к чему все жертвы, связанные с учебой? Зачем напрягаться и искать работу?

В конце концов, памятуя об участи Нади Талановой, маменька сдалась, и на семейном совете решили оказать Ане денежную поддержку на время учебы в столице. Анна, обрадованная таким поворотом дела, не замедлила отправить документы на курсы.

На прошлой неделе пришел ответ: Анька, как медалистка, принята без экзаменов!

Если у Анны складывалось все более или менее благополучно, то старшими братьями родители были недовольны..Митя после разрыва с Ольгой Миллер целиком погрузился в дела службы и дома почти не появлялся. О личном он предпочитал не распространяться – слишком запал ему в душу период, когда окружающие узнали об измене Ольги и дружно принялись жалеть брошенного возлюбленного. Гордый молодой человек ощущал себя обнаженным перед толпой, поэтому с тех пор скрывал любое сердечное движение от посторонних глаз.

Илья закончил университет, но, вместо занятия адвокатской практикой, с головой ушел в революционную деятельность. По какому адресу он проживал в Питере, и на какие средства, оставалось неизвестным: брат умудрился вдрызг разругаться с отцом и уехал, хлопнув на прощание дверью. В результате этой ссоры отец слег на неделю с сердечным приступом.

Младший Ваня вырос и уже учился в гимназии, а Маруся перешла в предпоследний класс. Она по-прежнему дружила с Раей Талановой и надеялась, что их дружба останется такой же длинной, как у маменькин и Любови Петровны.

Раечка выросла и похорошела, хотя до признанной красавицы Маруси ей было далеко, обеих девочек всегда окружали поклонники.

Рая компенсировала заурядную внешность весёлым незлобивым характером и никогда не завидовала красоте подруги, а на замечания доброжелателей отвечала с лёгкой небрежностью:

– Зачем переживать из-за того, что все мальчики сначала влюбляются в Марусю? Из такой огромной армии поклонников найдется какой-нибудь бедолага и для меня!

Тысячу раз была права Раечка! Многие мальчики, влюбленные в Марусю, в конце концов оказывались у ног её не столь требовательной подружки.

А Маруся ничего не могла с собой поделать: в сравнении с Евгением Монаковым ее ровесники проигрывали по всем пунктам. Она смотрела свысока на их робкие ухаживания и облегчённо вздыхала, когда, отчаявшись снискать расположение"гордячки Астафьевой», они попадали в Раечкины путы.

Не было ни одного гимназиста старших классов или реалиста, чье сердце не затронула бы красота Маруси, а местный художник Свидерский, выпускник художественно-промышленной школы в Песчанске, написал Марусиным портрет. Федор Иванович разрешил дочери позировать: он питал надежды на то, что запечатлённая на полотне красота его младшенькой, переживет века.

Весной картину выставили в галерее. Полотно называлось"Васильки». Оно изображало Марусю, сидящую под берёзой с букетом пронзительно -синих васильков в руках. Глаза Маруси казались одного цвета с лепестками. Она смотрела куда-то вдаль, поверх зрителей, будто вглядывалась в недоступные миры.

Художник изобразил барышню в простой крестьянской одежде – роскошной рубахе и юбке из пестряди. На шее полыхали огнем коралловые бусы, а рядом на шнурке из суровой нитки висел медный крестик.

Маруся ничуть не возгордилась, в мгновение ока став городской достопримечательностью. Иногда она мечтала о возвращении Евгения Монакова в Песчанск, о том, что он придет в музей и увидит ее портрет, а после непременно начнет сожалетьо женитьбе на Ольге..

В реальной жизни все было серо и буднично: гимназия, уроки, прогулки по Кахановском бульвару или по Сергиевской улице. Зимой почти все свободное время Маруся посвящала катку, а Миша Таланов стал ее постоянным спутником в катании.

За год до окончания Мишей гимназии они незаметно подружились. То ли зимние развлечения этому были причиной, то ли совместные занятия латынью, в которой Маруся не блистала, и Миша ей охотно помо гал. В какой-то момент девочка поняла, что общаться с Михаилом намного интереснее, чем со всеми подругами, вместе взятыми.

Его отъезд в Санкт Петербург опечалил Марусю, но первое полученное от него письмо обрадовало, а осознание того, что адресант учится в университете, возвышалось ее среди гимназисток.

Ой, как же хотелось Марусе похвастаться и разрешить прочитать письмо подругам, однако она подавила это желание в зародыше. Получается, она раззвонит о том, что предназначено только ей, и это будет некрасиво по отношению к Мише.

Размышляя таким образом, Маруся приближалась к Залесью. Тропинка свернула к реке, где когда-то братья Астафьевы и Талановы ловили налимов голыми руками, шаря под камнями. От этого места до барского дома оставалось совсем немного – пересечь луг и подняться в горку.

Девочка перешла речку вброд по камешкам и запуталась в зарослях таволги и иван-чая. Она с наслаждением вдохнула воздух, насыщенный терпким запахом, и зашагала вперёд. Через минуту ее взору открылись цветущие луга.

И вдруг, откуда ни возьмись, ее окружило стадо гусей.

Глава 25

Лето 1913.

Гуси шипели. Они явно были настроены недружелюбно. Очевидно, птицы подозревали, что девочка пришла на луг пощипать у них под носом вкусной травы. Старый гусак гоготал бестолково, гусыня-атаманша пребольно схватила девочку за ногу, молодые гуси последовали ее примеру.

– Кыш отсюда, ай! Больно же! – воскликнула она и остановилась, закрыв лицо руками.

Её крики не произвели на птиц никакого впечатления, а наоборот, раззадорили. Они продолжали атаковать и, когда клюв одной из птиц сомкнулся на мизинце, Маруся заплакала:

– Противные! Гадкие! В суп вас! -она отмахиваласьот них, размазывая слезы, но справиться с бандой красноклювых разбойников было нелегко.

Неизвестно, чем бы закончилось неравное сражение, если бы не вихрастый мальчишка в косоворотке. Он проворно выскочил из кустов и хворостиной отогнал гусей.

Крылатые налётчики степенно удалились, всем своим видом демонстрируя благонадёжности и послушание.

– Пшли отсюда, свиньи! -напутствовал их мальчик и даже пнул ногой в их сторону.– А по тебе, Евграшка, плётка плачет.

Он взглянул на плачущую Марусю и сурово сказал:

– Полно реветь, до свадьбы заживут твои щипки! Сама виновата, зачем полезла к гусям?

– Я не лезла, -оправдывалась она, поминутно всхлипывая, – Я вышла на луг, а они тут и налетели.

Мальчик пробубнил себе под нос что-то типа, ходят здесь всякие, только гусей пугают. Внезапно он переменился в лице и бросился искать что-то среди травы.

– ,Ты что-то потерял? – полюбопытствовала Маруся, следуя за мальчиком.

– Отстань! -рявкнул он, – Заорала, как оглашенная, будто тебя режут. Из-за тебя книжку потерял!

– Книжку?

Маруся не успела удивиться тому, что пастушонок прочитывает книжки на лоне природы: она заметила в стороне нечто пёстрое, нагнулась и подняла потерю.

– Вот твоя книжка, держи, -сказала она и обмахнула обложку от налипшей грязи.– «Сборник задач по арифметике»?

Она вопросительно посмотрела на мальчика: да он, оказывается, не просто развлекается чтением беллетристики, а занимается арифметикой! Невероятно! Его никто не заставляет, а он занимается!

Вопрос в ее глазах сменился недоумением, а затем и восхищением.

– Ты решаешь задачи из гимназического курса?, -спросила Маруся, протянув книгу.

Мальчишка выхватил ее из Марусиных рук и даже не соизволил поблагодарить. Он разозлился, сделавшись похожим на своего подопечного -гусака, и с вызовом произнёс:

– Ну и решаю, тебе-то что?

– Решай, пожалуйста, -миролюбиво ответила девочка, – Это даже очень хорошо.

Мальчик покосился на нее, но несколько сбавил тон.

– Это ты так считаешь, что хорошо, а, не дай бог, узнает бабка, заберёт книгу в лавку на обертки, – пожаловался пастушонок.

– Бабка? Какая бабка?, -Не поняла Маруся.

– Опекунша. Чудеева. У них лавка в Больших Дубах, а я у них в казачках, -объяснил он, потупившись, -Слышь, ты, эт о, никому не рассказывай про книгу. Бабка озлился, а в деревне засмеют.

– Не собираюсь я ничего никому рассказывать, а с твоей бабкой я вовсе незнакома.

Мальчик тем временем свистнул и погнал гусей к пруду, Птицы вразвалочку подошли к воде и занялись исследованием прибрежной тины. Пастушонок напоследок взмахнул хворостиной и вернулся к Марусе.

– Не моя это бабка, говорю же, опекунша! – мальчик поморщился, -Мамка померла, отец женился, а нас, ребят, раздали в семьи.

В голове у Маруси промелькнули обрывки воспоминаний: станция, красные гроздья рябины, двое мальчиков в картузах и крошечная девочка рядом с барыней Верой Павловной Благовидовой.

– Вы дети Андреевой Марии? – спросила она, произнеся имя, всплывшее неизвестно, из каких глубин.

– Верно, откуда знаешь? – повеселел мальчик.– Я старшой, меня в казачки отдали к Чудеевым, брата Филю увезли в Горки прислуживать в монастыре, а сестрицу Гашеньку барыня Благовидова удочерила.

– Я случайно видела, как девочку увозили в Петербург. Мы тоже уезжали в тот день в Песчанск. Мы на станцию приехали как раз перед прибытием одесского поезда, дневного.

Мальчик кивнул, а Маруся, словно спохватившись, спросила:

– Тебя, кажется, Петей зовут?

– Федя, -набычился мальчик.

– А меня Маруся.

– Я знаю, ты – внучка Ивана Астафьева.

Некоторое время они пристально рассматривали друг друга. Невысокий коренастый Федя хлюпал носом, потирая одна о другую ступни босых ног. Кожа его крепких рук была покрыта цыпками, а под неподстриженными ногтями чернела земля. Его рубашка, выгоревшая на солнце, выглядела ветхой и заношенной. На боку висела торба, куда он осторожно положил книгу.

– Странно, – подумала Маруся, – Он совсем не вызывает жалости, этот сирота, хотя он не маленький лорд, и у него нет дедушки – земельного аристократа. Он не просит подаяние, а хочет учиться. Ему не нужны подарки от Любови Петровны, ему необходимы учебники.

Она поймала себя на том, что стыдится своей лени, неусидчивости, нелюбви к латыни, а ведь родители делают все, чтобы все они – братья и сестры – получили образование. Федьке не по карману оплатить гимназический курс, однако он занимается самостоятельно в гусиной компании.

– Ты молодец, что сам учишься, – произнесла она с восхищением. – Я бы так не смогла. И тебе никто не помогает?

– Помогал Аким Анкудиныч, учитель, но теперь я поболее его выучил. А книжку Володя Пригожий, попов сын, подарил.

– Хочешь, я тебе все свои старые учебники отдам? И по химии, и по физике, и задачник? – предложила Маруся – А непонятное могу объяснить!

Мальчик недоверчиво ухмыльнулся.

– Оно, вроде бы и неплохо, – задумался он.– Только бабка ругаться станет. А, ладно, неси, если не жалко! Я их на чердаке спрячу – бабка туда никогда не заглядывает.

Они дошли до края луга, и Федя переспросил, сомневаясь:

– Не обманешь ведь, придёшь? Страсть, как хочется новое узнать. Ты не бойся, я книжки не помню, не запачкаю.

Глава 26

В доме Талановых царила суета: кухарка готовила угощение, как на Маланьину свадьбу. Петр Андреевич шутил, что таким количеством можно накормить весь Дновский уезд. Две нанятые из деревни поломойки мыли полы, а садовник подметал дорожки. Он так энергично возил метлой, что пыль стояла столбом и оседала на розы.

Любовь Петровна носилась по всему дому и раздавала указания. Особенно доставалось ее супругу: он вынужденно отложил в сторону трубку, очки и газету, а затем в компании младшей дочери занялся книгами в кабинете. Вскоре Раечке надоело это переставлять тома, и она предпочла перебирать гардероб свой и матери. Маруся застала подругу с булавками во рту: Рая, как заправская портниха, подкалывала оторвавшуюся от нарядного платья оборку.

– Что у вас происходит? Вы ждёте нашествия гостей? – удивилась Маруся, поздоровавшись.

– Угу, -промычала Рая, а затем, вынув булавки и приладив их на нужное место, объяснила, – Рано утром принесли телеграмму: Родион и Миша приезжают вместе Мариупольским пятичасовым.

– «Все смешалось в доме Талановых,» – воскликнула Маруся, – Рая, телеграмма от них не опоздала? Чего вы так суетитесь?

– Телеграмма не опоздала, – отмахнулась Рая, -Родя-то не один приезжает, а с Верочкой.

Старший из братьев Талановых, Родион, не так давно женился и впервые вез молодую жену в родительское гнездо.

Маруся, не вдаваясь в дальнейшие расспросы, подхватила упавшую иголку и принялась делать наметку. Рая была занята тем, что приводила в порядок любимое платье матери – бордовое с кружевами.

– Мы хотели позвать всех на Троицу, но мама сказала, что соберёт всех соседей на воскресный обед. Ты закончила? Взгляни, там такая красивая блузка, мама привезла из Ревеля.

Маруся приладила оборку и взяла в руки блузку – тонкий батист, мягкий большой воротник, пуговицы в виде сжатых бутонов.

– Блузка замечательная, -одобрила она, – Ты сегодня ее наденешь?

– Хотела на Троицу, а теперь думаю, лучше сегодня. Не хочется перед этой Верочкой плохо выглядеть.

– Скажи, а кто она?

Раечка подала плечами: никто не видел избранницу Родиона, Известие о его женитьбе стало неожиданным для обитателей барского дома в Залесье, и Любовь Петровна сокрушалась поэтому поводу. Ее несомненно тревожило то обстоятельство, что сын до двадцати шести лет оставался неженатым, но так же тоже нельзя!

Женился на первой встречной, неизвестно, из какой семьи; неизвестно, какими средствами ее семья располагает. Единственное, что сообщил сын о Верочке, -она дворянка, ей восемнадцать лет, сирота.

Любовь Петровна выразила опасение, а не сойдёт ли влюбленность восторженной барышни на нет после того, как молодая семья сядет на офицерское жалование Родиона?

Да и вообще как-то не по-людски – женились наскоро, в полковой церкви, без белого платья, без гостей и застолья. Оно, конечно, и к лучшему – меньше расходов, но перед соседями стыдно.

И изворотливая хозяйка приняла соломоново решение: устроить для ближайшего окружения праздничный обед. Это будет и знакомство, и свадьба.

– Ты, Маруся, не обижайся, покупки мы потом посмотрим, -пообещала Раечка, -Ты только не уходи. Скоро конюх Иван их привезет. Посмотришь на жену Роди, и кого это он выбрал? Да и Мишу ты, наверное, с Пасхи не видела.

Маруся вздрогнула и чуть не уронила блузку. При упоминании Миши она отчего-то смутилась. Нет, нет, он по-прежнему оставался для нее другом, но тем не менее появилась какая-то недоговоренность в их отношенияхв результате чего она чувствовала себя в его обществе несвободно.

Когда это началось? С последнего приезда Миши на Пасху. Он вырвался буквально на несколько дней, сказал, что ужасно соскучился, что ему одиноко в большом городе. Он привез Марусе новые сборники стихов, которые захватил в книжной лавке по дороге на вокзал. Он прискакал верхом в Большие Дубы, чтобы повидаться с Марусей и отдать ей подарок. Мама оставляла его на обед, выбежавшая из своей комнаты Аня цеплялась к нему и влезала в разговор, но Миша отказался. Он сказал, что почти не побывал дома, а вечером они встретятся в церкви.

Однако к вечеру у Маруси поднялся кашель, и мать не позволила ей пойти на службу и крёстный ход. В середине апреля ночи в их местности сопровождались заморозками, а в церкви, наоборот, было жарко натоплено, к тому же дыхание прихожан подогревало атмосферу. Мать опасалась, что разгоряченная Маруся выйдет из тепла на холод и подхватит инфлюэнцу.

Девочка посопротивлялась немного и сдалась. Все уехали, а она легла спать в своей комнате.

Утром она встала рано и выскочила на крыльцо понаблюдать, как"играет солнце». Это кухарка Домна рассказала ей, что в утро светлого Христова воскресенья солнышко радуется, переливается радугой – «играет».

Сказать по правде, ничего особенного Маруся не заметила, но, чтобы не разочаровывать подошедшую Домну сказала, что да, видела.

А скоро и остальные проснулись и засобиралась в церковь на праздничную молитву. Аня, разодетая в обновы, хвасталась, что вчера весь вечер простояла вместе с Талановыми.

– Хочет сказать, что Михаил не отходил от нее, – подумала Маруся.

– Михаил весь вечер не отходил от меня, и в церкви, и потом, -объявила Аня и свысока посмотрела на младшую сестру.

Если этим сообщением она хотела задеть Марусю, то ей удалось вполне. Маруся давно знала, что Аня"бегает"за Мишей Талановым, но безуспешно. Вроде бы ничего особенного сестра не сказала, но неприятно было слышать ее похвальбу.

Она не находила ничего привлекательного в поцелуях, особенно в Пасху, когда каждый встречный-поперечный норовил приложиться к щечке хорошенькой барышни. Честно говоря, Марусиным опыт в поцелуях ограничивался торопливым чмоканием где-нибудь на катке, после чего на щеке оставался слюнявый след, а в сердце – неприятный осадок.

Семьи Астафьевых и Талановых занимали в Бельской церкви почетные места впереди. Они могли, не толкаясь и не вытягивая шеи, наблюдать церемонию. Маруся стояла ближе к краю, а Талановых почти в самом центре. Раечка в нарушение всех правил протиснулись к подружке и шепнула на ухо:

– Прячусь от Лёньки. Мы вчера поссорились.

И тут же сделала серьезное лицо.

Священник, отец Лени Пригожего, читал псалмы, а Маруся пыталась сосредоточиться. Обычно она не отвлекалась в церкви, но сегодня ей мешали то Рая, то чей-то кашель, то напряжённый взгляд Миши Таланова.

Он ей кивнул незаметно, и она поступила глаза, едва не уронив свечку. Он не сводил с нее глаз, и она, смутилась.

– Скорее бы молитва закончилась, -думала она, -напрасно я пошла на службу.

На выходе из церкви ее ждало ещё большее испытание: проходя мимо нищих и раздавая подаяние, она столкнулась с Мишей. Он подошел к ней и тихо произнёс:

– Христос воскресе, Машенька!

Она ответила, чувствуя, что ее сердце стремительно летит в пятки: ей было страшно целоваться с Мишей, хотя в прошлом и позапрошлом году она не придавала этому значения.

Неожиданно она поняла, что и он смущён не менее, и это было странно.

– Что вдруг изменилось во мне? Почему он с трудом наклоняет голову, словно прикладывается к иконе? Наверное, я стала некрасивой, -вывод, сделанный Марусей, был неутешительным.

Эта мысль отравила ей поцелуй, но губы молодого человека уже коснулись ее нежной, словно лепесток розы, щеки.

Глава 27

Лето1913.

Ах, как же ошибалась Маруся, видя причину смущения Михаила в том, что он вынужден поцеловать некрасивую соседку! В настоящий момент Миша Таланов, сидя в вагоне первого класса мариупольского поезда, смотрел в окно и тоже вспоминал этот эпизод. Глаза его следили за переменой неброских российских пейзажей, а сердце уже летело в Большие Дубы. Он не переставал думать о Марусе и боялся только одного: ее равнодушия.

Родион и Вера сидели напротив, сцепив руки в кольцо, и не сводили глаз друг с друга. Они не мешали Мише, и он всласть размечтался о новой встрече с Марусей. А молодая пара была настолько поглощена в свои переживания, что даже начинающий вагонный вор мог, не таясь, «позаимствовать"их чемоданы – боюсь, они нескоро обнаружили бы пропажу.

А Миша думал о том, как неловко он повел себя на Пасху. Всему причиной – неожиданно распустившаяся весенним цветком редкая красота Маруси Астафьевой. Она выросла и изменилась настолько, что невозможно было по-прежнему относиться к ней, как к подруге младшей сестры.

Тогда, сразу же по приезде, он бросился в Большие Дубы, привез ей книги, и не потому, что она просила. Он знал, что Маруся любит стихи и хотел сделать ей приятное. В домашней обстановке, в знакомом платье она выглядела обыкновенной – милой, доброй младшей подружкой, с которой можно было делиться всем, как с родной сестрой. И тут же Миша отрицательно покачал головой, опровергая самого себя: как раз с родными сестрами, Надей и Раей, он никогда не откровенничал.

Отсутствия Маруси вечером, во время крестного хода, он, не то, чтобы не заметил, а не придал значения, да и вечер на исходе Великой Субботы был сам по себе торжественен и драматичен, к тому же с Мишей спешили поздороваться многие знакомые и друзья.

Воскресным утром Талановы отправились в церковь. Они немного опоздали: Астафьевы уже стояли впереди со свечами в руках. Петр Андреевич спешно пересчитал по головам всех домочадцев и выдал каждому по свечке. Они протиснулись вперёд, к Астафьевым, по пути произнося приветствия.

Аня Астафьева дернула Мишу за рукав и показала на место рядом с собой. Юноша покорился, надеясь на то, что во время службы Анна постесняется болтать.

Надо заметить, она ему совершенно не докучала – очевидно, ей было достаточно его молчаливого присутствия.

Он обратил внимание, что Рая мелкими шажками перебежала на сторону соседей и встала рядом с Марусей, и, хотя это произошло чуть ли не перед носом священника, тот сделал вид, что ничего не видел. Понятно, не хочет ссориться с богатыми прихожанами.

Раечкин маневр привлек к себе всеобщее внимание, в том числе Михаила. Он обернулся в их сторону и… до конца службы не отводил восторженных глаз от Маруси..

Лицо девочки, освещённое трепетным огоньком свечи, казалось одухотворенным и необыкновенно красивым. Ее взор скользнул по лицу Михаила и пропал под опущенными ресницами.

Секундного взмаха ресниц было достаточно для того, чтобы сердце молодого человека забилось чаще.

– Ангел мой, Машенька, -еле слышно прошептал он.

В памяти всплыл недавно прочитанные строчки:

«Вхожу я в темные храмы,

Совершаю бедный обряд.

Там жду я Прекрасной Дамы

В сиянии красных лампад…»

Миша, Миша, что же случилось с тобой и твоим сердцем, если тебе вдруг до боли стали понятны стихи Поэта с мятущейся душой, да так, что их магия захватила тебя?

Маруся, Маша, Мария – именно она должна быть его Вечной Возлюбленной. Именно ее Господь создал, приближенной к идеалу, наградил неземной красотой и женственным обаянием. Ни кисть художника, ни объектив фотоаппарата не передавали и в половину ее прелести. Ни грана пошлости в ней не было – грубые слова никогда не срывались с ее уст, а милые деревенские обмолвки нисколько её не портили.

– Ангел мой, Машенька, – повторил он, чувствуя себя

влюблённым и дураком, или влюблённым дураком, что в принципе одно и тоже.

Он любовался каждой черточкой ее лица, стараясь запечатлеть в памяти до следующего приезда – и нежную кожу щек, и соболиные брови, и пронзительно-голубые глаза.

Темно-русые волосы девушки были гладко зачесаны назад и заплетены в тугую косу, украшенную на затылке атласной лентой. На голове красовалась маленькая шляпка, заколотая с двух сторон гранатовыми булавками.

Ангел ли послал на Мишу озарение, но юноша вдруг ясно осознал, что все его планы на будущее – полная ерунда, если рядом не окажется Маруси. Имеет ли смысл совершать открытия, заниматься наукой, разыскивать в далёких странах экзотические растения, если Маша не узнает об этом? Не узнает или не оценит, что для него было намного ужаснее.

Он нагнал Марусю и других Астафьевых уже за оградой церкви. Руки его дрожали, но не от холода, а от волнения: он во что бы то ни стало решился сказать ей…

Впрочем, сказать он ещё успеет, а поцеловать… Молодому человеку казалось, что пасхальное утро – самое подходящее время для этого. И тут наступило замешательство! Он приблизил свои губы к Марусиным, до конца не понимая, кому предназначался поцелуй – соседской девочке или Прекрасной Даме?

Вероятно, Маруся тоже чувствовала неловкость: по лицу девочки промелькнула тень удивления, но Михаил взял себя в руки и поцеловал ее.

Зардевшись, словно маков цвет, Маруся спряталась за спинами родителей.

На протяжении каникул они виделись несколько раз, но никогда не заговаривали об этом странном поцелуе. Обоим стало ясно, что их отношения изменились, и никогда не вернется доверительность, а вместо этого появятся недомолвки и скрытность.

Поезд приближался к станции Вязовка, и проводник уже предупредил о короткой стоянке. Родион и Вера переглянулись и стали готовиться к выходу, а Миша так и сидел у окна, не двигаясь с места. Он поймал себя на мысли, что боится встречи с Марусей, и в то же время надеется на эту встречу.

Нельзя сказать, что в Петербурге его не окружали девушки: и знакомые курсистки, и сестры товарищей по учебе, и просто разные эмансипе, неизвестно, каким образом попадающие в студенческую компанию. Они были разные и в то же время чем-то неуловимо похожи, во всяком случае, ни одну из них Миша не мог бы назвать Прекрасной Дамой.

– Кажется, эта вакансия занята вплоть до нового века -сказал он вслух, а Родион с Вероч-кой переглянулись.

Тем временем поезд замедлил ход: приближалась станция Вязовка.

Глава 28

Несмотря на опасения, встреча Маруси Астафьевой и Миши Таланова прошла так же сердечно, как в детстве. Поцелуев больше не было, но не каждый же день отмечают Пасху!

Они обменялись новостями и сосредоточились на «представлении Верочки когда двору.»

Любовь Петровна с пристрастием осмотрела невестку и не нашла в ней ни единого изъяна, кроме, разве что излишней худобы. Она решила про себя, что это дело поправимое: на сливках от Жизель, коровы эмментальской породы, Верочка быстро раздобреет.

Ну, если с внешностью все было ясно, то сведения о семье Верочки огорчили, хотя она рассказала о себе без утайки.

Верочка наполовину происходила из старинного дворянского рода – ее мать была поздним ребенком, любимой дочерью престарелых родителей. Девочка родилась после пяти сыновей, когда ее матери уже перевалило за сорок. Выросшая в любви и ласке, отгороженная от жизненных невзгод, девушка жила в мире, созданном собственным воображением. Когда же ей исполнилось семнадцать лет, скоропостижно влюбилась в молодого учителя-разночинца, нанятого для занятий английским языком.

Учитель был красив и загадочен, как герои Байрона, и влюблён, как Ромео. Юная аристократка согласилась бежать с ним и обвенчаться без родительского благословения в деревенской церкви.

Конец этой истории был ужасен, ибо родители, потрясенный предательством любимой дочери, не позволили ей вернуться и умолять прощение у их колен. Учителя с позором выгнали, и призрак нищеты воочию встал перед юной парой.

Молодой человек не разлюбил свою супругу, узнав, что она осталась бесприданницей. Он с головой погрузился в работу, стремясь добыть средства существования для жены и новорожденной дочери, которую счастливые родители назвали Верочкой.

Счастье их продолжалось недолго: юная дворянка, потрясенная мерзостями жизни – порождения и нищеты, быстро сошла в могилу от скоротечной чахотки. Крошка-дочь, оставленная молодому супругу на память об их любви, заставляла его держаться и не впадать в тоску. Чтобы вырастить ребенка, нужны были деньги, и немалые! Безутешный вдовец поклялся вырастить Верочку настоящей дворянкой. Он понимал, что никакие подарки – ни ленточки, ни платьица, ни шоколадные конфеты – не заменят хорошего образования и воспитания, поэтому все заработанные деньги вкладывал в будущее дочери. Единственное, в чем ему помогли родители покойной жены – сделали протекцию Верочке в Смольный институт. На этом они, вероятно, посчитали свой долг исполненным, и за время учебы ни разу не навестили внучку и не поинтересовались ее судьбой.

Окончание института совпало с ужасным событием: Верочка потеряла отца и осталась одна-одинешенька. Придя в себя после похорон, она обнаружила, что наследовать нечего, а квартира на Охте оплачена только до конца лета.

Помощи ждать было неоткуда, и Верочка, вытерев слезы, стала искать работу. Поначалу она не брезговала ничем, даже мыла клиенткам головы в салоне модного парикмахера, но постепенно набрала себе учеников и стала зарабатывать себе на хлеб репетиторством.

С Родионом Талановым она познакомилась в доме одной из бывших соучениц в день именин последней. Обычно Верочка старалась держаться подальше от институтских подруг: ей не хотелось посвящать кого бы то ни было в подробности своего положения, но в данном случае одноклассница сама разыскала Верочку, свалившись, как снег на голову, в ее скромное обиталище на Охте. Гостья как будто не замечала в обстановке квартиры признаков"честной бедности», тщательно маскируемых идеальной чистотой. Она сердечно расцеловал Верочку и оставила ей приглашение на торжество.

Верочка пообещала прийти, правда, ее смущали предстоящие траты. И дело не в подарке – кто же приходит в гости без подарка? Хочешь, не хочешь, а необходимо обновить гардероб, а для этого специально поехать в Пассаж или Гостиный Двор.

Как ни тяжело было Верочка расстаться с деньгами, заработанными тяжелым трудом, но впоследствии она благодарила судьбу за то, что не отвергла приглашение и не пожадничала.

Она появилась на празднике, в новом платье синего цвета, в модной шляпке более темного оттенка. Правда, на новый плащ ей не хватило денег, но верхняя одежда осталась на руках у лакея, а хозяева и гости увидели в ней элегантную красавицу. Больше всех новой гостьей заинтересовался стройный блондин в мундире поручика. Подруга сказала, что его зовут Родион Таланов, он – сослуживец ее брата и, если молодой офицер понравился Вере, то именинница от души поспособствует их знакомству.

Молодых людей представили друг другу, и, стоит ли удивляться, что взаимная симпатия переросла в настоящий роман, закончившийся скоропалительных венчанием? Обоим влюблённым казалось, что они грезят наяву – так их переполняли счастье!

И вот Верочка в Залесье, в родовом гнезде Талановых. Счастливый Родион не сомневался: маменька с распростёртыми объятьями примет его избранницу, но не тут-то было!

Ни свекрови, ни золовкам Верочка не понравилась. Возможно, ревность всему виной – кто знает?

Надя и Рая, не слишком ладящие между собой, на этот раз дружно объединились против Верочки. Подпускание шпилек в разговорах, намеки, а то и откровенные насмешки – все шло в ход. Неизвестно, чем бы это все закончилось если бы не Любовь Петровна.

Нравится или нет, но Вера и Родион обвенчаны, рассуждала она. А потому придется с невесткой подружиться. Выдержка Верочки, игнорирующий выпады Нади и Раи, делает ей честь. Кроме того, о своём происхождении и полном безденежье она рассказала откровенно, не пытаясь приукрасить правду, не старалась стать для Талановых котом в мешке.

Нам же совсем необязательно докладывать всем и каждому об истинном положении дел – достаточно донести полуправду, мол, дворянка, сирота, училась в Смольном – средства есть, но небольшие. Именно эту версию следует преподнести соседям. Да и свадебный вечер устроить не помешает – показать Верочку местному окружению.

Как только Любовь Петровна придумала, что делать, она сразу же успокоилась, а заодно одернула за обедом Надю и Раю. На ближайшее воскресенье был назначен праздник. Вся округа получила приглашения – для Веры шили белое платье, вернее, перешивали из свадебного платья Любови Петровны.

Суета, которая огорошила Марусю в день приезда гостей, растянулась ещё на неделю, и, бывая у Раи и Миши, она ежедневно наблюдала хлопоты и беспорядок.

«Всё смешалось в доме Талановых, "-в данном случае исправленный Лев Толстой был явно к месту.

Глава 29

И снова дом Талановых полон гостей! Действующие лица все те же – Астафьевы, Пригожие, Миллеры. Маруся с удивлением обнаружила, что вместе с Карлом Ивановичем и Лилей приехала и Ольга, такая же красивая, но заметно похудевшая. Евгения Монакова с ними не было, и Маруся обратилась за разъяснениями к Раечке.

– Так ты ничего не знаешь? -воскликнула та, – Они же с Ольгой разошлись, вернее, Ольга сама от него ушла.

– Как ушла? – недоверчиво переспросила Маруся, – У них же все так романтично начиналось: неземная страсть, дуэль… Куда все пропало?

– Не знаю. Но видно, этот Евгений хороший перец, если такая покладистая и хозяйственная, как Ольга, не ужилась с ним, -ответила Рая, – А вообще, все покрыто мраком, она даже отцу не объяснила ничего, Лиля сказала, что, с тех пор, как она приехала, то и сидит взаперти и ни с кем не хочет видеться. Только на сегодня сделала исключение ради мамы. Да и Карл Иванович убедил.

– ,Давно она приехала?

– В один день с нашими, и тоже Мариупольским, но тем, что идёт на Петербург.

– Понятно, она же из Белоруссии ехала, -заключила Маруся.

Раечке беседа с подругой не показалась бы законченной, если бы ей не удалось высказаться относительно брака соседки:

– Я не удивляюсь их расставанию. Ольга поступила опрометчиво, связавшись с этим Монаковым. И мама тоже так считает. Одно дело – танцевать на балу, другое – выходить замуж. В мужья лучше выбирать местных парней: они все время на виду, и их семьи тоже. Я, например, вижу, что батюшка Пригожий заботится о матушке, значит, и Володя с Лёней будут такими же. А пришлый человек, на то он и пришлый

Рая ещё что-то говорила, но Маруся её не слышала. А потом Раю позвали, но подруга, казалось, этого даже не заметила.

Она могла думать только о том, что ей сообщила Рая.

Итак, Евгений Монаков свободен! Случилось то, о чем Маруся не смела и мечтать – он свободен! Ольга ушла сама, и это немного смущает, ведь не каждая замужняя дама решается на полный разрыв. В их кругу подобное не приветствуется, и, если бы не уважение общества к доктору Карлу Ивановичу, перед его дочерью закрылись бы двери многих домов.

Впрочем, рассуждала Маруся чисто теоретически: Евгений служит в Белоруссии и навряд ли когда-нибудь приедет в Песчанск.

Она мысленно составила план действий: первое -поболтать с Лилей и навести разговор на старшую сестру, второе – послушать, о чем сплетничают соседи, ведь среди тонн словесной шелухи может сверкнуть золотая крупица истины, а третье – добыть адрес Евгения Монакова.

Последний пункт плана Маруся могла выполнить здесь, в доме Талановых -Родион и Евгений все эти годы не прекращали переписываться, и часть писем хранилась в комнате Родиона, скорее всего, в письменном столе или деревянной шкатулке для бумаг. Марусе не раз попадалась на глаза эта шкатулка, чаще всего она находилась на верхней полке этажерки.

В данный момент войти в комнату нельзя: там находится Родион с друзьями. Из-за закрытой двери доносился громкий смех, не иначе смеются над плоскими солдафонскими анекдотами. Маруся почувствовала неловкость – не дай Бог, подумают, что она подслушивает, разговоров не оберешься!

Нет, она поступит иначе: она поищет письмо во время трапезы, незаметно выскользнув из-за стола.

А пока, чтобы не терять время, можно поговорить с Лилей. Младшая сестра Ольги не отличалась красотой и, если Ольгу сравнивали с Лорелеей, то пятнадцатилетняя Лиля внешне напоминала сдобную булочку -полненькая, румяная, а по характеру – вылитая Умная Эльза из сказки. Она все время чего-то боялась: летом – обгореть на солнце, зимой – простудиться и умереть. Возле речки, глубина которой не превышала метра, опасалась утонуть, возле леса – заблудиться. Клубнику она не ела из-за боязни крапивницы, а мороженое – из-за возможности застудить горло и охрипнуть.

Маруся нашла Лилю в саду, где она прогуливалась с детьми, приехавшими в гости. Она собрала их в кружок и нудным голосом объясняла, почему нельзя ходить босиком и есть недозрелые яблоки. Появление Маруси дети восприняли, как избавление, и ретировались бегом.

Лиля посмотрела на Марусю скептически.

– Ты тоже хочешь узнать что-нибудь про Ольгу? -ехидно поинтересовалась она, -Каждый подходит и спрашивает, а я ничего не знаю.

– Лиля, не сердись. Не каждый день в нашем окружении разводятся, вот люди и хотят знать причину., -примирительно сказала Маруся, – Тем более, Ольга, кажется, не расположена к откровенности.

– А, по-моему, ей просто нечего сказать, – отрезала Лиля, -Машенька, ведь все у них было прилично, как у людей: Евгений на службе, Оля ведёт дом, потом Ниночка появилась… И вдруг ей приспичило работать. Я понимаю, на жалование поручика не развернешься, но Евгению скоро дадут капитана! А она пошла работать, скинула ребенка на няньку, а потом и вовсе захотела стать самостоятельной.

Лиля сделала гримасу неодобрения и продолжила:

– Ну скажи, кто это потерпит? Жена на ночном дежурстве в госпитале, дома-шаром покати, а ребенок стал говорить с акцентом, как няня-белоруска. Вот Евгений и поставил вопрос ребром: или работа, или семья.

Лиля сделала паузу. Очевидно, она уже обкатала свой рассказ: в этой паузе явно чувствовалось ожидание вопроса.

– Ну и? -спросила Маруся.

– Она выбрала работу, -,закончила Лиля, довольная тем, что концовка прошла по ее задумке.

Девочки шли через яблоневый сад – гордость Петра Андреевича. Среди зелёных листьев уже виднелись плоды. Вокруг стоял горьковато-терпкий аромат, какой бывает от недозрелых яблок или падалицы.

– Не понимаю, почему она не уступила? А как же любовь? -произнесла Маруся с запинкой и густо покраснела.

Она покосилась на Лилю, но та не заметила Марусиного волнения.

– Я так думаю, Машенька, любовь не бывает вечной, а брак -это навсегда. Я выйду замуж за того, кого буду уважать, кто будет моей опорой в жизни. Влюбиться можно и в голодранцев, но семью без средств не построишь, -Лилечка рассуждала вполне серьезно, но Марусю вдруг охватила такая тоска от ее рассуждений, что она, воспользовавшись первым предлогом, убежала в дом.

– Как они скучны, и Рая, и Лиля. И обе собираются строить свою жизнь не по любви. А будут ли они счастливы, вот вопрос! По мне, так лучше, как Ольга -пусть ненадолго, но с любимым человеком, -Маруся мысленно отвергала сказанное подругами, а под любимым человеком подразумевала, несомненно, Евгения.

Глава 30

Весь день Маруся ходила под впечатлением услышанного. Она не воспринимала обращённую к ней речь и несколько раз отвечала невпопад. Бедная девочка, в настоящий момент она могла думать только о нем, Евгении Монакове.

Раечка обиделась на подругу, почувствовав, что та что-то скрывает от нее..Это было тем более неприятно, что сама Раечка не имела никаких тайн от подруги, и все перипетии вялотекущего романа с Лёней Пригожим становились известны в первую очередь Марусе.

Миша Таланов тоже был уязвлен Марусиным невниманием, но в тот момент, когда он решил, наконец, поговорить с ней, к нему подошёл садовник и, озираясь по сторонам, вложил записку ему в ладонь.

– Барин, Вам просили передать. Вас ждут у выхода к ручью, -вполголоса произнёс посланник и немедленно удалился. Миша даже не успел спросить, кто отправил записку.

– Погоди, – позвал Михаил, но его зов повис в воздухе.

Он подошел к окну и спрятался за штору, чтобы никто не помешал ему читать.

«Мое Шер Ами, Мишель. Помоги мне! Лишь на тебя я могу положиться, никому не говори о моём приезде. Не откажи в любезности, приходи, я жду тебя у ручья. М.Т.»

Миша нахмурился: он догадался, кто автор записки и, если это не розыгрыш… Впрочем, гадать незачем, да и некогда – сия особа ждёт его, и он не обманет ее ожидания.

Оглядываясь, он вышел во двор, торопливо пробежал по саду и спустился к дальней калитке, тропка от которой вела к ручью, берущему начало в лесу и вращающемуся в речку прямо за барским садом. С обратной стороны калитки росли кусты тальника, а за ними крапива и таволга.

Выйдя за калитку, Михаил немедленно был заключён в объятия.

– Благодарю тебя за то, что пришел, -последовал приглушённый шепот. Женский голос показался юноше знакомым, но, пока неизвестная не откинула капюшон плаща, он не был уверен в своей догадке.

Часа через два, когда гости уже сидели за столом и успели плотно закусить, Маруся поняла, что пришло время исполнить задуманное. Застолье вошло в стадию непринуждённой беседы, а гости, словно вросли в стулья, разомлев от летней жары и обильной еды.

Любовь Петровна сияла, будто начищенный зубным порошком образ, и причина была проста: все поголовно одобрили Верочку, о чем каждый из гостей счёл своим долгом сообщить хозяйке. Новоиспеченная свекровь немедленно возгордилась, ставя, непонятно, почему, себе в заслугу явные Верочкины достоинства.

Молодые ворковали, как голубки, и почти ничего не ели, тогда, как сидящий рядом священник Пригожий с аппетитом умирал здоровенный кусок бараньего бока с гречневой кашей.

Мама и Аня о чем-то оживлённо беседовали, иногда в их беседу вставляла замечания Ольга, а Раечка перешептывалась с Лилей, периодически бросая взгляды в сторону Лени Пригожего.

Под гул голосов Маруся вышла из-за стола и оказалась в коридоре. Опасаясь быть застигнутой, она опрометью бросилась в комнату Родиона Таланова. Ей казалась нестерпимой мысль о том, что ее поймают на месте преступления. Талановы удивятся и, возможно, решат, что ее цель – украсть что-либо ценное, хотя для Маруси самое ценное в доме Талановых был предполагаемый адрес Евгения Монакова.

Внезапно из-за угла появилась горничная с подносом, и Маруся резко остановилась, чтобы избежать столкновения.

– Ой, что это я? – смутилась Маруся, замедляя шаг.– Бежать нельзя ни в коем случае – это выглядит подозрительно, а мне не нужны подозрения.

Маруся огляделась по сторонам и поднялась на второй этаж. Комнаты братьев Талановых находились в просторном мезонине по соседству друг с другом. Двери открывались рядом, и девочка побоялась, как бы не перепутать и не очутиться в комнате младшего брата. Ничего страшного не произойдет, но время она потеряет, а ей надо поторопиться, а то гости разберутся по всему дому и кто-то захочет подняться на второй этаж.

Маруся осторожно прикоснулась к ручке двери, ведущей в комнату старшего брата, но повернуть не успела: ей показалось, что в смежной, мишиной комнате кто-то есть. Она замерла, прислушиваясь к происходящему внутри. А оттуда доносились какие-то стуки, будто кто-то двигал мебель или опрокидывал навзничь толстые тома. Маруся вспомнила, что Миша исчез из столовой прежде, чем подали горячее.

– Вот, держи. Здесь все мои накопления. Хотел поехать летом на Кавказ, -послышался голос Миши, – Этого, конечно, недостаточно, но на первое время хватит. Господи, и как тебя угораздило вляпаться во все это?

– Мишенька, я так раскаиваюсь. Я была дурой.

Маруся затаила дыхание: ей не удалось опознать по голосу мишину собеседницу.

– Мы ожидали увидеть сегодня на празднике и твоих родителей, но их почему-то нет.

Это снова Михаил. Непонятно, о чьих родителях идёт речь? Кто из знакомых отсутствует на празднике? Очевидно, тот, кто не упускает возможности повеселиться в гостях.

– ,Это потому, что меня разыскивает полиция, и папенька уже в курсе, -всхлипнула незнакомка.

– Мура, перестань

Ах, вот оно что! Мура Трапезникова, купеческая дочь, вообразившая себя поэтессой и эмансипе. Едва закончив гимназию, она укатила в столицу, якобы, учиться, а на деле проживала папины денежки в поисках смысла жизни. Последний она искала не в книгах, а в кокаиновой пыли.

Голос Муры из нежного сопрано превратился в хриплый, словно у простуженного геликона, поэтому Маруся её не сразу и узнала.

– Ой, Мишенька, я же чудом избежала ареста, – продолжала рыдать Мура, – Когда за Илюшей пришли, я была у модистки, а по возвращении меня предупредила соседка, и я, не заходя домой, сразу на вокзал, взяла билет до Дно, а потом пешком, сначала до Вязовки, ну, а потом и до Залесья добралась.

– Черт возьми, Мура, что такое ты совершила и почему опасаешься ареста? И за что взяли Илью? – в голосе Михаила угадывались сердитые нотки.

– Илья запутался со своими марксистами. Ты же знаешь, он, как Иисус Христос, хотел накормить всех голодных. А взяли его за распространение одной запрещённой газеты, не знаю названия. А ещё у нас при обыске нашли книжки запрещённые, это соседка точно знает, ей дворник рассказал, он был понятым при обыске.

– Что за книжки, Мура?

– Да ты что, Миша, я же книжек не читаю! – удивилась Мура. – Откуда мне знать, запрещенные они или нет.

– Ну, Илья понятно, но ты-то при чем?

– А при том, что мы жили вместе гражданским браком.

И Мура снова всхлипнула.

Маруся, потрясенная услышанным, стояла ни жива, ни мертва. Неизвестно, что ее поразило больше – арест Ильи или весть о том, что он проживал под одной крышей с Мурой без церковного венчания. Маруся задумалась: она не знала, как поступить. Рассказать родителям? А если Мура ошибается, и Илья вовсе не арестован! Она же побоялась зайти в квартиру, а сведения получила от постороннего лица!

Если же Мура не врёт, то арест непутёвого Ильи станет для родителей ударом. Особенно для папы: он так мечтал, что Илюша станет преуспевающим адвокатом. Как Плевако.

Похоже, вместо Плевако в семье Астафьевых появился новый Марат или Робеспьер.

Мура снова подала голос:

– Я ещё вспомнила: накануне у нас гостил Евгений Монаков —

он приезжал по делам службы. Илюха и разболтал ему по дружбе. И тот же офицер, по словам соседки, приехал с полицией. Не хочется верить, что офицер может быть доносчиком, но такое совпадение, Миша!

Марусе хотелось плакать: сама того не подозревая, купеческая дочь Мура разбила идола, вдребезги!

– Миша, ты никому не проболтайся про нас с Илюшей, – попросила Мура- Сам понимаешь, дойдет до папы… Мои родители- ужасные консерваторы, ну прямо типажи из пьес Островского. Они не так поймут.

– Не надо просить, Мура. Мы с тобой давно знакомы, и ты прекрасно знаешь, что я умею держать язык за зубами.

– Знаю, потому и открылась тебе. Сестры твои меня не любят: я же курю, ношу брюки не только на конную прогулку, признаю свободную любовь. Это у вас тут в провинции каждая барышня мечтает поскорее выйти замуж, абы за кого… А у нас в Петербурге давно имеется прогресс в отношениях между полами.

– Мура, это сейчас неважно, что думаю я о твоих взглядах. – возмутился Михаил.

– Ты не понимаешь, институт брака умер, люди сходятся и расходятся, и никто никому не обязан.

– Как много слов для оправдания! Сказал же, не проболтаюсь. Подскажи лучше, как сообщить Астафьевым об аресте Ильи?

– Не знаю, стоит ли, – Мура произнесла это таким печальным голосом, что Маруся поняла: не стоит!

Однако она не была бы эмансипе, если бы не продолжила:

– Если хочешь, расскажи Анюте или Марусе, а меня не впутывай. А девочки передадут предкам.

– «Предкам,» -презрительно повторил Михаил, – Жалеешь, что не послушала отца?

– Мишенька, о чем ты говоришь? Ты представить себе не можешь, какой ад царил у нас дома! – взорвалась Мура, – То нельзя, другое нельзя. Курить нельзя, на вечеринки нельзя. А женихи – сплошь купчины необразованные, в голове одни цены на скобяные товары. Никто не разбирается ни в поэзии, ни в искусстве. Да я только в Петербурге узнала, что такое – настоящая жизнь!

Мура снова заплакала, а Маруся сочла момент благоприятным, чтобы предстать перед собеседниками. Она резко распахнула дверь и вступила в комнату. Миша и Мура сидели на диванчике. Оба, как по команде, уставились на нее.

Маруся замялась.

– Я случайно проходила, – объяснила она, – Я слышала все.

– Ну, это к лучшему – тебя не надо вводить в курс дела, -сказал Миша.

Маруся выразительно на него посмотрела.

– Я прошу тебя… Вас, – произнесла она, глядя прямо в глаза своему другу, -Пожалуйста, не проговоритесь нашим, хотя бы сегодня. Я не хочу испортить праздник моей семье. Это раз. Два – твоему отцу, Мура, нужно передать записку, хотя бы через сына кухарки – он сообразительный и, если в доме полиция, то поостережется передавать что-либо в руки господину Трапезникову.

– Молодец! – восхитился Миша, – Пришла и все разложила по полочкам.

Он был немного смущён тем, что Маруся застала его наедине с Мурой. Она же и не подумала ревновать: слишком тяжело далось ей известие о непорядочности Евгения Монакова. Разочаровываться всегда неприятно, а в любимом – вдвойне. Отогнав мрачные мысли, она изобразила кураж и, вскинув подбородок, с гордостью произнесла:

– А то! Что бы вы делали без Маруси Астафьевой!

– Я иду за мальчонкой, – Михаил вскочил и скрылся за дверью.

Он даже улыбнулся, радуясь, что сцена ревности отменяется.

Как только он вышел, Маруся присела перед Мурой и заглянула в ее увеличенные атропином зрачки.

– Так, моя милая, теперь, когда мы одни, расскажи мне подробно об аресте брата, расскажи все.

О Евгении Монакова было забыто раз и навсегда.

Глава 31

Лишь назавтра в семью Астафьевых пришло печальное известие. Местный околоточный специально заехал в Большие Дубы, чтобы сообщить об аресте Ильи. Он сказал, что Илюша сидит в Крестах, в ожидании суда, а за участие в антиправительственной организации ему грозит Сибирь.

После первых расспросов и выкриков в доме установилась

относительная тишина. Все разбрелись по своим углами и там переживали внезапно свалившуюся беду в одиночку.

Маменька тихо плакала у себя в комнате, перебирая илюшины фотоснимки, останавливая взор на детских. Не верилось, что из белокурого маленького ангела вырос бунтовщик против царя.

Аня проводила околоточного до ворот, не забыв сунуть серебряный рубль в его плотную ладонь – чтобы не болтал лишнего в округе. Вернувшись, она на всякий случай проверила вещи в комнате Ильи: а вдруг этот паршивец спрятал в доме что-нибудь противозаконное. Она устроила обыск почище полиции, но ничего не обнаружила.

Ваня слонялся по дому без дела и, мучимый любопытством, приставал ко всем с расспросами, но не добился ничего ни от маменьки, ни от папеньки, пока, наконец, кухарка Домна не взяла мальчика под своё крыло. Она поставила перед ним тарелку с куском картофельной запеканки и налила молока. Пока Ванюша уплетал за обе щеки угощение, кухарка излагала собственную версию событий. По ее мнению, выходило, что Илья уже давно живёт, как хочет, не слишком прислушиваясь к отцовским советам, поэтому так все и произошло.

– Вот за это и посадили вашего Илюшу, – добавила она.

– Баба Домна, ты все врешь – за непослушание не сажают в тюрьму, -засомневался Ваня.

Домна не стала спорить, а продолжила рассуждения.

– Барин-то, Федор Иванович, слишком добры к детям. Оне хоть и строгость показывают, а ее и нет! Откуда ей взяться, коли сердце доброе. А ему надо бы применить к сыновьям действенные меры, – заключила кухарка.

Словосочетание"действенные меры» Домна позаимствовала у старшей барышни Анны Федоровны, когда они с Надей Талановой обсуждали школьное воспитание крестьянских детей.

– Какие «действенные меры»? – не понял Ваня. Он же не подслушивал за дверью разговоры барышень.

– Меры? Розгами надо было пороть, как в старые времена, – в сердцах воскликнула кухарка.

Ваня поспешил перевести разговор на другое, испугавшись, что Домна сгоряча может внушить родителям идею о «действенных мерах». Илье и Мите уже все равно, а он, как младший в семье, станет крайним.

Маруся горевала вместе со всей семьёй, но в то же время испытала облегчение оттого, что ей не пришлось сообщить ужасную весть домашним. Кое-как утешив маму, она ушла к себе. Сколько всего навалилось на нее – Маруся пыталась упорядочить свои раздумья, но только запутывалась в мыслях и рассуждениях. Чтобы занять себя, она стала подбирать книги для пастушонка Феди. Кое-что она уже отнесла ему, остались «Физика"Краевича, сборник задач по алгебре и старый географический атлас. А позже, когда мама успокоится, Маруся навестит ее. И тогда, возможно, удастся придумать, как помочь Илье.

Тяжелее всех пережил арест сына Федор Иванович. Он был в курсе илюшиных убеждений, считал их ошибочными, но ни на минуту не допускал подобного развития событий. Кроме того, случившееся поразило его своей внезапностью.

Сын не оправдал надежд, сын испортил себе жизнь, сын никогда не продолжит семейное дело – эти мысли теснились в голове Федора Ивановича. Он отгонял их, пытаясь сосредоточиться, и никак не реагировал на упрёки, которые сквозь слезы бросала Асенька. Она совершенно потеряла голову и винила отца во всех бедах, выпавших на долю среднего сына.

Федор Иванович попытался возразить, что это несправедливо, и в Илью он вкладывал неизмеримо больше, чем в Митю, Ваню или дочерей. Кажется, впервые в жизни Асенька не захотела его слушать и, рыдая, побежала к себе.

Горько сделалось на душе у Федора Ивановича: как же так?

Он работает день и ночь, чтобы семья ни в чем не нуждалась, чтобы драгоценная Асенька и дети не знали жизненных трудностей. Он ограждал их от неприятностей, он взвешивал на себя неподъемный груз забот, он пропускал через своё сердце жизненные невзгоды – может быть, поэтому оно так болит сейчас?

Привычным жестом он потёр себе грудь – нет, это не боль! Такое чувство, что Орлик поставил тяжёлую подкову прямо на ребра, да так сильно, что заболела левая рука.

Федор Иванович замер в кресле. Подобные приступы случались с ним и раньше, и по опыту он знал, что необходимо немного посидеть без движения, обычно после этого наступало облегчение. Он закрыл глаза на минуту, а, очнувшись, обнаружил, что все покинули гостиную и разбрелись, кто куда. Да и околоточный уехал: сквозь забытье Федор Иванович услышал стук колес его двуколки. Надо было околоточному «сунуть"в карман, да разве домашние догадаются? Анна, возможно, и сообразит, а милая Асенька и Маруся ни за что! Обе, словно не от мира сего – им невдомёк, что околоточный будет молчать не просто так – рублевик заставит околоточного держать рот на замке и не распространяться о визите к Астафьевым. Сплетни, несомненно, так или иначе просочатся, но пустъ их будет по возможности меньше.

Тем временем исчезнувшая было сжимающая боль вернулась, возрастая в геометрической прогрессии. Сердце запульсировало где-то в глотке, словно пытаясь выскочить. Федор Иванович снова потёр грудину, но лучше не становилось. Он почувствовал животный страх, никогда ранее не испытанный. Этот страх пропитывал клетки тела, заполнял все его существо, и несчастному показалось, что сама госпожа Смерть уставилась ему в лицо своими пустыми глазницами. Лоб покрылся холодным липким потом, а руки задрожали.

– Помогите! – прохрипел Федор Иванович и взмахнул рукой, пытаясь позвать кого-нибудь.

Никто его не услышал. Он попытался позвать ещё раз, и снова безрезультатно.

Звуки, которыми был наполнен старый дом, удалялись от него, становясь все тише и глуше, и на Федора Ивановича навалилась непроницаемая тишина.

– Неужели это все?, – промелькнула мысль, – Так внезапно, не закончив дела?

Он подумал, что не успел расплатиться с поставщиками, а это это может повлиять на дело. А ещё поймал себя на том, что все заботы, связанные с деньгами, кажутся теперь ничего не значащими и пустыми.

– Ася! Асенька! – позвал он наудачу.

Федору Ивановичу стало трудно дышать, и это уже не шаловливый жеребец Орлик давил на грудь подковой, а тяжёлый валун скатился с горы и придавил его. Он приподнялся с кресла, чтобы распахнуть окно, и рухнул бездыханный.

Глава 32

«Пришла беда – отворяй ворота» – гласит народная мудрость. К аресту Ильи добавилась кончина Федора Ивановича, и Астафьевы опасались, что этим дело не ограничится, и судьба продолжит наносить удары. Слишком хорошо они жили в последнее время, так не наступила ли пора проверить их семейство на излом?

Анастасия Александровна была безутешна: особенно́ ее терзала мысль, что она так и не помирилась с Федором, что ненароком обидела его, а теперь ничего невозможно поправить. И прощения не попросить…

Несмотря ни на что, жизнь брала своё, и нужно было заниматься похоронами, завещанием, затем готовиться к поездке в Санкт-Петербург – дело Илюши требовало безотлагательного присутствия.

Да ещё семейное дело, в котором вдова ничего не смыслила.

Асенька, донельзя избалованная мужем, приходила в ужас оттого, что с уходом Федора Ивановича все заботы легли на ее плечи. Правда, старший сын Митя, вызванный домой телеграммой, помог с организацией похорон, а сопровождать Асеньку в Петербург решено было поручить Анне. Оставался открытым вопрос о льняном производстве.

В день погребения дом Астафьевых переполнился людьми: близкие и далёкие заходили проститься с Федором Ивановичем и высказать соболезнования вдове и детям.

Младшие Астафьевы, объединенные общим горем, держались вместе. Каждый из них осознавал, что прежней беззаботной жизни пришел конец. Митя сетовал на то, что дела службы держат его вдали от семьи, а ведь после папы он остаётся за старшего.

Анна опасалась, что придется отложить учебу в Петербурге: она не оставит маму наедине с горем. Да и за младшими необходимо присмотреть.

Маруся и Ваня не отходили от матери, втайне боясь, что она покинет их так же внезапно, как отец.

В эти тяжёлые дни Астафьевы ещё сильнее сдружились с Талановыми, которые практически дневали и ночевали в Больших Дубах и помогали, чем только возможно.

Любовь Петровна с дочерьми и невесткой организовали поминки, Петр Андреевич занимался документами, а Миша и Родион были на подхвате у Дмитрия.

Мише так и не удалось поговорить с Марусей: погруженная в размышления, она ни на кого не обращала внимания. Он понимал, что сейчас не время для объяснений, но без этого разговора он не мог вернуться в Петербург. Он должен поведать Марусе, что открылось ему в то пасхальное утро, когда он любовался ею в церкви и называл про себя Прекрасной Дамой..

И какие же глупости лезут в его голову! Разве можно тревожить сейчас Марусю, когда на нее свалилось такое горе! Да и поймет ли она, ответит ли? А сам Михаил не будет ли выглядеть смешно и глупо, объясняясь в любви гимназистке?

Прекрасная Дама в школьной форме? Нонсенс!

Михаил тряхнул головой – и всё-таки он не отступится! Марусе пятнадцать, ему девятнадцать… Три года до марусиного совершеннолетия пролетят незаметно, а согласие на брак родители непременно дадут: Маруся у них – любимица!

Объяснение произошло через несколько дней на станции Вязовка, куда Асенька отправила детей встретить с поезда их родного дядю Викентия Александровича Баташова. Оставшись вдовой, Асенька убоялась свалившихся на нее денежных проблем, надумала переложить их на плечи младшего брата. Она послала Викентию отчаянное письмо с просьбой о помощи, на которое тот незамедлительно откликнулся. В самом деле – почему бы и не отозваться на предложение сестры?

К тому же Викентию надоела душная пыльная Полтава, где он подвизался мелким клерком в местном банке. Семьи он не завел, в Полтаве его ничего не держало, и он с радостью ухватился за предложение Асеньки, с удовольствием предвкушая переезд в Песчанск – всё-таки ближайший к столице губернский город.

Он заблаговременно отправил телеграмму, в которой сообщал дату приезда и номер поезда. Асенька попросила детей встретить дядю на станции.

В экипаж набилось шестеро: к Ане и Марусе Астафьевым присоединились Рая и Миша Талановы, Леня Пригожий и Сергей Матвиевский, сын дачников из Лисьих Гор. Обстановка недавнего траура не позволяла молодежи проявлять веселье, и всю дорогу в маленькой компании царило настроение тихого созерцания. Один Леня Пригожий на правах старого друга многозначительно улыбался Рае, не говоря ни слова, и позволял себе держать ее руку в своей.

Они приехали заблаговременно, минут за сорок до прибытия поезда, и сразу же разбились на парочки.

Миша Таланов привязал коня на полянке возле будки стрелочника и пошел гулять с Марусей по путям. Это было запрещено, и вскоре дежурный по станции закричал им вслед предостерегающе.

Они сошли с путей на бровку. На откосе, заросшем цветами и травой, краснели ягоды. Миша наклонился и сорвал крупную землянику.

– Как она сохранилась до августа? – сказал он и протянул ягоду Марусе.

Она пожала плечами, но ягоду взяла.

– Что ж тут удивляться, дни-то какие тёплые стоят!

Маруся рассеянно посмотрела на своего спутника и двинулась вперёд. Миша немного отставал от нее. Он любовался ее точечной фигуркой, залитой золотым светом зари.

– Не отставай!, – крикнула Маруся, не оборачиваясь.

Она собирала цветы, растущие прямо у бровки, и складывала их в букет. Крупные ромашки, пижма, львиный зев, Иван-да-Марья, – все вместе представляли причудливую палитру. Последний штрих – душистые веточки кипрея. Наконец, полюбовавшись на своё творение, Маруся решила, что букет достаточно красив – как говорится, не прибавить, не убавить, поэтому следует показать его Мише.

А молодой человек, будущий ботаник, занялся классификацией собранных любимой девушкой цветов, попутно вспоминая их названия на латыни. Когда же изумленная Маруся спросила, понравился ли Михаилу букет, он равнодушно выдавил:

– Мило.

– И это все? – удивилась девушка.

Её шокировал его ответ, и она уже хотела возразить на его замечание, как вдруг издали послышался звук приближающегося поезда.

– Отойди подальше, – скомандовал Михаил и, легко приобняв Марусины плечи, оттолкнул ее с бровки на косогор, спускавшийся от путей вниз.

Поезд, словно огромная железная змея, вынырнул из-за лесной дали и изогнулся на повороте. Он неотвратимо приближался к открытому семафору и к нашим путникам.

Внезапно Миша резко бросился к путям, оттолкнув оторопевшую Марусю. Она не успела ни удивиться, ни испугаться, как он отпрыгнул обратно, держа в руках ежонка, свернувшегося в клубок, И в ту же секунду с шумом и грохотом мимо проследовал поезд.

– Дурачок! – ласково сказал Миша, – Как он попал на рельсы, ума не приложу. Еще немного, и поезд раздавил бы его в лепешку.

– Нет, это ты – дурачок! – воскликнула, чуть не плача, Маруся, – Это тебя мог раздавить поезд! Как тебе в голову пришло так рисковать собой?

Она забарабанила кулачками по его груди в унисон со стуком колес несущегося поезда.

– Маруся, -прошептал Михаил, опуская ёжика на землю. Колючий моментально зашуршал в траве, спускаясь в сторону кустов, а Миша, поддавшись неизвестному порыву, обнял Марусю и впился поцелуем в ее губы. Она не отстранилась – напротив! – ее кулачки раздались, а ладони сами собой обвились вокруг мишиной шеи.

Они ничего не замечали вокруг – ни мчащегося мимо состава, ни цветов, ни начинавшего темнеть неба. Ежик тоже был забыт, а собранный Марусей букет мягко упал на землю. Они выпали из окружающей действительности, смутно понимая, что этот поцелуй не похож на предыдущий, сорванный в Пасху, поэтому целовались снова и снова, пока не заболели губы. Мишу обрадовало то, что Маруся отвечает на его поцелуи, хотя и неумело. А она просто таяла в его объятиях и позабыла обо всем.

Последний вагон уже скрылся вдали, и они отпрянул друг от друга.

Застигнутые врасплох нахлынувшими чувствами, они долго стояли рядом, не в силах пошевелиться. Михаил был уверен в себе: он любил Марусю, сильно и глубоко. В то же время молодой человек понимал, что ждать определенности от нее пока ещё рано в силу юного возраста.

Маруся смотрела на Михаила почти с ужасом, в голове мелькали обрывки бессвязных мыслей, не желающих складываться в единую картину.

«Он меня любит… губы мягкие… а сердце стучит… маленький ёжик… он не может быть таким подлым, как Евгений… на губах его мед… при чем здесь детские сказки?»

– Миша, – позвала она жалобно, но встретив ласковый взгляд юноши, успокоилась.

– Я люблю тебя, Машенька, – твердо произнёс Михаил, – И хочу, чтобы ты об этом знала.

– Я должна ответить сейчас? – растерялась Маруся.

Щеки девушки запылали, и она прижала к ним кулачки, словно возможно было погасить внутренний жар.

– Ты не обязана отвечать сразу.

Миша тоже выглядел смущенным, и Маруся решила ободрить его.

– Миша, пойми, мы с тобой знакомы всю жизнь, я всегда любила тебя, как брата. Да, не удивляйся, как Митю, Илью и Ваню. Помнишь, как во время учебы в гимназии ты приходил к нам? Неужели наш дом и наша семья были чужими для тебя?

А сейчас, когда ты так глупо рисковал жизнью, я испугалась. Я поняла, что, если… тебя не будет, то и мне незачем жить.

Она взглянула на него кротко и спросила:

– Скажи, Миша, это и есть любовь?

Новый поцелуй стал ей ответом.

Глава 33

Через несколько дней Миша Таланов уехал в столицу. Они с Марусей договорились о переписке, о том, что за три года, пока Маруся не достигнет совершеннолетия, проверят свои чувства, а затем попросят благословения родителей. Юная пара не сомневалась в положительном ответе.

Проводив Мишу на станцию, Маруся осталась наедине с домашними делами. Если не считать дядю Викентия, который, что ни говори, был пришлым, за старшую в семье почитали Марусю – мама и сестра Анна ещё раньше отправились в Санкт Петербург выручать Илью из-под ареста, а брат Митя почти сразу после похорон вернулся на службу.

И, хотя за обеденный стол садились всего трое – Маруся, дядя Викентий и Ваня- хлопот по хозяйству было предостаточно.

Викентий Александрович быстро освоился в доме сестры. Еще до отъезда Асеньки он вел долгие разговоры с каждым из членов семьи и, кажется,

сумел подобрать ключи к их сердцам. Так с Анной он беседовал о высшем образовании, о возможности учебы женщин в университете.

Марусе рассказывал о гимназических порядках в бытность гимназистом самого дяди Викентия; с Ваней – о японской борьбе, а с Асенькой – о явных и скрытых достоинствах покойного Федора Ивановича.

Дядя никогда не повышал голос, говорил долго, но без занудства. Шутки его не казались плоскими, а плавная красивая речь выдавала образованность. Он был лёгок в общении и так располагал к себе, что скоро стал поверенным тайн почти всех членов семьи Астафьевых

«Почти» означало, что только Марусю, одну из всех, ему не удалось вызвать на откровенность.

Она единственная не разделяла всеобщих восторгов и отнеслась к дяде Викентия критически. Легкость общения в противоположность другим, она посчитала за легковесность, а таким людям Маруся не доверяла. Вскоре жизнь подбросила ей ещё одно доказательство дядиной несерьезности: он праздно жил в Больших Дубах и не спешил взять на себя финансовые дела осиротевшей семьи.

В размышлениях Маруся пришла к выводу, что, возможно, маменька совершила ошибку, решив прибегнуть в таком важном деле, как благополучие семьи, к родному брату Викентию. Более неподходящего человека трудно было найти, но никто ничего не замечал, будто находясь под гипнозом дядиного обаяния.

Наступил день рассчёта с арендаторами. Папа обычно открывал толстый гроссбух тщательно сверял приход-расход. Федор Иванович в денежных делах был точен, как курьерский поезд, и никто из арендаторов никогда не выказывал неудовольствия по поводу платежей.

С кончиной хозяина все пошло наперекосяк. Народ уже толпился на улице и в коридоре, а дядя Викентий, как ушел спозаранку с удочкой, так до сих пор и не вернулся.

Пришлось Марусе самой раскрыть гроссбух и заняться арендаторами. Справедливости ради нужно заметить, что по отцовским записям ей было легко ориентироваться в цифрах, и девушка с головой погрузилась в новое для нее занятие.

Когда же стрелки часов подошли к полудню, и последний арендатор покинул Большие Дубы, с рыбалки не спеша вернулся дядя. Как ни в чем ни бывало, он проследовал в свою комнату мимо племянницы, раскрасневшейся от жары и от гнева. Она прижимала к груди гроссбух, но дядя в спешке бросил ей «доброе утро"и на ходу отдал кухарке кукан с уловом – восемью мелкими плотвичками. Разговаривать с ним было бесполезно, тем более в чем-то упрекать, и Маруся решила дождаться возвращения матери и все ей рассказать.

На следующий день мама и Анюта приехали из Петербурга с плохими новостями: Илью осудили» за подрывную деятельность"и отправили в ссылку.

– В Сибирь?, -ахнула кухарка Домна.

Она незаметно просочилась в гостиную и слышала рассказ барыни о деталях ареста Ильи, о суде и о коротком свидании с сыном.

Асенька глянула в ту сторону, откуда подала голос любопытная прислуга. Сначала она хотела выгнать назойливую бабу, а потом сообразила, что, если Домна не будет знать ответ на свой вопрос, то вполне может сочинить его. И пойдет гулять слух о том, что средний сын Астафьевых – каторжник. И все благодаря Домне.

– Нет, не в Сибирь, -вздохнула Асенька, -На Урале будет жить наш Илюша. Или в Пермском крае.

– К вотякам, -добавил дядя Викентий, – Дикий народ, живут родовым строем, молятся идолам. Жалко Илюшу: как он там прижи́вется после столичных развлечений?

– Вы ошибаетесь, дядя. Вотяки живут на Волге, а в Пермском крае – пермяки. Однако, насчёт родового строя Вы правы, -с иронией заметила Анна.

– Как долго он пробудет в ссылке? – спросила Маруся.

– Два года, – ответила мать, – Думаю, для Ильи это послужит хорошим уроком. Он вернётся и займётся адвокатской практикой.

Аня недоверчиво хмыкнула: ничего путного из среднего брата не вышло, так что нечего и питать надежды. Мама украдкой вытерла слёзки и, чтобы перевести разговор на другое, поинтересовалась у Викентия:

– Как ты тут управился, братец? Я совсем забыла про расчетный день с арендаторами! Обычно этим занимался исключительно Федор Иванович.

Викентий, нимало не смутившись, заверил сестру, что он полностью контролирует ее финансы, а рассчеты с арендаторами выполнены так же точно и скрупулёзно, как это было при жизни ее мужа.

Маруся чуть не задохнулась от возмущения, слушая такую беспардонный ложь!

– Ну и фрукт этот дядя Викентий, врёт на голубом глазу, а мама ему верит.– прошептала она еле слышно.

Ей хотелось немедленно открыть глаза всем присутствующим на позорную ложь дяди, но, взглянув в изможденное лицо матери, промолчала.

– Пусть мама отдохнёт с дороги, пусть утихнут разговоры об Илье, ведь за один-два дня ничего не изменится.

Дядя Викентий ушел в свою комнату, и в его отсутствие

Маруся немного успокоилась, а потом включилась в разговор об Илье.

А назавтра всю округу потрясла весть о том, что полиция явилась к Трапезниковым, чтобы арестовать непутевую Муру. Поговаривали, что девицу давно разыскивали по всему Петербургу, пока догадались проверить по месту проживания родителей. Общество было потрясено: дочь богатого и уважаемого отца бунтует против царя – неслыханно!

В доме Трапезниковых жандармы перевернули все вверх дном, но «революционерка», словно сквозь землю провалилась.

Понятые – местный староста и телеграфист – охотно делились подробностями обыска, а в желающих слушать недостатка не наблюдалось.

А ещё через два дня деревенский бобыль Гераська сжёг вековую берёзу, что росла напротив Залесья на возвышенности, именуемой Машиной горой. Многие посчитали это событие дурным знаком. Залесская ворожея Аксинья подтвердила опасения:

– Это было не простое дерево, а священное. Люди ему с незапамятных времён поклонялись, ещё до Христа, а теперь через это кострище в наш мир проникнут злые духи. Ох, и натворят они бед, натворят. Кровью умоемся.

Она немного помолчала, а затем добавила:

– Сначала война, потом голод, потом брат пойдет на брата, а в конце времён люди перестанут быть людьми, и наступит царство Антихриста.

Деревенские бабы и мужики внимали откровениям гадалки, но возражали недоверчиво. Ну, сжёг подлый Гераська дерево: жалко, конечно, да что с того? Незачем страхи нагонять – где это видано, чтобы такая могучая держава, как Российская империя, рухнула в одночасье? Наоборот, мы уже и дорогу проложили с запада на восток, аж до самого океана. И годы урожайные идут один за другим, едим-пьем сытно, а царь-батюшка о нас печется.

Вона сколько детишек понародилось за последний год в одном только Залесье! Играют вместе, а подрастут, так что ж, воевать начнут, убивать друг друга?

Не с кем воевать, да и незачем! Россия большая, хватит всем места на ее просторах.

Бабы не на шутку расшумелись и накинулись на Аксинью скопом. Ворожея поспешно ретировалась.

– Жалко мне вас, -сказала она напоследок, – Я-то не доживу, а вы ещё вспомните мои слова, когда брат пойдет на брата. И года не пройдет…

Барышни Маруся и Рая оказались случайными свидетельницами перепалки. Они шли из господского дома к речке, но, услышав крики, завернули к деревне.

– Вздорная бабка эта Аксинья, -заметила Рая, – Не понимаю, зачем ей нужно народ пугать? Правильно ее бабы прогнали.

Она искоса взглянула на подругу, но Маруся не торопилась поддержать разговор. Предсказанья Аксиньи застали ее врасплох и поразили в самое сердце.

Она оторопела, осознав возможность подобного развития событий. Внешне ничего не изменилось – все так же светило нежаркое августовское солнце, зеленел овес в полях, краснели рябины в палисадниках, но, казалось, это ненадолго, и этой красоте и тишине уже вынесен приговор.

Так раковый больной в начале заболевания не ощущает никаких симптомов, хотя внутри его тела уже разрастается опухоль.

– И года не пройдет, – повторила Маруся, добавив с испугом, – Неужели я доживу до конца света?

Глава 34

Лето 1914.

Позднее Маруся не раз от случая к случаю вспоминала слова ворожеи, однако на каникулах летом 1914 года думать об этом не хотелось. Астафьевы снова выехали на дачу после долгих месяцев, проведенных в Песчанске. Маруся скучала по Мише Таланову, со дня на день ожидая его приезда.

Стояла прекрасная погода, необычно жаркая для северного июня. Буйным цветом цвели жасмин и сирень, вечерами туман ложился на заливные луга, а золотистый закат сменялся короткой белой ночью.

Седьмого июня Талановы получили телеграмму от Родиона: Верочка благополучно родила дочку, названную в честь ее матери Ольгой. Надо ли говорить, что новоиспечённая бабушка Любовь Петровна раззвонила об этом событии по всей округе. Особенно досталось Асеньке – старинная подруга навещала ее каждый день, не уставая потчевать рассказами о «своих молодых» и новорожденной. Асенька выносила ее визиты с ангельским терпением, пряча в дальние глубины души проснувшуюся зависть.

Нет-нет, не подумайте ничего такого: она радовалась вместе с Любочкой, считая, что подруга заслужила свою долю счастья, но почему же самой Асеньке не везёт?

Митя не пристроен – после разрыва с Ольгой он даже не заговаривает о женитьбе. Понимает ли сын тревогу матери? Понимает ли, как ей важно дожить до внуков и увидеть в них своё продолжение?

Новая причина для тревоги – Илюша. Он пишет из ссылки грустные проникновенные письма, но в них нет ни слова раскаяния о содеянном! Скорее наоборот…

В последнем письме он писал о безмерной радости знакомства с бунтовщиками, о готовности отдать за них жизнь.

Какой же он всё-таки наивный, хотя и закончил университет. А друзья его -,просто, злые гении! Не связался бы он с ними́ – не сослали бы бедного сыночка в дальнюю сторонушку.

А столичные друзья – просто злые гении Илюши! Делал бы карьеру в юриспруденции и, возможно, нашел бы невесту, если бы не доброхоты с их безумными идеями… Здесь Асенька вздохнула с сожалением.

Анюта… Она немного побаивалась старшей дочери – ее пугала категоричность и непримиримость, с которыми молодая девушка относилась к окружающим Эх, надо было бы выдать ее замуж, да вот беда! – женихов не находилось!

Анна, конечно, не красавица, но и не урод. Круглое личико в обрамлении светло-русых кудряшек казалось милым, но незапоминающимся, словно с нее стёрли все краски, а стремление всех поучать отталкивало желающих познакомиться.

Маруся – совсем другая… Аня недолюбливает младшую сестру – завидует, что ли? Завидует красоте и обаянию Маруси, умению ладить с окружающими, ее доброте и отзывчивости. За последние два года неприязненное отношение старшей к младшей усилилось, и Асенька догадывалась, в чем дело. Всегда так бывает, если между девочками влезает какой-нибудь кавалер и отдает предпочтение одной из них. Она предполагала, что яблоком раздора стал Миша Таланов. Что же, он хороший мальчик, и одной из сестер должно улыбнуться счастье…

Асенька вспомнила про вязание, лежавшее у нее на коленях – хорошо получаются пинеточки из цветных ниток! Да, надо изготовить помпончик и сплести шнурки. Она глубоко вздохнула: внуков в ближайшее время не намечается, а Любочкиной малышке пинетки подойдут.

Она задержала взгляд на портрете Федора Ивановича. Скоро год, как она вдова… С уходом Федора ее жизнь не закончилась – она заботится о детях и даже имеет смелость мечтать о внуках, но так надёжно и спокойно, как рядом с мужем, ей уже не будет никогда. Жизнь ее

поделена между Песчанском и Большими Дубами, финансами занимается Викентий, а у детей, Бог даст, все наладится.

Круг общения останется прежним, и благотворительный бал в Дворянском собрании она посетит, как это было при Федоре Ивановиче. А потом, когда она пресытился днями, Господь заберёт ее к себе без мучений, и Бельское кладбище, где в семейном склепе покоятся все поколения Баташовых, станет для нее последним приютом.

Так думала Анастасия Александровна, обманутая безмятежностью дачного лета. Она не знала, что обе ее дочери разочарованы решением Миши Таланова поехать, вместо каникул, в дальнюю экспедицию на Алтай.

По возвращении из Петербурга он первым делом навестил Астафьевых и огорошил обеих сестер убийственной новостью. Аня и Маруся даже невольно переглянулись, а Миша с горящими глазами поведал, что ему выпала редкая удача участвовать в экспедиции, организованной на кафедре растений, и из всех студентов выбрали именно его.

Он два года ожидал этой возможности, но лишь нынче нашелся благотворитель, пожертвовавший крупную сумму на науку. Михаил радовался привалившей удаче: он рассчитывал использовать материалы экспедиции в своей дипломной работе.

Его беспокоило объяснение с Марусей – а вдруг она обидится? Весь год они жили ожиданием каникул, и вот, пожалуйста – такой сюрприз! Поймет ли Прекрасная Дама его устремления?

Маруся поняла и… отпустила. Миша даже разочаровался оттого, что любимая приняла его поездку легко, и засомневался в глубине ее чувств.

Право, его сомнения не стоили ни гроша: Маруся в силу полученного воспитания не хотела стать помехой в его карьере. Напротив, она верила в то, что когда-нибудь Миша проявит свои таланты, ведь он считался самым начитанным юношей в округе. Кроме того, сдержанность характера Маруси не позволяла ей в полной мере выплеснуть свои чувства. Несомненно, она сожалела о разрушенных планах на лето, но понимала важность любимого дела для ее избранника.

Две недели до отъезда Миши пролетели незаметно. Не было конца развлечениям, которые не уставали изобретать Раечка и другие в молодежной компании: танцы, катание на велосипедах, пикники. Мальчики соревновались в игре в новомодный «футбол», а девочки не желали ничего иного, кроме игры в серсо, знакомой и старой, как мир.

На день рождения Раечки устроили маскарад. Вся округа собралась на этот праздник – никто не отказался! Гости приходили уже одетыми в карнавальные костюмы, поэтому много забавных перепутаниц случилось во время танцев. Так Маруся Астафьева несколько танцев отплясывала с весёлым клоуном, полагая, что это Миша. И лишь, заметив недоуменный взгляд гусара, одиноко стоявшего у дверного проема, сдернула маску со своего визави. Из-под раскрашенного картона показалась дерзкая физиономия Володи Пригожего. Он скорчил смешную гримасу, а Маруся зарделась, словно маков цвет.

Угадав в прорези маски гусара Мишины зелёные глаза с коричневыми крапинками, она переметнулась к нему.

Он уехал на следующее утро, сначала в Петербург, а оттуда через Москву на Алтай. Вскоре с дороги пришла телеграмма:

«Еду профессором Майковым Алтай проехали Урал здоров скучаю Миша».

К началу сентября ученые предполагали завершить экспедицию, и Маруся рассчитывала на то, что Миша навестит родителей перед новым учебным годом. Хорошо, если бы им удалось провести вместе несколько дней!

Отлетел жаркий июль, приближался последний летний месяц. Сообщение об убийстве в далёком Сараево эрцгерцога Франца-Фердинанда прошло почти незамеченным. Только один Петр Андреевич прочёл в губернских новостях и высказал мнение:

– Как бы это не повредило России!

Домашние посмотрели на него с изумлением: где Сараево, а где мы! Какое нам дело до бед и забот европейских? У нас урожай на подходе – ягоды поспели, яблочный дух стоит над садами, а после Спаса можно будет полакомиться ароматной антоновкой или белым наливом. Не за горами щедрая золотая осень, а там и зима, заполненная праздниками и весельем.

И вообще, Россия – выше свар в мелких европейских княжествах и минигосударствах. Пусть они ссорятся, мирятся, колыхаются и шевелятся под носом спящего медведя. У России свой путь…

Обыватели недолго обсуждали перипетии внешней политики, перейдя к привычным темам – о засолке огурцов и новом грибном сезоне.

Первое августа наступило, как и положено по календарю, раскрасив рассвет нежно-золотым цветом. И никто не догадывался, что война уже стоит на пороге, готовая переломать судьбы многих.

Глава 35

После развода Ольга Монакова поселилась в доме отца, а вскоре сменила его в земской больнице. Грустно принять неизбежность старости и видеть увядание дорогого человека, но ничего не поделаешь: Карл Иванович постарел и, накопив букет всевозможных болезней, вышел на пенсию.

Появление Ольги было как нельзя кстати: земство уже собиралось искать нового врача. Правда, Ольга имела всего лишь фельдшерский диплом, но в конце концов выход был найден: Карла Ивановича оставили на полставки для сложных случаев, а основная нагрузка по приему больных легла на плечи дочери.

Новая фельдшерица, старательная и красивая, быстро расположила к себе окружающих: и сослуживцы, и пациенты не уставали восхищаться ею. Аккуратно причесанная, одетая в белоснежный, хрустящий от крахмала халат, она царила в амбулатории. Ольга навела идеальный порядок и в приемной, и в смотровой, и запущенное помещение деревянного дома стало напоминать светлую операционную уважаемой клиники.

Работы Ольга не боялась, и не было случая, чтобы она отказала кому-либо в помощи из-за усталости или по причине окончания приемных часов. Местное население поголовно полюбило ее, даже больше, чем самого Карла Ивановича, прожившего в волости безвыездно почти тридцать лет.

Лишь одно обстоятельство мешало Ольге наслаждаться жизнью и чувствовать себя счастливой – разрыв с Евгением.

– Бурбон, монстр, солдафон, – клеймила она бывшего мужа, правда, не вслух, а про себя.

– Вспомнить его хамские выходки и рассказать о них, так никто и не поверит! Подумают, я наговариваю на милого воспитанного молодого человека. И как он посмел ставить мне ультиматумы? Я его жена, верно, но не бездушное приложение к «господину"и «повелителю».

Так размышляла Ольга и удивлялась сама себе: стоило ей оставить Евгения, как прекрасная любовь, ради которой она рассталась с Митей Астафьевым, исчезла без следа. Как это получилось? И не совершила ли она непоправимую ошибку, сделав выбор в пользу Евгения?

– Так всегда получается: сердце говорит – мозги молчат.

Ольга вздохнула и решила наплевать на личную жизнь, чтобы забыться в работе. В этом она была неоригинальна, но жаловаться на судьбу не спешила: слава Богу, сама зарабатывает и ни от кого не зависит. Брак принес ей чудесную дочку, а личное счастье отыщет ее когда-нибудь…

Дни летели за днями, лето уже прошло – разъехались дачники. Потянулись тоскливые осенние дни. Проселочные дороги были размыты бесконечными дождями, и лишь утренники подмораживали дорожную грязь и позволяли передвигаться по округе.

На Михайлов день Карл Иванович занемог и остался дома.

Вздрагивая от утреннего холода, Ольга села в двуколку и поехала в больницу. Рабочий день ее начинался приемом амбулаторных больных, затем осмотр в больнице и напоследок домашние вызовы. Она не нарушит расписания, которого ее отец придерживался изо дня в день в течение тридцати лет. Пусть все дела идут так, как в его присутствии.

Однако распорядок пришлось нарушить: не успела Ольга привязать кобылу, как ее позвали в приемный покой.

– Скорее, Ольга Карловна, там человек умирает! – со слезой в голосе крикнула санитарка Маша.

Фельдшерица на ходу предупредила амбулаторных больных, сидящих в коридоре, что задерживается. Лошадь осталась на попечение сторожа, а Ольга поспешила за санитаркой.

Земская больница Бельский волости располагалась в одноэтажном деревянном доме. Он был построен в живописном месте – посреди сосновой рощицы на краю села. Из больничных окон виднелись поля, луга, речка, на другом берегу которой рос лиственный лес. В весеннюю пору цвела черемуха, и ее терпкий аромат проникал в помещение.

А сейчас, в конце холодного промозглого ноября пахло сыростью и подгнившей листвой. Больничный сторож, он же истопник, жарко натопил печи. Угли уже прогорели, и обшитые жестью, раскаленные стояки излучали тепло.

Ольга сбросила пальто на руки санитарке Маше и приняла от нее белоснежный свежий халат. Она направилась в приёмное отделение, попутно выслушивая доклад.

– Нашли его у Бельского разъезда возле рельсов, без сознания. Лисьегорские мужики ехали в Глебово и наткнулись на него, – торопливо рассказывала Маша, – Наверное, под поезд попал, несчастный.

Она завела фельдшерицу за занавеску в отдельный бокс, куда поместили раненого.

Худенький молодой человек, укрытый тонким одеялом, дрожал всем телом, хватая ртом воздух.

– Помоги мне осмотреть его, – попросила Ольга, – Первернем на бок.

Маша стянула одеяло и с усилием повернула раненого, приподнимая рубашку. На его спине виднелись ссадины и кровоподтёки. Правая скула была разбита, из угла рта текла сукровица. Ольга достала стетоскоп, приложила трубку к спине и прислушалась..Дыхательные шумы не прослушивались справа, раненый продолжал задыхаться, кожа его сделалась серой с синеватым отливом. Он умирал прямо на глазах.

– Пневмоторакс, -осенило Ольгу, но сразу же ею овладело беспокойство

– Боже мой, мне никогда не приходилось самой делать прокол – всегда кто-то был рядом. И папа, как назло, заболел…

– Маша, укладку для пункции, быстро! – скомандовала она, и в ее голосе уже не чувствовалось ни страха, ни беспокойства, ни растерянности, а лишь озабоченность предстоящей процедурой.

Через несколько минут все благополучно завершилось. Соблюдая правила асептики, фельдшерица сделала прокол в межреберье с пострадавшей стороны, присоединила резиновую трубку, конец которой опустила в приготовленную ёмкость с водой. Напряжение отпустило ее, как только первый воздушный пузырь вырвался на свободу из трубки.

– Спасибо тебе, папа, – мысленно произнесла она -за то, что позволял наблюдать за твоими манипуляциями, иначе мне сегодня пришлось бы туго. Хотя, нет, туго пришлось бы раненому, а теперь у него появилась надежда.

Ольга устало улыбнулась и прижала ладони к пылающим от возбуждения щекам.

– Ну что, Ольга Карловна? Что с ним такое? Он будет жить? – спросила Маша, стоявшая у Ольги за спиной во время прокола, но ничего не понявшая из манипуляций..

Ольга снова достала стетоскоп и выслушала лёгкие. Пока не чувствовалось значительной разницы при аускультации, но раненый задышал свободно и слегка порозовел.

– Ну, кажется, проскочили, – воскликнула Ольга и разъяснила санитарке, – Он не попал под поезд, а спрыгнул с него на полном ходу: характер травм указывает на это. Упал, ударился, сломал ребра, повредил легочную ткань. Воздух из поврежденного лёгкого стал скапливаться под плеврой, привел к сдавлению и затруднению дыхания, а прокол дал выход скопившемуся воздуху.

– Вы гений, Ольга Карловна! – воскликнула санитарка, – Я чуть с ума не сошла, пока Вы не приехали. Он задыхается, а я одна и не знаю, как помочь. Хоть руки подложи…

– Пусть полежит пока в приемном, а я в амбулаторию, – распорядилась Ольга. Вздохгув глубоко, добавила:

– Посетители уже не только в коридоре, но и на крыльце сидят. Когда я все это разгребу?

– И-и, Ольга Карловна, – отмахнулась Маша, – Наш народ привычный – подождут, ничего с ними не сдеется! Чайку попейте из самовара, а потом и принимайте.

– Как же так, Маша? А если кто тяжелый… Нет, я пойду, а ты смотри за этим молодым человеком. Вот его можешь напоить чаем, когда он придет в себя.

Фельдшерица ушла, а Маша вернулась к раненому. Он дремал, вытянув руки вдоль одеяла. Во сне лицо его казалось спокойным и одухотворенным. Санитарка вглядывалась в него и шептала про себя:

– Не признала, вроде бы не местный. Ольга говорит, с поезда спрыгнул? А, может быть, сбросили? Увидели, костюм хороший, значит, деньги имеются… Ограбили и выкинули из вагона, мало ли разбойников… Может, околоточному сообщить? Нет уж, пускай сама Ольга Карловна решает… А мы что! Чаем напоить – пожалуйста, а остальное – увольте!

Глава 36

После полудня Ольга освободилась от приема и заглянула к раненому. Он по-прежнему лежал в боксе, но выглядел гораздо лучше, чем утром. В его выразительных карих глазах появились живые искорки. Он взглянул на подошедшую Ольгу с интересом.

– Простите, Вы доктор? – спросил он, поздоровавшись.

– Фельдшер, – уточнила Ольга.

Под пристальным взглядом незнакомца она немного смутилась, а, смутившись, испугалась, что краска выступит на щеках и сделает ее похожей на расписную матрёшку. Она откашлялась, пряча взгляд, и, собрав волю в кулак, напустила на себя суровый вид – в самом деле, почему она так испугалась?

Незнакомец был симпатичным, и лицо у него приятное, и тренированное тело угадывается под больничными тряпками, но Ольга здесь не за тем, чтобы любоваться на молодых красавчиков. Она, как говорится, при исполнении. Пусть уж лучше он смущается…

– ,Вас нашли у железнодорожных путей. Помните, как Вы там оказались? – строго спросила она.

«Похоже на допрос», -подумал он, не сводя с нее глаз, -«А она хороша, просто красавица! Сколько волос! Если распустить эту высокую прическу, ей на плечи прольется золотой дождь».

Он представил себе, что его руки тонут в золотом дожде, что он перебирает каждую прядь, каждый локон, и… улыбнулся.

– Как Вы оказались у железной дороги? Вы помните что-нибудь?, -переспросила Ольга, обескураженная его молчанием и непонятными улыбочками.

– Как Вас зовут? – прошептал он одними губами.

Предательская краска все же выступила на ее щеках, и она, досадуя на себя, резко ответила:

– ,Ольга… Ольга Карловна Монакова. Теперь Ваша очередь представиться.

Молодой человек неожиданно смутился. Он засуетился и закашлялся, а затем, так же, как она, залился краской.

– Антон Иванович Оболенский, -ответил он, понизив голос, – Поверьте, Ольга Карловна, я ничего не помню. Я даже не знаю, где нахожусь.

– Бельская земская больница.

– А где это?

Ольга расценила его вопрос, как дурачество, но всё же, не скрывая недовольства, проговорила:

– Песчанская губерния, Бельская волость.

При упоминании о Песчанске раненый оживился, но, опережая интерес Ольги, заявил, что с Песчанском его ничего не связывает.

– «Врет» – подумала она, – «Он либо из Песчанска, либо ехал туда по какому-то делу. Похоже, и имя ненастоящее. Что ж, пока подыграю в его враньё.»

– Скажите, что со мной случилось? Санитарка сказала, что Вы спасли мне жизнь.

Ольга коротко поведала о событиях утра, и он горячо поблагодарил ее.

– Не стоит!, -возразила она, – Вот, если бы Вы вспомнили, что привело Вас на рельсы, то это несомненно избавило бы меня от необходимости доложить полиции о случившемся.

– Зачем? Я же ничего не помню!, -произнес он, четко выделяя каждое слово.

– Куда Вы ехали? Может быть, у Вас билет сохранился?

– А в моих карманах не было билета?

– ,Судя по описи вещей, нет.

– Зачем Вы расследует это происшествие?, – спросил он печально, – Вас же это не коснулось!

– Как зачем? – не успокаивалась Ольга, – Если Вас избили и ограбили в поезде, то не лучше ли обратиться в полицию?

– ,Не нужно полиции…

Он попробовал подняться на локтях, но от резких движений усилилась боль, и он рухнул обратно в кровать.

– Вам плохо?, – Ольга подошла ближе и положила руку ему на лоб, Внезапно раненый схватил ее руку в свои ладони и горячо зашептал:

– Доктор, миленькая! Не надо полиции! Вообще ничего не надо. Я уйду сейчас, только не выдавайте!

Он повторял эти слова несколько раз, будто заклинание, пока изумленная Ольга не пообещала оставить его в покое.

– Я вернусь, Антон Иванович, и тогда Вы расскажете мне, отчего Вы избегаете полиции? Заодно, уж будьте добры, сообщите мне Ваше настоящее имя, господин Оболенский. Поверьте, с моей стороны Вам не грозит опасность.

Он сделал вид, что задремал, и она вышла из бокса.

– «И как мне прикажете себя вести с этим типом? Его враньё даже не забавляет! – размышляла она, идя по коридору, – Этот красавчик, несомненно, южных кровей – еврейских или кавказских. А я не люблю, когда меня используют втёмную.»

Ночью ее вызвали к нему из дома: раненый снова стал задыхаться на фоне внезапного скачка температуры. Карл Иванович, не вполне оправившийся от недомогания, настаивал на сопровождении дочери.

Накануне он выслушал ее рассказ о том, как она сделала плевральную пункцию, и теперь хотел лично убедиться, что дочь сделала все правильно.

Ольга ничего не сказала отцу о своих подозрениях относительно личности потерпевшего, и старый доктор был убежден, что ему предстоит встреча с господином Оболенским, и никем другим! Впрочем, по прибытии в больницу они обнаружили пациента в таком состоянии, что, право, выяснять его настоящее имя было делом десятым.

Осмотрев место пункции, Карл Иванович похвалил Ольгу, затем с помощью того же старенького стетоскопа выслушал лёгочные шумы и печально покачал головой и незамедлительно вынес заключение.

– Я опасаюсь абсцесса, – сказал он, хмурясь, – Все признаки говорят об этом.

– Как же?, – растерянно дочь, – Ты сам сказал, что пункция удалась?

– Удалась, – подтвердила доктор, – Но, милая моя девочка, неужели ты забыла о том, что спавшаяся лёгочная ткань может воспалиться?

– Что делать? Ты же сам не слишком уверен, что…

– Оленька, готовь камфору, – распорядился доктор, – Он очень слаб, я боюсь за его сердце.

Трое суток пациент находился между жизнью и смертью – трое суток Ольга не выходила из больницы. Она даже спала на двух стульях в боксе, чутко улавливая каждое движение паци-

ента. И, как только у него при кашле стала отходить полным ртом гнойная мокрота, сразу же исчезла лихорадка, и состояние раненого перестало вызывать опасения, она впервые за последнее время заснула спокойно.

Глава 37

Через несколько дней господин Оболенский почувствовал себя намного лучше и попросился на выписку. Карл Иванович попробовал возражать, однако натолкнулся на твердую решимость пациента вернуться к обычной жизни. Он сдался под напором и разрешил Оболенскому покинуть больницу сразу после обхода.

Ольга закрылась в амбулатории, чтобы ненароком не столкнуться с ним: во время осмотра он даже не взглянул в ее сторону, и она была раздосадована его невниманием.

– Хоть бы «спасибо"сказал, ведь есть за что, – раздумывала она, машинально выполняя манипуляции, – Если бы не я, по нему уже давно справили бы панихиду. Я, конечно, переживу его неблагодарность, просто одним разочарованием больше…

Ей было видно в окно, как он вышел на крыльцо, глубоко вдохнул холодный воздух и оглянулся по сторонам. Возможно, он все же хотел ее видеть перед уходом – в какой-то момент ей показалось, что он заметил ее через оконное стекло, однако Оболенский, не спеша, отвернулся и медленно, словно в глубоком раздумье, двинулся по дорожке, устланной подгнившей листвой. Он вышел за калитку и направился в сторону станции, а Ольга, прильнула к окну и долго смотрела ему вслед. Как только он скрылся за поворотом, она глубоко вздохнула и- делать нечего! – вернулась к работе.

А Оболенский, который был вовсе не Оболенский, и не Антон Иванович, размышлял о том, что предпринять в дальнейшем. Обстоятельства вынудили его спешно уехать из Петербурга – он даже не успел забежать домой, в квартиру на Миллионной улице. Он остался без денег, без документов, с пятью рублями в кармане, и первое, что он предпринял, узнав о грозящем аресте, купил билет на ближайший поезд, идущий в Белоруссию.

Он был охвачен порывом – бежать из этого мрачного города, построенного на болоте согласно капризу тирана. Бежать от так называемых друзей, затянувшихся его, Левушку Баренбойма, в организацию бомбистов-эсеров.

Прав был отец, прав: ему не место рядом с этими людишками! И чего ему, дураку, не хватало? Папа никогда не отказывал ему в субсидиях, оплатил образование в Европе, а он, Левушка, вместо благодарности, разрушил свою жизнь.

А ведь он годом раньше приехал в Санкт Петербург, надеясь получить место на кафедре – он грезил наукой! Европейские профессора высоко оценивали его способности и прочили славное будущее. Его дипломная работа по органической химии удостоилась золотой медали на конкурсе студенческих работ, после чего сразу три университета предложили Левушке место для подготовки доктората – Карлов университет в Праге, университет Гумбольдта в Берлине и родной, санкт-петербургский. Он сделал выбор в пользу последнего, и главным аргументом послужило то, что ему захотелось утереть нос Российской империи.

Это она, империя, всячески унижала народ, к которому принадлежал Баренбойм, это она ограничила права и свободы его народа, введя унизительную «черту оседлости». Это она пальцем не пошевелила, чтобы остановить погромы, прокатившиеся на юге. Это она лет десять тому назад засудила несчастного Бейлиса за преступление, которое он не совершал.

Левушке повезло родиться в семье миллионера, а деньги в нашей жизни решают все. Много лет назад Баренбойм-старший сумел разбогатеть и вырваться из душной атмосферы местечка. Это произошло не сразу, и первые годы детства Левушка провел в том же местечке.

Он прекрасно помнил почерневшие от времени бревна дома, доставшегося им в наследство от деда: старый штакетник палисадника, в котором буйным цветом цвели золотые шары, весной благоухали сирень и черемуха, а осенью пламенели гроздья рябины. Он помнил, как

ходил с матерью на базар по пятницам, где она громко торговалась, радуясь каждой сэкономленной копейке.

Он помнил невкусные каши по утрам, невкусную похлёбку днём и скудные ужины, за которыми семья доедала остатки от обеда. Славп Б-гу, отцу выпала удача: он нащупал золотую жилу, занявшись торговлей сахаром. Но только через три года после вступления Льва Абрамовича в первую купеческую гильдию неповоротливая российская бюрократия разрешила семье Баренбоймов выехать из местечка и поселиться в Песчанске. Отец выбрал этот тихий губернский город из-за близости к столице, Прибалтике и Белоруссии; удобному железнодорожному сообщению и дешевизне проживания.

Это событие совпало с поступлением Левушки в гимназию, о которой он не любил вспоминать. Здесь ему явно дали понять, что он не такой, как все. Сколько он натерпелся от однокашников, сколько наслушался оскорблений – не хватит места в книге, если описать все! Были и педагоги, норовившие при каждом удобном случае поставить на место еврейского мальчишку. Видите ли, этот наглец умудрялся учиться лучше всех!

А обиднее всего ему казалось то, что ему не разрешали посещать уроки закона божьего, посчитав эти занятия излишними для иудея. Записные хулиганы и двоечники, искренне ненавидевшие сей предмет, гордо следовали в класс мимо него, одиноко стоявшего в рекреации. Левушка не знал, куда деваться от их пренебрежительным взглядов.

И вот все изменилось: он вернётся в Санкт Петербург и завоюет сначала столицу, а потом и империю в целом! Он напишет такие труды – весь мир узнает Льва Баренбойма-младшего.

Хочешь насмешить Б-га – расскажи ему о своих планах!

Если бы знать заранее, что виновником крушения станет не кто иной, как Илья Астафьев, один из немногих его приятелей по Песчанску.

Они случайно встретились на Невском возле Пассажа и сразу же бросились друг другу в объятия, несмотря на то, что особо доверительных отношений между ними не было никогда. Илья был старше двумя годами и всегда посматривал на младших снисходительно, а Левушка, занятый в гимназии борьбой за самоутверждение, чувствовал к Астафьеву нечто вроде благодарности за то, что тот никогда не задирал его.

Гимназические годы остались далеко позади: у обоих в кармане лежали университетские дипломы. Илья присвистнул, узнав, что Левушку приняли на кафедру химии, а тот одобрительно заулыбался, когда Астафьев поведал о своих успехах на адвокатском поприще.

Приятели решили обмыть встречу, и Илья пригласил Левушку на вечеринку, куда он спешил и даже купил спиртное. Вечеринка происходила нынче на квартире Илюшиной подруги, Муры Трапезниковой.

Мура в зелёном обтягивающем платье, похожем на змеиную кожу, встретила их у двери. Она нисколько не удивилась новому гостю, очевидно, в ее доме перебывало много всякого народа. Хозяйка проводила Левушку в комнату, где веселая компания уже откупоривала бутылки, и сразу же представила огненно-рыжей девице, одетой в бесформенную серую хламиду.

При виде Левушки девица замурлыкала, словно почуявшая сметану кошка. Она усадила его рядом и весь вечер подливала вино в бокал нового гостя. Левушка быстро наклюкался, понес какую-то ахинею, полез целоваться к соседке, а затем дал себя увести в дальнюю комнату.

Наутро он проснулся в объятьях рыжей ведьмы. Ее серая хламида валялась на полу рядом с его пиджаком, а сама она похрапывала, уютно положив голову ему на плечо.

Левушка чувствовал себя препогано: голова гудела, словно набатный колокол; во рту было сухо, а перед глазами все плыло. И самое главное – он никак не мог вспомнить имя девицы.

– Чертовщина какая-то! – пробормотал он, высвобождая руку.

Девица что-то промычала, но не проснулась. Полуодетый Левушка, пошатываясь, выполз в коридор в поисках уборной. Он открывал все двери подряд, попадавшиеся на его пути, но оказывался в комнатах, в которых уединились парочки. В гостиной спали остальные участники вечеринки, расположившись впокатку на полу, канапе, диванах и сдвинутых стульях. Между спящими валялись окурки и пустые бутылки, а остатки пищи с неубранного стола распространяли такой неприятный запах, что Левушка, с трудом сдерживая тошноту, пулей вылетел в коридор.

– «О поле, поле, кто тебя

Усыпал мертвыми телами?» -не к месту подумал он и позвал слабым голосом:

– Эй, здесь есть кто-нибудь?

Ответом ему была тишина.

– Илюха! -снова позвал он и осекся, вспомнив, что имел удовольствие лицезреть спящего Илью в объятиях хозяйки квартиры.

Внезапно его ухо уловило какой-то монотонный звук, доносившийся из кухни. Он немедленно пошел туда, спотыкаясь по пути о разбросанные по полу калоши, очевидно, кто-то из пьяных гостей в пылу веселья опрокинул калошницу.

В кухне находился высокий парень – Левушка видел его мельком – и наполнял водой старый потёртый чайник. Вода из крана лилась тонкой струйкой и противно жужжала, соприкасаясь со дном посудины. Левушкина головная боль усилилась в ответ на этот звук, и он невольно застонал.

Парень обернулся. Он равнодушно посмотрел на полусонного Леву и спросил:

– Чай будешь?

Левушка машинально провел языком по сухому нёбу и с трудом выдавил:

– Буду.

И тут его мочевой пузырь усилил подачу тревожных сигналов, и Левушка, пойдя у него на поводу, смущённо поинтересовался, где уборная.

– Дверь от кухни слева, -отмахнулся парень.

Через несколько минут, когда Лева привел себя в порядок и даже умылся любимым мылом хозяйки квартиры, он вернулся на кухню. Парень разжёг примус и поставил на него чайник.

Увидев чистенького, благоухающего розовым ароматом Левушку, парень заулыбался :

– Ого, что делает с человеком гигиена! Пять минут назад ты был похож на пропойцу, выкинутого из кабака. А сейчас ты в полном порядке. Сядь, подожди, пока я завариваю чай.

– Голова раскалывается.– пожаловался Лева.

– Тогда тебе нужно это лекарство.

олодой человек полез в дальний шкаф и вытащил оттуда прозрачную бутыль с мутной жидкостью

– Наша Мура запасливая, недаром, что из купеческих, – пояснил он, наливая жидкость в стакан. -Вот и брагу поставила. Вернее, не она, а кухарка.

Лева опрокинул странный напиток под названием,«брага» и моментально почувствовал улучшение.

– Вот это да! – воскликнул он, осознав, что к нему возвращаются краски жизни

– Хорошо пошла? – поинтересовался парень, – Мура специально держит для опохмелки.

– Да Вы просто спасли меня, – сказал Левушка и тут же принялся оправдываться, – Поверьте, это со мной впервые.

Парень равнодушно пожал плечами.

– Да и в гостях я случайно, и с хозяйкой едва знаком.

– Вот как? -оживился парень, – А кто тебя сюда привел?

– Илья Астафьев, мой приятель по гимназии.

– Илья? Так ты тоже из Песчанска?

– Вы знакомы с Астафьевым? Я тоже песчанский. Разрешите представиться, Лев Баренбойм, недавно вернулся в Россию из Франции.

– А что ты там делал?

– Как что? Учился в университете. У меня диплом химического факультета.

В глазах у парня встрепенулся интерес, немедленно спрятанный под каменным выражением лица.

– Так ты химик? – произнес Левин собеседник с напускным равнодушием.

Именно это равнодушие задело самолюбие господина Баренбойма.

– Логично предположить, что на химическом факультете преподают именно химию, а не философию или романские языки.– процедил Левушка сквозь зубы, -К тому же это невежливо, милостивый государь, я назвал себя, а Вы со своей стороны проигнорировали…

– Простите, Лев, право, я не хотел Вас обидеть, -изобразил раскаяние его визави, – Я Громов, Нестор Громов, и это пока все, что я могу о себе сообщить.

Глава 38

Попив чаю в обществе нового знакомого, Лева засобирался домой. День обещал быть тяжёлым: он не появился на кафедре – такое с ним случилось впервые в жизни, но, положат руку на сердце, кого это волнует?

Профессор во время аудиенции специально предупредил, что в подведомств енной ему епархии опаздывать не принято.

– Самодисциплина – вот главный принцип для молодого ученого, – произнес он напоследок, – Расхлябанность и необязательность – не те качества, которые приведут к научному открытию. Опоздания у нас чреваты. Сам я, например, никогда не опаздываю.

Профессору легко рассуждать: во-первых, он занимает квартиру в доме при университете, и его дверь видна из окон лаборатории; во-вторых, он не посещает вечеринок, а в-третьих, его жизненные интересы в силу возраста совсем не те, что у его молодых подопечных, да и женат он давно и прочно на почтенной Марии Васильевне.

Левушка содрогнулся от мысли предстать перед профессором помятым после пьянки, поэтому решил отложить неизбежное до завтра. А сегодня он примет душ, отоспится и вообще приведет себя в порядок.

Немного мешало то, что Нестор Громов вызвался его проводить, а потом без приглашения ввалился в левино жилище, но, как оказалось, Лева зря расстраивался: Нестор не только не надоедал, а, напротив, навёл в доме порядок, не побрезговал даже помыть полы. Пока Лева отсыпался, Нестор успел сбегать на базар и приготовил незатейливый обед из трёх блюд.

За едой Левушка невольно посетовал на строгость профессора и собственный страх перед ним, особенно сейчас, когда он не представляет, чем оправдаться за прогул. Нестор не замедлил предложить помощь и научил приятеля, что отвечать завтра, представ пред ясные начальственные очи. Под вечер Громов ушел, пообещав заглянуть как-нибудь ещё.

Назавтра Лева Баренбойм имел возможность убедиться в необыкновенных способностях нового знакомого к вранью. Версия, озвученная с подачи Нестора, прошла без сучка и задоринки: профессор уже был готов закусить Левой, но неожиданно расслабился и даже посочувствовал милому молодому человеку, недавно приехавшему из Европы и ставшему жертвой местной шпаны.

А Лева живописал происшедшее с ним, повторяя слово в слово версию, придуманную на ходу Нестором – и как он вышел из дома, и как неизвестный попросил у него закурить, а затем напал внезапно и стал угрожать ножом, и как подоспели другие и били Леву, пока его не выручил дворник.

Молодой человек просил его извинить и высказывал сожаление о том, что за день его отсутствия на кафедре наука химия ушла далеко вперёд. Профессор поспешил заверить пострадавшего, что химия все ещё топчется на месте, но с его помощью старую науку ждёт прорыв, таким образом Левушку допустили к работе и не докучали чтением моралей.

С тех пор Лев Баренбойм и Нестор Громов подружились и стали проводить вместе почти все свободное время. Нестор сопровождал Левушку, плохо знающего столицу, по историческим местам. Кстати, список этих мест включал не только знаменитые музеи и театры, но и шикарные рестораны, публичные дома в районе Сименцов и тайные курильни опиума на Лиговке.

Жизнь в Санкт Петербурге начала двадцатого века била ключом и переливалась электричеством. Публика с ума сходила от пения Шаляпина и Вяльцевой, в «Бродячей собаке"поэты-футуристы читали какие-то непонятные стихи. По лицам слушателей угадывалось, что никто ничего не понимает, но выхода нет – нужно держать фасон, футуристы нынче в моде.

На летней эстраде на Каменном острове выступал цыганский хор Ильи Тараканова – здесь было все без затей: томные романсы, дрожание плечами, красные плисовые рубашки и пестрые юбки.

Звонили трамваи, пели клаксоны новых авто. Воришки шныряли среди праздной публики в Гостином и Апраксином дворах, витрина Елисеевского магазина поражала воображение самых изысканных гурманов.

Зрители давились в очереди в синематограф, чтобы поплакать над чужими страстями, но и собственных страстей хватало с избытком, о чем ежевечерне повествовали в газетах хроникеры уголовных происшествий.

Сидеть дома по вечерам было не принято, а в гостях велись бесконечные разговоры о судьбе России, об избранности ее пути и преимуществах террора при решении политических вопросов.

Петербуржцы помещались на пророчествах и тайных знаках: из рук в руки передавались списки прогнозов некоего инока о грядущей войне, последующим за ней царстве Антихриста, где «брат пойдет на брата», а «иконами будут топить печи в доме Сатаны».

Спиритические сеансы стали всеобщим поветрием, а на вечеринки в качестве «изюминки» приглашали медиумов – людей, обладающих необыкновенными способностями.

Левушка и Нестор, будучи стойкими материалистами, игнорировали подобные сборища с примесью мистики, однако охотно посещали другие, где конца не было критике нашего политического развития. В самом деле, монархия – это анахронизм, и Великобритания нам не пример. Лучше уподобиться прекрасной Франции и выжечь всех паразитов очищающим огнем революции, отрубив голову царю и его семейству. Левушка при этом некстати вспоминал о том, что после Великой французской революции власть в стране захватил выскочка Наполеон, причинивший Франции немало бед. На него косились неодобрительно, и одиночный голос Левушки тонул в общем гуле восхваления революционной борьбы.

А российская Дума, являющаяся плохой копией развитого европейского парламентаризма, озабочена только одним – благополучием собственных депутатов, а не собственной страны. Локомотив под названием Россия на огромной скорости несётся в никуда, и остановить его можно только, подорвав рельсы.

Левушка соглашался с тем, что надо убрать прогнившее руководство страны, но опасался случайных жертв при совершении терактов. Разумеется, он рассуждал теоретически, не находя в себе ни сил, ни желания становиться бомбистом. Зачем? У него впереди карьера, он живёт в прекрасном городе и пользуется всеми благами цивилизации. Пусть прохвосты и неудачники бросают бомбы в царей и губернаторов, а потом фанатично идут на виселицу – Левушке хорошо и на этом свете, где так много соблазнов и удовольствий.

Примерно так же он высказался в беседе с Нестором. Друг как будто поддержал Левушку, но тут же перевел разговор на другое.

А через несколько дней, оставшись с ним наедине, без обиняков попросил изготовить взрывное устройство.

– Ты же химик, для тебя сделать бомбочку – все равно, что два пальца… это самое… – уговаривал Нестор, – И потом, мы хорошо заплатим.

– Кто это «мы»? -выдавил Левушка, на что Нестор отрезал:

– Много будешь знать… Впрочем, неважно.

В голове у химика прояснилось: какого же он сваляла дурака! Этот Нестор заинтересовался им, лишь узнав о его профессии, и в дружбе он проявлял инициативу, а Левушка предпочитал быть ведомым.

Левушке же почти ничего неизвестно о новом друге: Нестор умудрялся избегать прямых ответов на вопросы. И на квартире у Нестора не был…

А Левушка хорош – распустил язык, рассказал про богатого пару в Песчанске и сестер! Что же теперь делать? Если эти люди успешно охотятся на российскую верхушку, то уничтожить еврейское семейство из провинциального Песчанска – для них не вопрос. И как бы в подтверждение его мыслей, Нестор произнёс:

– Я бы не советовал тебе отказываться, Лева. У нас длинные руки, а твои сестры утром ходят в гимназию одной и той же дорогой.

Левушка ясно представил окровавленные тела на тротуаре, развороченный взрывом, гимназические портфели в грязи и затоптанные школьные тетрадки и… согласился.

– Только один раз, – предложил он, но по тому, как поспешно кивнул Нестор, понял, что в покое его не оставят.

Глава 39

Через неделю после того, как Нестор получил «посылку"от Левушки, щедро заплатив последнему, на шикарной даче в Териоках, принадлежащей крупному чиновнику министерства транспорта Сергею Ивановичу Костецкому, праздновали день ангела Надежды, младшей дочери хозяина дачи.

День был хорош, такой ясный и тёплый, какие чаще бывают в июле, а не в сентябре. Гладь залива проглядывала сквозь трепещущие кроны сосен, а вдоль садовых дорожек, спохватившись, расцвел шиповник. Его обманула теплынь, и он поспешно покрылся душистыми цветами.

С утра на дачу съезжались гости. Поздравив именинницу, они разбредались по саду или спускались к заливу. Белые зонтики мелькали среди осеннего многоцветья. В беседке молодежь пела под гитару, на веранде компания постоянных игроков затеяла партию в вист, а в залитой солнцем столовой шли последние приготовления к праздничному обеду.

Веселая хохотушка Наденька носилась по дому веретеном, зацелованная и затисканная со всех сторон. На нее пролился дождь подарков, а самое главное, ей подарили набор для тенниса, о чем она давно просила папу. Девочка в восторге показывала ракетки гостям и прислуге, раздавала конфеты в серебряных бумажках, обставила кухаркиного сына в игру в камешки и, запыхавшись, остановилась у зеркала в прихожей.

Она горделиво подняла голову и снисходительно посмотрела на своё отражение. Как она прекрасна в этом «взрослом"платье – ей можно дать в нем не пятнадцать, а все семнадцать лет! И прическу ей мамуля навертела взрослую, и повесила ожерелье. Наконец-то ей можно носить украшения – она и так перемерила все из маминой шкатулки. А сегодня на обеде она появится в настоящих изумрудах.

Наденька ещё немного покружилась перед зеркалом и вдруг заметила через раскрытую дверь, что от калитки к дому идёт посыльный. В руках у него был здоровенный пакет, перевязанный красной лентой, а это, несомненно, означало только одно -новый подарок!

Девочка сама встретила посыльного, расписалась в получении и торопливо принялась развязывать ленточку. Посыльный незаметно удалился, а Наденька уже раскрывала упаковку. Под обёрткой оказалась картонная коробка, красиво расписанная сердечками, птичками и цветами. Наденьке показалось, что внутри коробки что-то тикает.

– «Неужели мне подарили будильник?» – успела она подумать, открывая крышку. И в это мгновение страшный взрыв потряс все помещение. Когда все опомнились и бросилась к месту взрыва, глазам предстала страшная картина – от бедной Наденьки ничего не осталось, как и от ее первого «взрослого» платья.

На следующее утро газеты наперебой сообщали о взрыве в Териоках и о гибели дочери крупного чиновника. Левушка прочёл о теракте и сразу же понял, чему послужила его посылка. Он взглянул на напечатанную на первой странице фотографию улыбающейся Нади Костецкой, и ему сделалось так стыдно, что захотелось напиться. Он, Левушка, убийца – надо называть вещи своими именами. Он виноват в гибели девочки, счастливо улыбающейся на снимке, все несчастье которой состояло только в том, что бомбисты вынесли приговор ее отцу.

Левушка переживал до тех пор, пока Нестор не принес деньги сверх договоренности, так называемую премию.

– «Продаваться, так подороже, -в отчаянье подумал он и взял следующий заказ, дав зарок никогда не читать газет.

С тех пор так и пошло: все больше суммы гонорара, все глуше голос совести.

Два года он работал на Нестора и его организацию, а потом начались аресты.

Левушка, привыкший к дополнительному заработку, ощутил себя в вакууме, как только прервалась связь с Нестором. Он уже не терзался моральной стороной дела – ему просто нужны были деньги. Нестор один из всей организации бомбистов поддерживал с ним связь, что имело как свои достоинства, так и недостатки. С одной стороны, его не коснулась прокатившаяся волна арестов, ведь его данные никому, кроме Громова, не были известны, а с другой – Левушка уже врос корнями в деятельность бомбистов и не мыслил без нее существования.

А дальше произошло то, о чем никто не мог предположить: Нестор заболел в тюрьме менингитом и в бреду выболтал глубоко запрятанные тайны, в том числе и о Левушке - изготовителе бомб. Агент охранки сделал стойку, как хорошая охотничья собака: наконец-то они вышли на след пресловутого «химика,,,Он отправил подробный отчёт своему начальству и получил разрешение на арест Льва Львовича Баренбойма, проживающего на Миллионной улице.

Пока отчёты и резолюции ходили по инстанциям, на Левиной счастье произошла утечка информации: один из прикормленных бомбистами агентов узнал о грядущем аресте некоего химика – умельца, завалившего взрывчаткой столицу.

Агент рассудил, что специалистов подобного уровня нужно беречь, и поспешил предупредить Леву. Тот, не заходя к себе в квартиру, поехал на Царскосельский вокзал и взял билет на ближайший поезд в Белоруссию. Он был уверен, что в Песчанске его уже караулят возле отцовского дома, а сестра Рашель, живущая в Барановичах, поможет ему спрятаться или уехать за границу.

Предупредивший Леву агент сделал ещё одно доброе дело: передал паспорт на имя некоего Оболенского.

В вагон третьего класса, где коротал время Левушка, на каждой станции входили и выходили люди, и все они казались подозрительными нашему беглецу. Он сидел в углу, спрятав нос в воротник, и притворялся спящим, а сам вполглаза следил за происходящим.

Постепенно он вычислил их всех – тех, кто должен был его арестовать. Они входили на разных станциях, старательно маскируясь под крестьян и мастеровых, но каждый из них как-то по особенному взглянул на Левушку.

Беглец дрожал всем телом, не зная, что предпринять. Он хотел затаиться и так просидеть до самой Белоруссии, но продолжал привлекать внимание поднятым воротником и бегающим взглядом. И лишь только поезд отъехал от станции Вязовка, он понял, что нужно делать.

Илья Астафьев не раз говорил, что здесь возле Вязовки находится их дача, и зимой там никто не живёт. Лева вскочил с места и под недоумевающие взгляды соседей по купе вышел из вагона. А потом – прыжок в темноту, боль, неизвестность…

Напрасно он так небрежно обошёлся с красивой фельдшерицей- она не скрывала симпатии к нему. В другое время, возможно, их роман расцвел бы пышным цветом, но сейчас он не имеет права рисковать сам и подвергать риску понравившуюся женщину.

Планы меняются: он едет в Песчанск пред строгие очи отца. Уж он-то даст денег и поможет скрыться.

К вечеру он добрался до Вязовки. Перрон был освещен газовыми фонарями, тусклый свет которых расплывался в тумане. Другой фонарь, побольше, освещал здание вокзала, и внутри горел свет. Накрапывал дождь, тучи собирались на небе, и сырой ветер проникал под одежду, пронизывая холодом до костей.

Левушка зашёл в пустой вокзал. Там было тепло и тихо, лишь потрескивали дрова в печке, да мерно постукивал телеграфный аппарат. Дежурный по станции дремал за тонкой фанерной перегородкой и на приход Левушки не отреагировал.

В самом деле, зачем ему дёргаться, если до следующего поезда три часа, а ему здесь куковать всю ночь!

Оглядевшись, Левушка опустился на жёсткую деревянную скамейку. За время пути он выбился из сил, к тому же сильно болел бок – то место, где Ольга сделала прокол. Он вытянул ноги и с наслаждением уснул.

Он проснулся, словно от толчка, и сначала не мог понять, где находится. Постепенно отдельные фрагменты – потолок, скамейка, печь – начали складываться в единое целое. Да он же на вокзале, в Вязовке.

В полумраке зала ожидания чувствовалось чье-то постороннее присутствие. Лева поднялся на локтях и огляделся: на соседней скамейке сидела Ольга и настороженно наблюдала за ним. Вероятно, она находилась здесь давно: за окном шел дождь, а ее пальто и шляпка были сухими. Она грела руки у печки и попеременно подносила их к щекам.

– Ольга Карловна, – смущенно позвал Левушка, – А почему Вы здесь?

Он, кажется, растерял владение литературным языком, впрочем, она этого не заметила. Ольга была смущена не меньше Левушки, кроме того, ее волновало, как он воспримет ее появление. Тем не менее ей удалось взять верх над своими чувствами, и она ответила не без вызова:

– Вы даже не попрощались со мной – неужели я не заслужила такой малости?

Левушка скрестил руки на груди, изображая раскаяние.

– Простите меня, Ольга Карловна. Я не хотел доставлять Вам новые беспокойства.

– Беспокойства? – удивилась она.

– Да, именно, – с жаром подтвердил Лева, – Высказав сомнение в том, что я – Оболенский, Вы попали в точку. У меня есть основания скрываться под чужим именем. Я испугался навлечь на Вас неприятности.

– А, может быть, Вы испугались моей проницательности? – переспросил она.

На секунду взгляды их встретились, и неожиданно для себя Ольга и Левушка бросились друг к другу в объятья.

Глава 40

Целую неделю Левушка прожил в домике Миллеров. Он отлеживался и отсыпался, и вскоре окреп настолько, что решил продолжить путь. Ольга не возражала, даже предложила денег на дорогу до Барановичей.

Нужно добавить, что Лева недолго оставался в ее глазах Оболенским: в первый же вечер он рассказал ей все, назвавшись настоящим именем. Он признался и в изготовлении взрывчатки для террористов, и в том, что его разыскивает полиция. Ольга выслушала молча, а потом заявила, что, если Лева готов оставить свои заблуждения в прошлом, она поможет ему уехать.

Заново переживший терзавшие его муки совести, Лева поклялся никогда больше не иметь никаких дел с эсэрами и расплакался.

Увидев слезы в глазах молодого человека, красивая фельдшерица удивилась. Первый раз в жизни она наблюдала плачущего мужчину: ни Карл Иванович, ни Митя, ни Евгений Монаков никогда себе не позволяли ничего подобного.

И тут ей до сердечной боли стало жалко запутавшегося Левушку, по собственной глупости разрушившего свою жизнь и надежды на блестящую карьеру.

Господи, ну что за нелепость! Почему ее угораздило влюбиться в хлипковатого молодого человека – она, сильная, здоровая, несущая на своих плечах заботы о стареющем отце, подрастающей дочери и легкомысленной сестре. Она, чья жизнь расписана до мелочей, не терпит случайностей и сердечных всхлипов. А ее чувства к Леве -именно такая нелепая случайность.

Лева перестал плакать, словно опомнившись, и в испуге уставился на Ольгу.

Наконец-то он расслабился, осознав, что Ольга готова взять на себя решение проблем, в которых Левушка безнадежно запутался. Она поднялась со стула и несколько раз прошла по комнате взад-вперед, словно демонстрируя стройную фигуру.

– Ты должен уехать и скрыться у сестры, – произнесла она, продолжая расхаживать, – Ты же и ехал туда, не так ли?

– Да, первоначальный план был такой, – подтвердил Лев, – Только денег на дорогу не осталось почти. То ли украли, то ли потерял. С той суммой, что сохранилась, я могу доехать только до Песчанска, а там одолжить у папы.

– «У папы», – передразнила Ольга, -Дом твоего отца, наверняка под наблюдением. Да тебя прямо на вокзале и схватят, лишь только ты выйдешь из вагона! Можешь не сомневаться…

– Как же быть? Полагаю, на мой счёт в банке наложен арест.

– Я дам тебе денег на билет.

Это был выход из сложившейся ситуации, но всё Левиной существо запротестовало: он не привык одалживать у женщин.

– Это альфонсизм какой-то, -заявил он, решительно отказываясь.

– Глупости, – рассердилась Ольга, – Ты не альфонс, а я не добрая самаритянка. Тебе нужно скрыться- я помогу! А долги отдашь потом.

– А если…

– ,А если не отдашь, то, поверь мне, денежная потеря- это самое ничтожное, о чем надо сожалеть.

Заметив его колебания, она поторопила молодого человека :

– Решайся, наконец, а то я назначу тебе такие проценты, что любая старуха-процентщица по сравнению со мной покажется образцом щедрости.

Он уехал в тот же вечер. Ольга проводила его до Вязовки и, как только Лева сел в вагон, почувствовала облегчение, словно с души упал камень. Поезд тронулся и, набирая скорость, исчез в лесной дали за поворотом.

– Стареете, Ольга Карловна, любовников от себя отпихиваете, – сказала она себе, наблюдая за пропадающим вдали последним вагоном, – И почему ко мне всегда притягивает слабаков? Сначала Евгений с комплексом худородности, теперь этот химик. Наверное, один Митя Астафьев мог стать для меня опорой, но я сама прогнала его. Где он теперь?

Она долго шла по краю бровки, вспоминая подробности романа с Митей, не упуская ни одной мелочи. В сердце Ольги царил сумбур, но Левушке Баренбойму в нем уже не было места.

Лева же, оказавшись в вагоне, моментально заснул. Он вычеркнул из жизни прошлое, в том числе и Ольгу. Он забыл о ней, не успев проехать и пяти километров.

Как хорошо получилось: он убежал от полиции, добыл денег на билет, а завтра прибудет в Барановичи. Документ на имя Антона Ивановича Оболенского при нем, а в дальнейшем он уедет за границу.

Неужели сестрица Рашель не ассигнует любимому брату энную сумму? Ему не надо много – на проезд, да на обустройство где-нибудь в Германии или Австрии. Возможно, он воспользуется предложением сделать докторант в Праге. Хотя, какой там докторант – его же ищут!

Он займётся торговлей сахаром, как и Баренбойм-старший, а там… видно будет.

Так Левушка тешил себя надеждами, пока жандармы не схватили его прямо в вагоне, на остановке в городишке Орша.

Глава 41

Июль 1914.

Мало кто в российской глубинке обратил внимание на заметку в газетах об убийстве в Сараево австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда. Наследник престола пал от пули сербского фанатика Гаврилы Принципа, но этот факт не удивил россиян, привыкшим к деяниям своих бомбистов. И в самом деле, у нас то и дело взрывают и убивают то самого государя, то великого князя, то Столыпина. А уж губернаторов, жандармов, начальников, да и просто случайных прохожих – и не сосчитать.

Бороться против подобных явлений крайне сложно: и вешают этих террористов, и в казематы бросают, и в каторгу, а им все неймётся. Это словно раковая опухоль, поразившая Российскую империю, и грозящая прорасти метастазами в благополучной Европе.

А все – свобода, демократия, парламентаризм! А нужны ли все эти категории русскому мужику, привыкшему к неволе? Нужно ли это задавленному рабу, прощающему своему барину розги и разные прихоти – он не слыхал ни о какой демократии – да и зачем она ему? Что он с ней будет делать? Какие решения принимать? Насколько проще, когда за тебя все решает барин, и есть на кого переложить ответственность за собственную жизнь. В России целые поколения прожили в зависимости – они уже разучились за что-либо отвечать.

Дали свободу – прекрасно! А что с нею делать? Самим зарабатывать на хлеб? Но это же намного труднее, чем ошиваться при барине, показывая личную преданность.

Правда, новое поколение уже впитало эти понятия и со свободой обращалось, как с отвязной подружкой. Лишь приоткрылась дверка – и хлынули в столицу и крупные города кухаркины и крестьянские дети, разночинцы всех мастей, словно один только призыв к свободе встряхнул и перемешал все общество.

– Сломать старый мир, – воскликнул пришедшие «на новенького», смутно представляя, что делать, когда весь мир ляжет в руинах. И застучали молотки по общественным устоям, круша все на своём пути – семью, общество, религию, да и само государство: дети рабов таким образом выплескивали свою злобу и упивались собственной вседозволенностью.

Извращённая у нас получилась свобода – не свобода в рамках закона, а свобода без границ, которую негодяи всех мастей ловко приспособили себе на службу. Вот и текут реки крови по российским мостовым, и полыхает зарево террора.

Так что же они там в Европе испугались одной тонкой струйки крови эрцгерцога? Правда, одна из пословиц гласит, что и от одной спички может пожар разгореться, да, авось пронесёт… Нас-то балканские события не должны коснуться – пусть у Габсбургов голова болит при разбирательстве с бывшими провинциями, раз не сумели удержать под своей властью. Тоже мне - Сербия, Хорватия, Черногория – Монтенегро, черт побери! Сколько новых царьков породила их независимость, сколько амбиций и неутоленных аппетитов. И то же опьянение свободой, и та же встряска, вынесшая на поверхность муть…

Те, кто думал подобным образом, фатально ошибались. Сараевский выстрел привел к вступлению России в войну, которую историки в дальнейшем назовут Первой Мировой.

После появления официальных сообщений в газетах повседневная жизнь в России не изменилась: не исчезли ни мыло, ни спички, ни продукты из сверкающих витрин. Рестораны и театры наполняла по вечерам нарядная публика, люди увлекались техническими новинками, постепенно входящими в быт – автомобилями, телефонами, самодвижущимися лифтами. Авиация развивалась, обещая в двадцатом веке расширить горизонты, что позволило бы людям долететь до края Ойкумены.

В архитектуре и искусстве царил модерн – изящество простоты, отвергающее излишества и вычурность. Утренние газеты приходили вовремя, почта работала без опозданий, а у петер-

бургских снобов появилась новая привычка – завтрак в кафе после прочтения прессы и обсуждение происходящего на театре войны.

Ах, как это мило – сидеть на набережной в погожий летний день, любоваться прозрачной невской волной, критиковать нашу политику и предлагать мудрые военные ходы – жаль, верховный главнокомандующий об этом никогда не узнает…

Вскоре прошла мобилизация, и столыпинские вагоны, набитые солдатиками, потянулись на запад. Родион Таланов, оставив Верочку с малышкой на попечение родителей, уехал на фронт сразу же после объявления войны. Туда же в составе своей части отправился и Митя Астафьев: он успел послать короткую телеграмму с дороги, чтобы успокоить родных и не оставлять их в неведении.

Анастасия Александровна засобиралась в город: ее встревожили слухи об экономическом кризисе и возможном падении рубля. И хотя она не слишком разбиралась в финансовых вопросах, но не нужно быть крупным специалистом, чтобы понять последствия удешевления денег, – достаточно обладать здравым смыслом.

Викентий попытался убедить сестру не торопиться, но на этот раз Асенька его не послушалась, и уже в начале августа Астафьевы в полном составе вернулись в Песчанск.

Аня и Маруся дулись на мать: первая полагала, что теперь можно поставить крест на учебе в Санкт Петербурге, а вторая тревожилась из-за Миши Таланова: он не давал о себе знать с тех пор, как уехал в экспедицию. Ваня Астафьев тоже недоумевал – к чему спешить в пыльный город, если целый месяц до сентября можно было жить на даче?

В городе на Анастасию Александровну пролился дождь приглашений на благотворительные балы, собрания женских организаций и непременные семейные торжества друзей и знакомых. Привычная круговерть жизни успокоила ее, и Асенька благополучно забыла, зачем так рано сорвалась с дачи. Она ни разу не зашла в банк, не проверила состояние дел, а ее благие намерения так и остались нереализованными. Если же Асенька мысленно возвращалась к ним, то сразу вспоминала о Викентии, как о палочке-выручалочке.

Через несколько месяцев все изменилось. Сначала из аптек повсеместно исчезли вата и бинты, потом начались перебои с"колониальными товарами» – чаем, кофе и порошком какао. Известия с фронта не радовали: огромными усилиями удавалось сдерживать германские войска на нашей западной границе.

Потянулись раненые в эшелонах, следующих на восток. Маруся и Рая бегали на вокзал посмотреть на них, а потом долго ревели навзрыд в Марусиной комнате. При виде увечных молодых людей, в глазах которых была такая тоска, словно у людей, крепко побитых жизнью, Маруся испытала чувство вины за то, что избежала подобной судьбы, и обильные слезы Маруси ублажали ее больную совесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.